

ОРИ
4

ИСТОРИ
ЧЕСКАЯ
БИБЛИО
ТЕКА
4

М. РАЕВ
ПОНЯТЬ ДО-
РЕВОЛЮЦИОННУЮ РОССИЮ

марк РАЕВ

ПОНЯТЬ
ДО-
РЕВОЛЮЦИОННУЮ
РОССИЮ

государство и общество
в российской империи

ПОНЯТЬ ДОРЕВОЛЮЦИОННУЮ РОССИЮ

Marc Raeff

**UNDERSTANDING
THE IMPERIAL
RUSSIA**

State and Society in the Old Régime

**Translated from French
by Yaroslav Gorbanevskij and Natalya Dyuzheva**

**With an introduction
by Mikhail Heller**

**Overseas Publications Interchange Ltd
London 1990**

Марк Раев

**ПОНЯТЬ
ДОРЕВОЛЮЦИОННУЮ
РОССИЮ**

Государство и общество в Российской Империи

**Перевод с французского
Ярослава Горбаневского и Натальи Дюжевой**

**Предисловие
Михаила Геллера**

**Overseas Publications Interchange Ltd
London 1990**

Marc Raeff: PONIAT' DOREVOLIUTSIONNUIU ROSSIU.
Gosudarstvo i obshchestvo v Rossiiskoi Imperii.
Translated from French by Yaroslav Gorbanevskiy
and Natalya Dyuzheva
With an introduction by Mikhail Heller

Originally published in French under the title
«Comprendre l'Ancien Régime Russe»
(Éditions du Seuil, Paris 1982)

First Russian edition published in 1990
by Overseas Publications Interchange Ltd
8 Queen Anne's Gardens, London W4 1TU, England

Copyright © Éditions du Seuil, 1982
Copyright © Russian edition
Overseas Publications Interchange Ltd, 1990

All rights reserved

No part of this publication may be reproduced,
in any form or by any means, without permission.

ISBN 1 870128 96 6

The cover, designed by Danuta Niekrasow-Heller, shows a detail
from the portrait of Catherine the Great by D. Levitsky

Printed and bound in West Germany

ПОИСКИ ПРОШЛОГО

В бесконечном перечне болезней, терзающих душу и тело Советского Союза, один из самых тяжелых недугов - потеря памяти. "Гласность" - позволение говорить, разрешение обернуться в прошлое - обрушила на советских людей множество имен, фактов, событий, которые десятилетиями вычеркивались, смывались губкой цензуры с грифельной доски памяти. Обилие информации, кажется, приводит к временному несварению. Но - информация лишь первый этап. Следующим должен быть - синтез. Недостаточно заполнить "белые пятна", даже если бы это действительно было можно. Необходимо составить карту. Но, в отличие от географической, карта прошлого должна быть не только нарисована, ее нужно понять.

В последние годы прошлое меняется с головокружительной быстротой. Касается это, в первую очередь, советского прошлого. Журналисты, публицисты, мемуаристы раскапывают детали минувших 70 лет. В более далекое прошлое пока идут лишь в поисках аналогий, параллелей. Они иногда полезны, но, как заметил това-

рищ Сталин, "всегда рискованны". Часто они не помогают, но мешают понять.

Книга Марка Раева называется "Понять дореволюционную Россию". Слово точно определяет позицию историка: он не судит, не оценивает. Он хочет понять. Деяния человеческие, как правило, вызывали недоумение, в особенности у потомков. Нелегко понять историю любого народа. Трудность понимания русской истории определяется еще и тем, что ее настойчиво, планомерно фальсифицировали после октября 1917 г. Ее переписывали на каждом повороте генеральной линии. Постоянно существовала (и все еще существует) "правда" истории, т. е. официальное, декретированное, единственное изложение прошлого. Наличие официальной истории России оказывало всемогущее влияние и на историков, живших за пределами первого в мире социалистического государства. Принимая декретированную точку зрения либо споря с ней, желая модифицировать, иностранные историки остаются связанными с утвержденной интерпретацией прошлого России. Есть, конечно, исключения. К ним принадлежит автор этой книги.

Марк Раев родился в России, учился в Германии, Франции, США. Служил во время войны в американской армии, в университете был студентом Михаила Карповича, потом стал преподавать сам, заняв кафедру Колумбийского университета. Его труды, прежде всего, хорошо известная специалистам книга о Сперанском, свидетельствуют не только об исследовательском таланте, блестящей эрудиции, но также о независимости взглядов, иммунитете к распространенным, модным теориям.

"Понять дореволюционную Россию" имеет подзаголовок, определяющий хронологические рамки работы и главный предмет исследования: "Государство и общество

в Российской империи". Посвятив первую главу истории царствования Алексея Михайловича, американский историк обращается затем к эволюции государственных учреждений и отношения к ним общественных сил. Работа Марка Раева принадлежит к редким книгам, в которых, по известному выражению, словам тесно, а мыслям просторно. На небольшой площади он излагает оригинальную концепцию русской истории, прослеживая корни 1917 г.

Написанная и опубликованная на французском языке в 1982 г., книга М. Раева привлекла внимание свежестью взгляда, глубиной синтетического анализа, точностью и лаконичностью языка. Переведенная на русский язык, она, кроме того, должна вызвать живейший интерес своей актуальностью. Нынешний кризис советской системы, которая после 70 лет существования приобрела все черты "старого режима", проявился прежде всего как кризис структуры власти, системы управления. Именно это - государственная система, государственные учреждения - интересует историка в первую очередь.

В основу своей концепции Марк Раев берет понятие "регулярного", или "полицейского государства" (именно так русские историки прошлого века переводили термин "Etat policé"). Сегодня это слово - синоним тиранической власти. Историки называют "полицейским государством" форму абсолютизма, распространенную в Европе в XVII - начале XIX вв. Характерные черты этой системы политических взглядов и административной практики рождаются еще в XVI в. Она оформляется в следующем веке. Для своего времени система была новаторской, соответствовавшей новой эпохе. Научная революция XVII в. открыла казавшиеся неограниченными горизонты вселенной. Возникает стремление систематически организовать мир и удовлетворить все потребности. В связи с этим рождается представление о новой

роли государства как организатора социальной активности для использования потенциальных ресурсов: духовных, материальных, человеческих. Государство в этой системе берет на себя задачу реорганизации и развития в соответствии с рациональным планом.

Моделью полицейского государства в Западной Европе XVII века были Швеция, Пруссия, Австрия. Эту модель отвергла Польша - ее история известна. При Петре I Россия - с пятидесятилетним разрывом - берет эту модель в качестве образца.

Марк Раев, используя концепцию "полицейского государства" как ключ, анализирует смысл петровских реформ и последующей эволюции государственных учреждений и гражданского общества. Нетрадиционность взглядов американского историка особенно ярко проявляется в главе, посвященной царствованию Николая I, поворотному пункту в истории России. Великолепный знаток эпохи, Марк Раев отказывается видеть в Николае I - Николая Палкина и только. Он не согласен с определением николаевской эпохи как "тридцатилетней контрреволюции". С его точки зрения, в царствование Николая I были завершены реформы государственной системы, начатые Петром I. Не скрывая отрицательных черт времени, историк настаивает на положительных: административная деятельность, развитие профессионального образования, расцвет научной жизни. Он констатирует: несмотря на цензуру и контроль, царствование Николая I было одним из наиболее динамических периодов в истории русской интеллектуальной жизни.

Примером самостоятельных суждений Марка Раева может служить оценка им генерала Аракчеева, как "талантливого администратора, очень много сделавшего для подготовки русской армии накануне 1812 г.". Это неожиданно, ибо, как правило, советские историки за-

крепили за Аракчеевым место тупого мучителя крестьян. Даже Сталин осуждал "аракчеевщину". Марк Раев не изображает администратора поселений "положительным героем", он подчеркивает многозначность истории, которая так часто интерпретируется в угоду сегодняшнему дню.

Проследившая эволюцию государственных учреждений, историк выделяет два постоянных фактора, которых никакие реформы не могли в России изменить. Отвергая марксистские категории классов, классовой борьбы как главного мотора истории, Марк Раев обнаруживает в русском императорском прошлом два неподвижных полюса, препятствовавших созданию гражданского общества: самодержавие и радикальную интеллигенцию. Разоблачению роли самодержавия посвятили себя многочисленные историки. Подлинная история русской интеллигенции еще ждет своего автора. Марк Раев задерживается на рождении интеллигенции, подчеркивая ее отчужденность от реальности: "Отказавшись от своего социального происхождения, не желая иметь ничего общего ни с экономикой страны, ни с администрацией, интеллигенция определила себя по отношению к народу". Выбрала себе миссию внесения в народ идеологии. Он подчеркивает, что интеллигенция принципиально, идейно отвергала участие в производительной активности под руководством императорской администрации. Иными словами: став носительницей идеологии, интеллигенция стала оппозиционной силой.

Сегодня, когда приведение аналогий с великими реформами Александра II стало обычным в советской публицистике, особый интерес вызывают страницы, посвященные самой первой "оттепели". Историк обращает внимание на то, что Александр II, приступив к реформам, которые выводили Россию в новое время, встретил острое

сопротивление радикальной интеллигенции, враждебной всем изменениям, которые осуществляло самодержавие. Интеллигенция считала только себя способной вести народ, руководить им.

Непримиримый конфликт между двумя претендентами на организацию государства, на руководство народом мешал формированию общественных сил, которые могли бы мыслить самостоятельно, думать за себя. И бюрократическое государство, и радикальная интеллигенция отказывались включать в гражданское общество крестьян. И те, и другие видели в мужике "брата младшего", дите малое, которое не может обойтись без поводыря. Марк Раев отмечает, что Петр Столыпин был первым, "кто хотел трактовать крестьянина как равноправного гражданина".

К началу первой мировой войны враждебность между двумя неподвижными полюсами - самодержавием и интеллигенцией - достигла апогея. Гражданское общество, находившееся в стадии формирования, оказалось во власти радикальных, нигилистических идей как в политике, так и в культуре.

"Понять дореволюционную Россию" заканчивается выводом: "Слабость социального мира, с одной стороны, и растущая неспособность самодержавия и интеллигенции вести за собой общество - с другой, стояли у истоков развивающегося загнивания системы и выкопали яму, в которую рухнул императорский режим".

Пришла революция. Началась история "нового режима", советского. Книга Марка Раева помогает понять и его. Понять: почему всего лишь после 70 лет существования "новый режим" приобрел все характерные черты "старого".

Михаил Геллер

Сентябрь 1989 г.

Глава I

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО НАКАНУНЕ ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ

К середине XVII века общественно-политическая жизнь Московского государства достигла полноты и высшей точки своего развития. Его институты были окончательно закреплены Уложением 1649 года. Начиная с этого времени, наблюдается ослабевание, а затем явный и быстрый упадок московской цивилизации, который через одно поколение, в момент смерти царя Алексея Михайловича (1676), привел к тяжелому кризису государственных институтов, общества и культуры. Этот кризис, в свою очередь, подготовил почву для радикальных или прямо революционных преобразований, проведенных Петром I.

Чем же было это Московское государство около 1650 года, когда, пережив потрясения Смутного Времени в начале века, его культура, казалось бы, упрочилась и приняла окончательные формы? На этот вопрос нелегко ответить, так как русская историография обошла этот век своим вниманием больше любого другого. За исключением некоторых частных вопросов (таких, как церковный кризис, городские и крестьянские мятежи), историки обычно рассматривают эту эпоху либо как повторение или автоматическое, механическое продолжение действия факторов, возникших в царствование Ивана IV Грозного в XVI веке, либо всего лишь как пролог к XVIII веку. Характерные черты Московского государства и их динамика редко были объектом серьезных ученых трудов, которые позволили бы определить подлинное лицо культуры и общества в момент их апогея и объяснить быстрый упадок. Не претендуя заполнить этот пробел, мы постараемся отметить, хоть предварительно и поверхностно, элементы, составляющие московскую политическую культуру.

СИМБИОЗ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА

В нашем распоряжении имеется весьма показательный для московской политической культуры после 1649 года источник - "Полное собрание законов Российской Империи", которое открывается как раз Уложением царя Алексея Михайловича. Чтобы получить представление об этом времени, нужно, разумеется, обращаться также к документам государственного и частного права и к литературе того времени. Первая черта, которая поражает при чтении юридических документов, - это практически полный симбиоз Церкви и государства.

Существование этого симбиоза не мешало политическому подчинению Церкви государству (особенно после смещения в 1666 году Патриарха Никона). Но несомненно, что Московское государство - то есть его государя, царя, - невозможно себе представить вне церковных рамок, в стороне от церковной иерархии и, прежде всего, Патриарха. В отличие от Западной и Центральной Европы (даже до эпохи Реформации), где постоянно сохранялась напряженность в отношениях между обществом и Церковью, религиозными нормами и мирским правом, в Московском государстве Церковь в одно и то же время давала культуре фундамент, а нации - принцип самоопределения. Царь и его подданные сами себя определяли через принадлежность к Русской Православной Церкви, и ее предписания играли роль идеологии в самом современном смысле слова. Не удивительно, что любой конфликт, касающийся ритуалов и предписаний Церкви, любая попытка усомниться в них глубоко отражались на общественной и культурной жизни страны и подвергали прямой опасности чувство национального самосознания и духовное единство московского общества. Именно это произошло при расколе, к которому мы вернемся ниже.

Симбиоз Церкви и государства проявляется прежде всего в активном участии Патриарха и других членов церковной иерархии во всех общественных событиях жизни царя и страны. В праздновании крещения и совершеннолетия царских детей, свадьбах и похоронах и, само собой разумеется, в венчании на царство политические и духовные власти участвовали наравне (порядок местничества, установленный традицией, давал Патриарху первенство перед всеми остальными, за исключением самого царя). Важные законодательные акты и обращения к народу составлялись от имени царя (после совещания с боярами) и Патриарха (с согласия церковного Собора).

Эти ритуалы присущи всем традиционным монархиям, опирающимся на Божественное право, и, кроме отголосков византийского церемониала, они ничем нас удивить не могут. Но надо все же подчеркнуть активную и равноправную роль, которую играли Патриарх и Церковь в самом законодательном процессе.

При сравнении с Западом XVII века поражает один факт: в некоторых административных и общественных актах не проводится различие между долей духовного и долей мирского. Так, например, проведение религиозных церемоний ради защиты областей, которым грозят эпидемии или падеж скота, либо ради того, чтобы снискать Божью милость во времена недорода и стихийных бедствий, предписывается политическими властями. Эти последние не только приказывают проводить молебны и крестные ходы, но и занимаются их организацией, духовенство же играет лишь роль исполнителя. Так, воеводы обязаны ехать за иконами и раками и нести их во время крестного хода, московские административные власти выбирают и посылают иконы и мощи для выполнения ими общественно полезной службы. В области юриспруденции церковные акты частного права (о мене и продаже) и государственного права (о созыве соборов, о дисциплине духовенства, указы, касающиеся богослужений и исходящие от Патриарха и митрополитов) обладают тем же статусом, что и царские. Они объявляются и распространяются таким же образом, как и документы мирской власти, и включаются в своды законов и законодательных актов наравне с указами царя и Боярской Думы. Это следует подчеркнуть, так как эти аспекты симбиоза Церкви и государства исчезнут в первые годы царствования Петра Великого; с этого времени законодательные акты приобретут строго светскую форму и характер, даже когда будут касаться церковных дел.

ПРАВО ЦАРЯ НА ПРЕСТОЛ

По византийскому образцу, царь, как и Патриарх, является лицом духовным. Он выполняет священническую функцию в некоторых церковных ритуалах. Кроме того, легитимность царя проистекает как из его священнической роли, так и из того, что с тех пор, как турки захватили Константинополь, он остается единственным независимым православным государем. Несомненно, концепция единства и практика непрерывного престолонаследия правящей династии - понятия отчасти скандинавского происхождения, а отчасти заимствованные у ханов Золотой Орды, - сыграли главную роль в формировании характера самодержавной власти московских государей. Но верно и то, что в народной традиции и официальной мифологии важнейшим движущим элементом стала легитимность царя, основанная на передаче ему римско-византийского наследства (Москва - третий Рим) и на концепции божественной природы его власти. Не удивительно, что царь был лицом, к которому приближались лишь с благоговением и восхищением; и, словно чтобы подчеркнуть эту божественную природу, царь очень редко появлялся перед народом, почти исключительно по случаю религиозных церемоний и событий. Таким образом, как царь, так и его семья и двор были отделены, можно даже сказать, отрезаны от общества и столицы (не говоря уже о том, что он очень редко появлялся в провинции, вне Кремля, и то только при паломничестве, посещении соседних монастырей). Московское правительство не знало пышности тех церемоний, окруженных ликованием въездов, триумфальных парадов, которые были неотторжимой чертой общественной жизни абсолютных монархий века барокко в Западной и Центральной Европе. Физическая изолированность

царя, отсутствие контактов между двором и повседневной жизнью столицы приводили к куда большему разрыву, чем тот, что существовал между Версалем и Парижем при Людовике XIV, так как, если верить свидетельствам современников, французские придворные жили активной жизнью и при дворе, и в городе¹. Этим объясняется следующее явление: мы знаем, что придворные царя Алексея Михайловича переняли европейские привычки и моды, в частности польскую одежду и обычай брить бороду; царские дети учились европейским языкам и культуре, в залах Кремля давались театральные представления. Однако ни одно из этих привезенных с Запада новшеств не нашло благоприятного отклика и подражания вне Кремля. Не только потому, что многим эти новшества казались слишком радикальными и шли против традиций и предписаний Церкви, но и потому, что, собственно говоря, из-за разрыва между двором и русским обществом, за пределами цитадели никто их не знал и не видел². Западные нововведения, проникавшие в Кремль, почти ничем не отзывались вне его, и роль их в культурном преобразовании страны могла быть лишь очень ограниченной.

Ввиду симбиоза Церкви и государства главной функцией царя было блюсти православие страны и народа. Эта задача определялась во введении к основным законодательным актам и в титуловании государей. Доказательством а *contra*rio значения, придаваемого этой обязанности, может служить указ Петра Великого от 22 декабря 1697 года, который раз и навсегда удалил из титулования все "богословские" формулировки, заменив их просто декларацией своего божественного права на престол: "Мы, Божией милостью, император и самодержец всероссийский..."

ФУНКЦИИ АДМИНИСТРАЦИИ

Исходя из той же "средневековой" концепции правительства, царская администрация была, по существу, негативной или пассивной. Чтобы блюсти православие, достаточно было поддерживать внутренний мир и порядок, отправлять правосудие и защищать страну от внешних врагов. Ничего удивительного, что администрация не встала на путь активной деятельности по извлечению пользы из природных ресурсов и организации производственной жизни страны, что тогда уже стало основной заботой европейских правительств XVII века. В Московском государстве мы не находим ни одного законодательного (или иного) акта, сравнимого с *Polizeiordnungen* немецких и скандинавских государств или с *Grandes Ordonnances* Кольбера³. Это все же не значит, что царская администрация не принимала активных мер, немедленно отражавшихся на обществе. Но в противоположность тому, что обычно происходило на Западе, где учрежденные для этого органы и автономные группы выполняли административные задачи, московское правительство должно было заниматься мобилизацией и организацией населения, чтобы выполнять двойную миссию: поддерживать порядок и чинить правосудие, с одной стороны, и блюсти православие - с другой.

ВСЕОБЩАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОВИННОСТЬ

Может быть, самой поразительной чертой политической системы Московского государства была всеобщая государственная повинность. Общество было разделено на две части: одни несли эту повинность лично (дворяне и их челядь, служившие в армии и администрации); другие

- своим достоянием, выплачивая налоги и подати (главным образом, крестьянство и рядовые горожане). Основная задача правительства состояла в том, чтобы организовать несение повинностей и наблюдать за их исполнением, и, в принципе, никто не мог от них уклониться. Это приводило к вмешательству администрации в жизнь почти всех подданных царя, по крайней мере настолько, насколько административный аппарат был в состоянии вступить с ними в прямой контакт (в случае крестьянства это бывало редко). Деревенские общины играли роль уполномоченных государства, налагая повинности и подати на свободных и государственных (черносошных) крестьян; ту же роль играли помещики по отношению к своим крепостным.

МЕСТНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ

По правде говоря, мобилизация человеческих и финансовых ресурсов проводилась исключительно в пользу центрального правительства. Администрация не заботилась о том, чтобы установить систему повинностей и податей на местном уровне. Административная задача воеводы, прямого представителя царя в главных провинциальных городах, заключалась всего лишь в отправке в Москву денег и служилых людей, собранных на месте. В качестве представителя царя - верховного судьи - воевода вершил правосудие в делах второстепенного значения, важные дела (как гражданские, так и уголовные) подлежали ведению московских Приказов. Следовательно, местные органы (более или менее автономные) должны были играть важную роль в административном устройстве повседневной жизни на местном уровне. К сожалению, мы почти ничего не знаем об их

функционировании. Некоторые обрывочные сведения, которыми мы располагаем, свидетельствуют о свободных крестьянских общинах Северной Двины - территории, очень слабо населенной и совершенно не типичной для господствующей социальной структуры⁴.

Надо все же отметить происходившие на протяжении XVII века колебания политики московского правительства в организации деятельности местной администрации. По прошествии Смутного Времени правительство восстановило систему выборных местных чиновников (губные люди), введенную Иваном IV. Потом, когда власть царя упрочилась по всей стране, губные люди были заменены воеводами, назначаемыми прямо из Москвы. Эти колебания сами по себе свидетельствуют о подчиненной роли местной администрации в сознании московских правителей. Дополнительное тому доказательство - довольно ограниченные полномочия, предоставленные Москвой местным административным органам: сбор ополчения, некоторых налогов, решение второстепенных дел. К тому же, отсутствие логики и последовательной политики по отношению к местной администрации во второй половине XVII века свидетельствуют об упадке и растущем распаде московской системы.

Как очень хорошо подметил П. Б. Струве, Московское государство было "литургическим". Иначе говоря, все члены общества были обязаны служить государству как "животом", так и имуществом. Поэтому мобилизация служилых людей играла главную роль в делах администрации. После того как законы о крепостном праве были усилены Уложением 1649 года, положение и мобилизация крестьянства больше не занимали администрацию. С этого момента такие дела подпадали под частное право и государство вмешивалось лишь в сложных и сомнительных случаях, да и то только по ходатайству

заинтересованных сторон. Правда, в царствование Федора и во время регентства Софьи было издано несколько законов, касающихся нового ввода во владение беглыми крепостными. На мой взгляд, эти законодательные акты сами по себе показывают ослабление традиционных московских структур: так как нравы и обычаи потеряли прежнюю действенность, государству пришлось (и, кажется, неохотно) вмешаться. Напротив, правительство постоянно заботилось о мобилизации дворянства всех категорий. Оно не только собирало всех служилых людей во время войны, но и проводило с ними маневры в мирное время; оно занималось также их распределением по категориям (разбором) и раздачей земельных вознаграждений (поместий и вотчин) и различных материальных привилегий. Наконец, многие законодательные и административные акты свидетельствуют об отсутствии энтузиазма по отношению к службе со стороны классов, обязанных ее нести. В них предусматривались наказания тех, кто не являлся на сборы или же являлся с опозданием и без надлежащего снаряжения. Эти наказания (часто, впрочем, отменявшиеся, если виновник добровольно представал перед властями), шли от конфискации земель и прочего имущества до заключения в тюрьму и жестоких репрессий против родни и домочадцев не явившегося на сбор. Короче говоря, и служащий дворянин был всего лишь крепостным, можно даже сказать, рабом своего государя.

ЗАКАБАЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА

Может быть, стоит здесь отметить, что закабаление общества царским правительством начиналось сверху. Прежде всего в настоящих крепостных или слуг государя были превращены дворяне - бояре и московские служилые

люди, удельные князья и их дружины; они не были вассалами, сохраняющими определенные права, установленные обоюдным соглашением (каково бы ни было различие в правах), но слугами, холопами (т. е. рабами) царя⁵. Лишь поработив верхушку общества, царское правительство закабалило и крестьян. К тому же, для крестьян, по крайней мере в XVII веке, крепостное право еще не было слишком тягостным: к нему не прибавлялась требовательность землевладельцев, которые, будучи слугами царя, были вынуждены часто отлучаться со своих земель. Как бы парадоксально это ни казалось на первый взгляд, высшие слои московского общества были закабалены более полно и сурово, чем низшие. Это, разумеется, не значит, что народные массы жили в большем материальном благополучии, но они пользовались сравнительно большей свободой действий в повседневной жизни. Это заставляет подвергнуть сомнению обоснованность теорий (особенно либеральных и марксистских), которые делают из крестьянского сопротивления крепостному праву главный фактор русской истории XVII века. Эти теории основываются на частоте и размахе крестьянских восстаний, прежде всего - восстаний Болотникова и Степана Разина. Но эти крупные восстания вспыхнули на окраинах царства, в социальной и этнической среде, обладавшей своим традиционным автономным устройством, которое центральные власти пытались разрушить. В действительности, крепостное право навязывалось крестьянству собственно московских территорий, притом медленно и постепенно, и оценить это ярмо в полной мере стало возможно лишь задним числом. Не надо также забывать, что крестьяне часто закрепощались добровольно (то есть принимали ограничение своей свободы передвижения, видя в этом для себя выгоду - средство избавиться от более тяжелой кабалы и податей и при-

обрести защиту от голода и разбоя, которую крупные землевладельцы, в принципе, должны были им обеспечить)⁶.

Главный практический вопрос, стоявший во второй половине XVII века перед московским правительством, звучит так: какими средствами оно располагало, чтобы наложить повинности и подати на тех, кто находился далеко, вне досягаемости царских представителей, особенно на крестьян? Следует ли передать эту задачу и ответственность в ведение местных дворян? Не приведет ли это к ослаблению их повинности по отношению к центральному правительству? Не повлечет ли это за собой развитие местной солидарности и автономии, что, в свою очередь, ослабило бы власть Москвы над служилыми людьми? С другой стороны, не вступит ли в конфликт с целями всеобщей мобилизации и успешного контроля передача административных полномочий (надзора за несением повинностей и податей) в руки традиционных общинных органов, как это было до середины XVI века; и не приведет ли она к материальным потерям для служилых дворян? Правительство так и не смогло разрешить эту дилемму, что и вызвало постоянную нерешительность и колебания политики Московского государства во второй половине XVII века.

Практика литургического государства, принуждение всего населения к несению государственных повинностей - все это приводило также к последствиям психологического порядка. Такая закабаленность предполагает (или порождает) всеобщее единомыслие относительно природы и фундаментального характера политической культуры страны. Когда эти фундаментальные черты в некоторых слоях общества ставятся под сомнение, когда принятие норм служения перестает быть единодушным, наступает моральный кризис (в том значении, которое

придавалось этому термину в XVIII веке), гораздо более пагубный, чем внешние опасности и стихийные бедствия.

Московская система службы подчинялась строгой субординации. Боярская Дума составляла вершину пирамиды, затем шли различные ранги придворных, из числа которых набиралась администрация и крупные военачальники. На низших ступенях располагались разные категории провинциальных служилых людей. Чтобы помешать образованию мощной и независимой аристократической олигархии и в то же время удовлетворить требования, основанные на родовых привилегиях, Московское государство изобрело систему местничества, в которой учитывались послужные списки как предков (наследственные привилегии), так и ныне живущих (их собственные заслуги). Никто (кроме как по особому предписанию царя) не был обязан служить под началом человека, чей послушный список - как унаследованный, так и его собственный - был меньше. Сложный расчет места каждого позволял постоянно актуализировать послужные списки, по крайней мере для центральных Приказов и придворных церемоний. Эта система обладала двойным действием: с одной стороны, она обеспечивала царю действенный контроль свыше над служилыми дворянами, так как их ранг зависел от выполняемых ими функций и занимаемых постов, которые жаловал только государь; с другой стороны, поддерживая постоянные элементы конфликта между членами разных семей, в особенности тех, что стремились стать членами Боярской Думы, система местничества мешала образованию общего фронта - тех крепких и стойких связей, которые могли поставить под сомнение абсолютную власть царя. Высшее московское дворянство так никогда и не образовало настоящего, устойчивого "сословия" из-за внутренних

разногласий, умело поддерживаемых системой местничества (ее отмена в 1682 году лишь узаконила фактическое положение дел: она устарела вследствие прихода на высшие посты многих людей, не имевших прямых связей со старыми аристократическими кланами). Ясно, что местничество было для служилого дворянства постоянным источником неуверенности и неустойчивости: ранг каждого зависел от милости царя и его благодарности за служебные заслуги.

Опасность, которую могла представлять для московской политической культуры и общества система местничества, с лихвой компенсировалась или даже полностью устранялась обычаями, дававшими внешний выход конфликтам, которые та порождала. Целая система ритуалов служила разрешению споров о порядке местничества, которые заканчивались разбором дела специальными судами (комиссии, составленные из членов Боярской Думы); их решения утверждались в последней инстанции царем. Определенные ритуалы управляли исполнением этих приговоров и урегулированием конфликтов: тот, кто был признан виновным в нарушении порядка местничества или в отказе ему подчиниться, отдавался на волю того, кого он оскорбил⁷. Ритуал бранного поношения смывал обиду без того, чтобы приходилось прибегать к насильственным действиям (хотя без них не всегда обходилось, но только в определенных, общепринятых, ритуальных рамках). Это напоминает систему контроля и урегулирования межобщинных конфликтов, обнаруженную недавними исследованиями о привлечении к суду и процессах над ведьмами на Западе. Само собой разумеется, что условием *sine qua non* системы ритуальных действий является абсолютное принятие фундаментальных норм общества. Любое уклонение от этих норм равнялось автоматическому отказу от

всей системы и от роли царя как верховного покровителя и гаранта. Собственно говоря, любое уклонение становилось предательством по отношению к обществу. Отсюда манихейский взгляд на мир: с одной стороны, Святая Русь, с другой - все остальные, иностранцы, враги по определению. Принять иные нормы, новшества, поставить под сомнение устойчивые традиции или погрешить против них сомнением значило поставить себя вне московского закона (в прямом и переносном смысле). О следствиях такого решения свидетельствуют перемены в наименовании: так, соратники Хованского или Шакловитого после признания их "предателями" теряют свои обычные имена и фигурируют под уменьшительными именами в сопровождении бранных эпитетов, которые выставляют напоказ их "опалу" и изгнание из русского общества. Словесная необузданность, которая сегодня может нас шокировать, выполняла роль предохранительного клапана, позволявшего разрешать и устранять конфликты, не прибегая к политическому насилию; набор словесных оскорблений помогал снять напряжение, способное разрушить само общество.

ОПАСНОСТИ, ГРОЗЯЩИЕ ОБЩЕСТВУ

Однако опасности, подстерегающие это общество, были немалыми и многочисленными. Не надо забывать, что Московское государство середины XVII века было многонациональной империей, включавшей народы разных культур, языков, религий - во всяком случае, множество не христиан и не православных. Не вдаваясь в детали этой обширной и еще очень недостаточно изученной темы, достаточно отметить, что царское правительство использовало два метода противостояния центробежной

угрозе, которую представляло инокордное население: с одной стороны, как можно более полная изоляция, что, учитывая ограниченные технические средства и необъятность территории, в большинстве случаев, особенно на окраинах царства и в Сибири, было нетрудно; с другой - обращение в православие, крещение и ассимиляция. Обращение и крещение автоматически включали в православное общество новообращенные народы и людей, каковы бы ни были их связи и обычаи. Новообращенная инокордная элита легко ассимилировалась или прямо поглощалась классом царских слуг, то есть московской элитой. Конечно, бывали случаи, когда изоляция и ассимиляция оказывались неприменимыми. Первым значительным примером была Украина. Невозможность применения традиционных методов создала новые сложные проблемы, которые немало содействовали ослаблению московской культуры, ускорили ее упадок и привели к окончательному кризису, который подготовил преобразования Петра Великого.

Ни одно общество не может долго жить без перемен. Всякая культура подвержена влияниям, приходящим извне или появляющимся внутри нее, которые постепенно ее изменяют. Прочно укорененное общество и его культура приспособляются к новшествам и, даже подвергаясь их влиянию, сохраняют свои основные черты и глубинную сущность. Но те же самые внешние воздействия или внутренние трудности подорвут и разрушат общество, клонящееся к упадку, и неустойчивую, распадающуюся культуру. И вот, всего спустя одно поколение после того, как в Уложении 1649 года была сформулирована суть московской политической культуры, эта культура оказалась в состоянии полного смятения, общество - в кризисе, само государство - под угрозой развала. Оглянувшись назад, мы понимаем, что на протяжении

второй половины XVII века московская культура стала хрупкой, русское общество пошатнулось под ударами, которые вызвали его быстрый упадок и расчистили почву для радикальных преобразований, навязанных ему Петром Великим. Каковы были факторы крушения московской политической культуры? Они, в общем, хорошо известны, и достаточно вкратце их рассмотреть.

ФАКТОРЫ КРУШЕНИЯ МОСКОВСКОГО ОБЩЕСТВА

Старообрядцы. На первое место следует поставить раскол - именно в силу симбиоза между Церковью и государством, который мы рассмотрели выше. Вызванный, главным образом, спорами об организации духовенства и об обрядах, раскол привел в шестидесятых годах XVII века к нарушению церковного согласия. Отказавшись принять введенные энергичным Патриархом Никоном нововведения в обряды и литургические тексты (по греческому и украинскому образцу), старообрядцы, или староверы отделяются от официальной церковной общины и становятся объектом преследований и гонений со стороны мирских властей. Старообрядцы объявляют себя поборниками настоящего московского православия, той Москвы, которая и есть настоящий третий Рим; они ждут пришествия Антихриста, предшествующего окончательной победе Христа и Страшному Суду. Отвергая государственную власть за измену православию и службу Антихристу, старообрядцы ставят себя за рамки гражданской жизни страны и легко объединяются с недовольными элементами, которых толкают к бунту экономические и социальные причины. Таким образом старообрядцы способствовали расколу и раздроблению московского общества и, пошатнув традиционные рамки его цивилиза-

ции, ослабили государство. С течением времени раскол разделил и народные массы, результатом чего стала почти полная изоляция староверов (крестьян и купцов) от культурной и общественной жизни страны. Очень вероятно также, что принятие старой веры многими подданными, особенно активными и предприимчивыми в экономике и ремеслах, пагубно повлияло на торгово-промышленное развитие страны. Активное участие старообрядческих кругов в началах модернизации России в XIX веке, после того как было улучшено их юридическое положение, свидетельствует об огромном человеческом потенциале, который прозябал неиспользованным в течение всего XVIII века.

Мятежи. Вторым по значению фактором являются экономические и социальные конфликты. Конечно, это явление не ново, но нарастание бурных крестьянских и городских восстаний способствовало подрыву основ и прочности московского социального строя. Трудно оценить значение этих восстаний. Были ли они во второй половине XVII века более мощными и частыми, чем в первой? Кажется, что да, если не считать Смутного Времени, т. е. первого десятилетия века. Восстания в главных и самых старых городских центрах страны (например, в 1648, 1662, 1682 годах) обнаруживают несомненное ощущение тревоги, имевшее как экономические, так и культурные истоки. Иногда эти восстания вызывались или сопровождалась мятежами профессиональных солдат - стрельцов, часто встававших под знамя старой веры, что показывает сложное взаимопроникновение социальных, экономических, религиозных и политических явлений и выявляет то состояние подспудного кризиса, в котором погрязало и погибало Московское государство. Огромное крестьянское восстание 1670-1671 годов под предводительством Степана Разина, получившее от совет-

ских историков название крестьянской войны, приносит нам доказательство ослабления, а то и разрыва традиционных связей. Оно обнаружило также брожение, царившее среди некоторых групп, живущих вне рамок общества: донских и волжских казаков, инородцев юго-восточных степей, пограничных гарнизонов, не говоря о беглых крепостных и преступниках. Военные усилия, произведенные правительством ради подавления этих восстаний, обернулись увеличением расходов, и это тяжким грузом легло на плечи плательщиков податей. С другой стороны, политические и идеологические репрессии ставили под сомнение как царское правосудие, так и ощущение единства политической культуры, общей для правящей верхушки и народных масс.

Иноземный импорт. В-третьих, надо отметить роль внешней торговли и, прежде всего, ввоз иностранных изделий и специалистов. Иностранные изделия, импортируемые как для военных нужд, так и для удовлетворения тяги придворных к роскоши и новшествам, понемногу изменили вкусы московской верхушки: европейское влияние проявилось в новых декоративных элементах в архитектуре и живописи (иконы и парсуны), в придворной одежде и охотничьей экипировке, в книгах, спектаклях и музыке - все это способствовало переменам в традиционном образе жизни и поведении. Растущий приток иностранцев, которые поселялись - временно или навсегда - в Немецкой Слободе в Москве, не мог не изменить лица столицы, несмотря на ограничения, которые накладывала на них боязливая подозрительность церковных властей. Эти последние боялись, что образ жизни иностранцев станет примером, соблазном и угрозой православию населения. Этот страх, похоже, лишь укреплял ощущение того, что внешнее воздействие легко подрывает существующие обычаи. Конечно, присутствие

иностранцев и важная роль, которую они играли в некоторых областях общественной жизни страны, приводили русских к установлению с ними контактов и признанию возможности иного образа жизни. Но, прежде всего, существование Немецкой Слободы пробило брешь в строгой изоляции и культурно-экономической автаркии, которые характеризовали Московское государство после потрясений Смутного времени. Именно в этом смысле, а не с точки зрения экономических последствий торговые отношения с Голландией и Англией способствовали упрощению контактов с западным миром и внесению в московскую жизнь новых элементов.

Экспансионистские замыслы часто приводят общество государства, которое их осуществляет, к неожиданным и негативным результатам. Так было, когда Московское государство расширило свои границы на юго-западе, особенно когда оно подчинило Украину, установив свое господство на левобережье Днепра и в Киеве, которые до этого являлись автономной территорией Запорожской Сечи. С одной стороны, эта аннексия облегчила проникновение нового духа (тема, к которой мы еще вернемся), с другой - ее административные, политические и военные последствия легли тяжелым бременем на ограниченные ресурсы Московского государства. Даже если ее последствия проявились не сразу и оценить их стало возможно лишь задним числом, Московскому государству было трудно ассимилировать Украину, общество которой представляло собой сложное сплетение групп, классов, религиозных общин и военных формирований, обычаи, языки и функции которых сплетались в клубок. Московская администрация была вынуждена помогать правящим богатым кругам Украины, в первую очередь казачьим старшинам, закрепощать крестьянство и, тем самым, укреплять их власть и роль на местном уровне,

что не проходило без сопротивления народных масс, иногда крайне ожесточенного, и больших затрат экономических и военных ресурсов Московского государства.

Кроме того, царское правительство привлекало и ассимилировало правящую верхушку Украины, военную, социальную и церковную, - эта политика последовательно проводилась в последние десятилетия XVII и первые десятилетия XVIII века. Украинцы, включенные таким образом в правительственный аппарат, становились членами московской служилой верхушки. А Русь в связи с этим понемногу перенимала сформированную в интеллектуальной атмосфере Киева культуру и устроения украинской верхушки. Вопрос о том, в какой степени прилив новых, иноземных и инородных, элементов в ряды служилого московского (а позже имперского) класса способствовал изменению русской политической культуры в XVII веке, еще не изучен подробно. Одно несомненно: вступившие на московскую службу украинцы принесли западные административные и политические концепции и, тем самым, открыли путь преобразованиям Петра Великого. Завезенные с Украины люди и идеи подрывали и ослабляли традиционную политическую культуру Москвы, разрушая атмосферу духовного и морального единomyслия. Московская цивилизация последних десятилетий XVII века обнаруживает новые черты западного происхождения, как, например, московское барокко, родственное польскому, которое большей частью является результатом новых веяний, занесенных с Украины ее духовной и мирской верхушкой. Наконец, и это сыграло решающую роль, присоединение Украины и ее интеллектуальное влияние отвратили Москву от Востока и направили ее внимание и интересы в сторону Запада. Москва все сильнее втягивалась в дипломатические и военные конфликты, касавшиеся

Польши и территорий западного побережья Черного моря (Молдавии и Валахии, находившихся на подступах к Балканам). Эта политическая переориентация совпала с энергичным возобновлением попыток изгнать турок-оттоманов из Европы, после их поражения при Вене в 1683 году, и с упадком восточного влияния в технике и искусстве.

Раскол, социальные и экономические конфликты, пришедшие в основном через Киев западные нововведения - все это привело к тому, что верхушка общества как светская (высшее служилое дворянство и придворные), так и духовная, шаг за шагом довольно быстро отказывались от московских традиций. С начала XVI века высшее служилое дворянство по традиции черпало на Востоке образцы предметов обихода: оружие, предметы роскоши, одежду и даже обычаи (например, терем). В XVII веке, особенно во второй его половине, высшие придворные поворачиваются в сторону Запада и, прежде всего, в сторону Польши. Их увлечение Польшей приводит к тому, что они не только начинают одеваться на манер польского дворянства, воспринимают некоторые его обычаи (в том числе театр), его художественные вкусы, но и проявляют активный интерес к тому, что думают и пишут в этой соседней стране. Их интерес не ограничивается чисто художественной литературой - он распространяется на публицистику и политическую литературу. Время от времени можно заметить любопытство и даже желание подражать некоторым формам "политической свободы" и корпоративной организации польской шляхты. А, естественно, именно украинская верхушка была больше всего склонна к западным образцам и затронута этими заимствованиями. Однако и Московское государство испытало некоторые последствия, грозившие изменить отношения между царем и его служилым дворян-

ством; подспудное напряжение, явившееся результатом этой ситуации, вырвалось наружу во время кризисов престолонаследия, последовавших за смертью царя Алексея Михайловича.

ДУХОВЕНСТВО

Духовенство находилось под двойным влиянием, обе составные части которого обладали различным значением, весом и динамикой. С одной стороны, в области обрядов и администрации русское духовенство отошло от поздневизантийских и предвозрожденческих образцов, которые были характерны для него во второй половине XV - начале XVI веков и наложили свою особую печать на церковную и духовную московскую жизнь. Этот отход шел в направлении окостенелой, формальной обрядности, которую поддерживала централизованная система управления Церковью с многоэтажной иерархией, полностью подчиненная нуждам мирской власти. С другой стороны, через посредничество киевских богословских школ все более сильный отпечаток на интеллектуальную жизнь Русской Церкви накладывает умонастроение европейской неосхоластики. Связи с Киевской митрополией (находившейся в юрисдикции Константинополя, но в действительности независимой) и ее церковное и академическое влияние - главным очагом распространения которого была Киевская славяно-латинская академия - предшествовали захвату этой области Москвой. Однако присоединение Украины и особенно Киева (1667) усилило и укрепило интеллектуально-идеологические течения киевского происхождения и через них - влияние Польши и Центральной Европы, с одной стороны, и православных центров на горе Афон и в Константинополе - с другой. Из-за упадка московской культуры, ослабления чув-

ства национального самосознания и растущей внутренней неустойчивости, вызванных Смутным Временем, а затем - морально-религиозным смятением, которое принес раскол, Киев стал главным очагом интеллектуального возрождения. Но он принес Москве не только православие, освященное влиянием Афона и греческой обрядностью того времени, - он принес и западные интеллектуальные течения, ставшие частью арсенала, предназначенного на борьбу с католической контрреформацией, которую поддерживали польские короли из династии Ваза, магнаты и высшее католическое духовенство, владевшие землями в Восточной Польше и на Украине.

Эти интеллектуальные течения выражались в риторике и логике, которые опирались на неосхоластическую философию католических - как польских, так и римских - богословских заведений и немецких университетов. Мы еще очень плохо знаем, какими путями передавались эти влияния, и не можем оценить их характер и динамику. Но перечисление академических центров, в которых можно было найти студентов и будущих представителей духовенства родом с Украины и Московской Руси, дает нам примерную картину природы этих влияний: Basileum в Риме, Падуанский университет, немецкие факультеты богословия и философии - как католические, так и протестантские. Так новое поколение эрудированного русского духовенства готовило, косвенно и подсознательно, благоприятную почву для философского рационализма, янсенистской логики, научных знаний и новых философских идей (включая идеи естественного права). Весь этот набор облегчит ассимиляцию административных, политических и экономических идей и методов, заимствованных с Запада в царствование Петра Великого.

РАЗРЫВ МЕЖДУ ВЕРХАМИ ОБЩЕСТВА И НАРОДОМ

Новаторские тенденции интеллектуального, культурного и нравственного характера, которые мы только что перечислили, были почти исключительно делом московской верхушки, придворных кругов и высших политических инстанций Кремля. Остальное население (включая широкие круги наследственного и провинциального служилого дворянства) воздействию этих тенденций не подвергалось. Так намечается разрыв (который быстро углубится) между умственным кругозором народа, ограниченным нормами традиционной культуры, и все расширяющимися горизонтами кремлевской верхушки. Конечно, этот разрыв существовал всегда - только славянофильский миф отрицает его существование в допетровской Руси. Но можно сказать, что, за редкими исключениями (такими, как ориентализм при дворе XVI века), до середины XVII века разница между культурой верхов и народа носила, в первую очередь, количественный характер; по своей глубинной сути, основанная на общепризнанном православии, сама эта культура была единой. Это-то положение дел подверглось в последние десятилетия XVII века коренным изменениям и потрясениям. Московская верхушка учится новому языку - языку, черпающему вдохновение и материальное содержание в западной цивилизации того времени. Но она также обретает новую цивилизацию, движущая сила которой растет из года в год благодаря тому, что сами интеллектуальные верхи стимулируют этот рост, стремясь изменить материальный мир ради освобождения творческих сил личности. Короче говоря, это цивилизация, которая больше не боится новшеств - наоборот, ищет их и противостоит традиционной инерции, которую силится сломить и подчинить своей воле к действию. По

мере того, как московская верхушка проникается духом ведущих идей западной цивилизации, они оказываются революционными, ибо идут вразрез с народными традициями в такой степени, в какой это никогда не наблюдалось в Западной и Центральной Европе. Потеря общего языка (в переносном, разумеется, смысле) между верхами общества и народом станет дополнением к конфликтам и кризису национального самосознания, основные элементы которых мы рассмотрели. Все вместе они стремительно ускорят крушение московской политической культуры и заставят принять "революцию" Петра Великого.

В заключение этого раздела скажем, что во второй половине XVII века московская культура вследствие как материальных, так и духовно-интеллектуальных новшеств переживала кризис. Пока народ упрямо коснел в окостенении культурных традиций, которое отрезало его от любых новшеств, от всякого влияния извне, верхушка переживала коренную переориентацию своих умственных привычек, своего социального и культурного облика. Традиционные нормы московской политической жизни были подвергнуты сомнению, а вследствие кризисов престолонаследия пошатнулась и сама легитимность царской власти и кремлевского establishment'a. В свою очередь, ослабление московских норм и нравов открывало путь идеям и методам Западной и Центральной Европы. Эти идеи и методы составляли довольно цельную и крайне динамичную систему, поддающуюся пересадке и адаптации к условиям Московской Руси, которой в начале 1690-х годов уже управлял Петр I. Совпадение упадка или даже крушения традиционной культуры Московской Руси и наличие в Европе цельной системы политических идей и социальных методов предоставляли Петру благо-

приятные условия для той "революции", которая ввела Россию в круг европейских держав "нового времени".

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ ОБРАЗЕЦ

Более или менее однородная система административной деятельности и политических (а значит, и социально-экономических) идей, которой располагала Западная и Центральная Европа в конце XVII века, соответствует концепциям регулярного государства и учению камералистики⁸. Эта "система", начало которой положили обычаи, вводимые с XVI века, сформировалась в течение XVII века в рамках понятий о природе мира и человека, принесенных новой наукой и философией в начале столетия. В общих чертах она вполне известна, и ее описание можно найти в большинстве работ по политической и экономической истории Европы нового времени. Однако небесполезно отметить некоторые, часто замалчиваемые черты, тем более что именно их претворение в жизнь вызвало настоящую революцию в политической культуре Запада, прямым наследником которой является современный мир. (Революция здесь берется в широком смысле слова, включая революционные последствия длительной эволюции, с различным, в зависимости от страны, размахом и интенсивностью, - например, индустриальная революция.)

В чем же состоял новаторский и революционный характер концепций и административной практики регулярного государства и учения камералистики, которое было постоянным выражением этой концепции, пока философы, физиократы и просвещенные абсолютисты XVIII века не превратили ее в идеологию прогресса? Убеденный в точности афоризма Гете: "Es ist der Geist, der sich den

Körper baut", - я считаю, что истоки и цельность камералистики следует искать в интеллектуальной и духовной истории Западной Европы XVI-XVII веков. Расширение умственного кругозора в XVI веке привело к разрушению "средневековой" концепции мира - закрытого и законченного. Подтвержденное научными открытиями, подготовленное предыдущим столетием, в сознании людей XVII века устанавливается понятие о мире безграничном и бесконечном. Крупные мыслители почти сразу приходят к практическому выводу о том, что потенциал природных ресурсов тоже безграничен, по крайней мере в сравнении с тем, что об этом думали люди Средних веков.

Кроме того, этот потенциал можно раскрыть и использовать, если человек не поленится пристально изучить природу, чтобы открыть ее законы. Наблюдая явления природы, человеческий разум может изучить бесконечную вселенную, понять ее и упорядочить посредством точных и постоянных основных законов. Эту бесконечную вселенную и ее бесконечные ресурсы можно не только познать, но и организовать и использовать на благо человека. Чтобы достичь этого, человеку достаточно принять решение и обладать готовностью к методической организации окружающей среды, к превращению ее в поле своей производственной деятельности. Таким образом не только разум, но и воля и творческая энергия человека становятся главными движущими силами любой организации, любой политики⁹. Разум и воля - сочетание этих двух сил позволяет человеку думать, что будущее - продолжение настоящего и что движение к нему может быть предначертано, исходя из знания нерушимых законов, открытых и сформулированных эмпирической, рациональной наукой. Это предполагает возможность подготовиться к будущему, организовать его,

то есть лепить будущий (социальный) мир, который придет на смену сегодняшней (социальной) реальности. Как это хорошо показали анализом научной и общественной мысли И. Пригожин и Ф. фон Хайек, а писательской интуицией и воображением - Мишель Турнье, основной характерной чертой современного человека является воля к рациональному устройству, имеющему целью длительную, непрерывно нарастающую производственную деятельность. Когда эта черта укореняется в сознании и поведении человека, подготовленного к этому Реформацией и индивидуалистической философией, то он, как и общество, благодаря неограниченному расширению и имманентному развитию получает в руки настоящий механизм действия: рост знаний и творческого производства бесконечен, он приносит новые блага, улучшает материальное положение и создает интенсивную духовную жизнь. Таким образом прогресс неизбежно становится целью в себе и самодовлеющей ценностью, а для мыслителей и деятелей конца XVIII века превращается в идеологию.

Каким же представляется политическое применение такого умонастроения и его философских посылок? Первая задача - открыть, мобилизовать, использовать неимоверный запас духовных, человеческих и материальных ресурсов, залежи которого до сих пор не использовались обществом. В XVIII веке к этому прибавится счастье общества и его отдельных членов.

Однако для выполнения этой задачи надо было сначала победить традиционное направление мысли, которое опиралось на концепцию Вселенной с ограниченными, раз и навсегда размещенными при Сотворении мира ресурсами и, вследствие постоянной материальной нужды, заботилось лишь об удовлетворении текущих потребностей. Нужно было перевоспитать и дисциплинировать население

ние, переустроить общество так, чтобы прикрепить человека к регулярному производительному труду, заставить его работать в расчете на будущую рентабельность, на отдаленные результаты. Роль правительства состояла в организации деятельности общества, рассчитанной надолго вперед (high time horizon)¹⁰, чтобы позже собрать ее плоды. Это предполагало политику, стремящуюся сломать и устранить традиционное для "крестьянской" психологии поведение - лишь бы день до вечера, - которое побуждало крестьянина растрачивать излишек его ресурсов, чаще всего в празднествах, общественных или семейных.

Сохранение излишков и их вложение ради больших прибылей и рентабельности можно себе представить только при условии, что будущее более или менее предсказуемо - исходя из "законов" уже известных тенденций развития. Поэтому вторая задача правительства определялась как уничтожение предрассудков и суеверий (чаще всего религиозного происхождения), способных противостоять рациональному объяснению Вселенной и любым усилиям повлиять на течение событий. Необходимым условием для административных методов, имеющих целью эффективную организацию деятельности общества по увеличению и расширению запаса материальных ресурсов, было уничтожение натурализма и веры в магию и чудеса, осуществленное наукой нового времени в начале XVII века¹¹.

Правительство и политическая верхушка должны были сыграть решающую роль в перевоспитании и переустройстве общества - в этом заключалось важное нововведение XVII века (подготовленное еще в XVI-м): активная, новаторская роль администрации. Как хорошо заметил французский юрист Морис Ориу, "администрация является субстратом общества", понимаемого как

цельная система институтов и объединений, направленных на долгосрочную успешную деятельность. Однако было бы не совсем точно сказать, что новые функции администрации определялись прежде всего централизацией власти в руках государя и его советников. Скорее стоит говорить о расширении, распространении направляющих и организующих функций государства на все уровни общественной жизни. Организуя отношения между членами общества в целях созидания, государство (или государь), словно Бог, только дает первый толчок той машине, которая послужит максимальному развитию потенциала страны. Ибо, само собой разумеется, государство - то есть центральный административный аппарат - не могло само по себе выполнить задачу организации и устройства, особенно если учитывать, какие материально-технические средства находились в его распоряжении в XVII веке. Политическая верхушка, традиционные советники государя могли определить цели администрации, дать ей практические указания, но в большинстве случаев у них не было средств для осуществления этих перемен. Поэтому государство было вынуждено кооптировать различные социальные группы, классы, "сословия" и "корпорации" - короче говоря, использовать "посредников", которые в изобилии водились в тогдашнем европейском обществе, сохранявшем свои "феодалные" корни. Европейские правительства XVII века расширили свое поле деятельности также за счет привлечения новых элементов в аппарат центральной бюрократии: отчасти кооптируя в "офицеры" членов промежуточных, переходных слоев, отчасти создавая посты чиновников, "комиссаров" в учебных заведениях и административных органах¹². Эти новые комиссары набирались преимущественно (что совершенно естественно, учитывая социальную и школьную

действительность того времени) в среде привилегированных классов, но в чисто личном порядке, чтобы порвать связи, которые новый член бюрократического аппарата мог бы сохранить со своим классом.

Заметим, что деятельность регулярного государства наиболее успешна тогда, когда правительству удается создать административный аппарат, в котором довольно гармонично и успешно сливаются деятельность центральной бюрократии и участие органов, созданных на местном уровне. Так было особенно в случае стран среднего размера, где центральный аппарат мог раскинуть свои щупальца вплоть до деревень и где, с другой стороны, местным органам шло на пользу искреннее сотрудничество с центральными властями в общем деле увеличения ограниченных материальных ресурсов. Поэтому ослабление привилегированных "сословий" вследствие Тридцатилетней войны и религиозных войн сыграло капитальную роль в распространении и успехе этой новой политической культуры. Напротив, в крупных европейских странах, которые (как Франция или Испания, не говоря об Англии, представляющей особый случай) лучше всего устояли в кризисах XVI-XVII веков, сохранились слишком сложные социальные структуры, подчиненные частным интересам, - они не позволяли государю эффективно проводить в жизнь политику администрирования, хотя, например, Людовик XIV и Кольбер направили свои объединенные усилия в эту сторону.

Важно подчеркнуть параллель между деятельностью регулярного государства, основанной на камералистике, и классической наукой нового времени, какой ее сформировали в XVII веке открытия и законы, сформулированные Галилеем, Декартом и Ньютоном. В обоих случаях это система действий, основанная на принципах, которые были выведены путем эпистемологической аб-

стракции и систематизации эмпирических наблюдений. Эта система прибегает к "законам", то есть к констатации и предположению определенных закономерностей, которые позволяют предвидеть последствия, готовить благоприятные условия для желаемых последствий и, если это необходимо, опираясь на принцип обратной связи, воспроизвести, начать сначала и исправить ход событий, чтобы достичь поставленной цели. Наконец, в обоих случаях это цельная система со своей внутренней динамикой, которая позволяет системе постоянно действовать и бесконечно развиваться. Поскольку, чтобы быть динамичной и способной к имманентному развитию, эта система должна быть цельной, она нуждается в своем языке, который, как в естественных науках, выразит необходимые отношения, с одной стороны, между членами общества, с другой - между ними и материальным миром, на который обращена их деятельность. Так же, как современная наука нашла и разработала особый математический язык, попыталась разработать свой язык и система камералистики. Но, поскольку в области социальной и человеческой ничто не может быть столь же определено и точно, как в классической физике, этот язык оказался лишь пародией на математические формулы. Это был язык права, и его систематизированное содержание составляли своды законов. Предполагалось, что своды законов, уже составленные или еще находящиеся на стадии проекта, полно и методически отразят отношения между материальным миром и человеком. Всеохватные, устойчивые отношения, определенные сводами законов, могли, в свою очередь, толковаться в применении к конкретным ситуациям, то есть были способны к адаптации и "имманентному" расширению на службе динамичному, творчески изменяемому обществу. Таким образом, право перестало определять качествен-

ные отношения между людьми, основанные на их принадлежности к определенному "сословию"; благодаря кодификации оно стало определять однородные, стабильные рамки для отношений количественного порядка, которые дают возможность автоматического применения на основе зафиксированных норм и правил.

Совокупность явлений, которые мы вкратце описали, составляет настоящую революцию в европейской политической культуре. Монарх (и в его лице государство) перестает быть просто отправителем правосудия, пассивным инструментом охраны и защиты общества. Он становится проводником сознательной, последовательной, методичной политики, цель которой - максимально повысить продуктивный потенциал страны: увеличить ее богатство, мощь и материальное благополучие. Поскольку, в принципе, это задача неограниченная, однажды начатое движение становится окончательно присущим системе и перерастает в самодовлеющую цель. Естественно, характер и образ государя тоже должны были измениться. Государь - будь то единичное лицо или коллектив (как в Голландии и вольных городах) - должен был стать динамичным лидером, берущим в свои руки инициативу и определяющим задачи политики активного преобразования. "Боги в мундирах"¹³ не только символизировали исконность государственной власти, но и играли роль вождей, реформаторов и кормчих. Верховная власть придавала системе и деятельности регулярного государства прочность; благодаря этому ее можно было прививать и подражать ей в других странах. Получив динамичную и действенную силу, государственная власть стала империалистической в двух смыслах этого слова: она захватила в свои руки все области общественной жизни (в ожидании, пока будет монополизирована и частная жизнь, что и произошло в конце XVIII века) и захва-

тывала новые территории (страны, государства) для раз-
вертывания своей деятельности. Вот в чем состоял пред-
мет экспорта, который использовал Петр для замены
гибнущей московской культуры динамичной системой по
образцу, принесенному Западной и Центральной Европой.

ВОСПРИМЧИВОСТЬ МОСКОВСКОГО ОБЩЕСТВА

Здесь правомерен вопрос, в какой мере московское общество было готово принять и ассимилировать эту новую культуру. Не шла ли она вразрез с его представлениями, ценностями и обычаями? Несомненно, что это так и было для большинства народа, для тех, кто все больше и больше коснел в толще национальной культуры, в стороне от общественной жизни. Напротив, в среде активных и динамичных верхних слоев существовали восприимчивые круги, где почва была достаточно подготовлена. Напомним прежде всего об интеллектуальном образовании, которое давала Киевская Академия, а затем ее бывшие ученики в разных учебных заведениях старой столицы, в частности в Греко-славяно-латинской академии. Они передали московским верхам свой интеллектуальный набор - неосхоластическую риторику и логику. Отсюда это пошло распространяться, и им подражали сотрудники Феофана Прокоповича и Стефана Яворского, которые активно распространяли западную литературу в оригиналах и переводах. Временно или постоянно живущие в Московском государстве иностранцы тоже сыграли важную роль в проникновении западных политических идей и административных методов. Получив образование в академиях и университетах протестантской Северной Европы, они были знакомы с теорией и практикой меркантилизма - ее воплощение в жизнь они могли наблю-

дать до своего приезда в Россию¹⁴. Ввиду систематического приглашения специалистов, получивших образование в Галле (здешний университет был основным рассадником камералистики), в царствование Петра Великого участие иностранцев стало активнее, а их роль важнее.

Русские за границей тоже приобретали политические познания. До прихода Петра к власти эти случаи были сравнительно редкими, однако дипломатические посланцы Москвы не упускали случая познакомиться с материалами по камералистике. Проходящее сейчас исследование "курантов" (информационные бюллетени о загранице) и прочих источников информации, доходивших до Москвы, ясно показывает, что Московское государство и, по крайней мере, его правящая кремлевская верхушка не пребывали ни в полной изоляции, ни в полном неведении о том, что происходило за границами страны. Хорошо известно, что в царствование Петра Великого русскую молодежь специально посылали за границу изучать не только военное искусство и навигацию, но также торговлю и административную деятельность. Из "Пропозиций" Федора Салтыкова видно, как пробудилось их любопытство и внимание в этих областях. Кроме того, император в инструкциях предписывал своим дипломатам приобретать юридическую и административную литературу и отсылать ему. Наконец, война со Швецией тоже способствовала распространению и осознанию идей, концепций и методов камералистики. Многочисленные военнопленные с обеих сторон и затяжной характер конфликта создали возможность для непрерывных интенсивных контактов; шведских пленных часто использовали в качестве переводчиков и экспертов, в то время как некоторые русские пленные в Швеции (например, князь Трубецкой) не упустили случая вблизи

изучить обычаи и административные методы страны своего плена. Царские посланцы активно искали возможности ознакомиться с тем, как устроена страна, являющаяся самым могучим и беспощадным врагом России. Как это вновь показало недавнее исследование о Петровских реформах, вся эта информация собиралась, систематизировалась и использовалась царскими советниками и самим монархом во время преобразования государственных и общественных институтов империи¹⁵.

Короче говоря, в конце XVIII века Московское государство было готово принять за образец новую политическую культуру, разработанную и применяемую на практике в Западной и Центральной Европе и известную под названием доктрины регулярного государства и учения камералистики. Оно было к этому готово, с одной стороны, в результате познаний, полученных в этой области ее верхами, с другой - из-за ослабления и распада ее собственной культуры во второй половине XVII века. Петр Великий сделал из этого практические выводы и стал на путь радикальных преобразований общественной жизни и правительственных институтов страны по западноевропейскому образцу.

Глава 2

ПЕТРОВСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

К 1694 году, к началу единоличного царствования Петра I, совпали необходимость реформ или даже полного переустройства московской администрации (политейа) и наличие западного "инструментария" для осуществления этих преобразований по европейскому образцу. Безусловно, сыграла свою роль и личность Петра: его творческая энергия (drive или Tatkraft) и решимость вдохнуть в русское общество жизненную силу, сравнимую с силой западного общества, наложили сильную печать на его революцию. Он смог преодолеть все препятствия, стоявшие на пути к его цели, потому что обладал природной мощью. Вечно жаждущий знаний, падкий на новшества, он сообщил программе преобразований свое

напряжение, лихорадочность, присущий ему динамизм. Но слишком бурное проведение таких реформ, стремление любой ценой, вопреки любому отпору, достичь ощутимых результатов приводит к преобразованиям поверхностным, к реформам, не находящим опоры и, в конечном счете, недолговечным, беспорядочное изобилие которых выдает нехватку строгой дисциплины. Так и царствование Петра Великого издергало русское общество и оставило в наследство верхам неуверенность и неустойчивость, которые привели их впоследствии к кризису самосознания.

Тем не менее, личность Петра и его энергичная программа ускоренных преобразований притягивали именно те элементы верхушки (а иногда и народа), которые жаждали действия, хотели вложить свою энергию как в увеличение материальных ресурсов и могущества своей страны, так и в свое собственное обогащение и процветание. Петр в своих начинаниях нашел многочисленных сподвижников, и это свидетельствует о том, что в русском обществе конца XVII века были люди, даже целые группы и слои, стремившиеся избавиться от засилья косной и изоляционистской традиционной московской культуры. Как мы увидим дальше, несчастьем Петра было то, что он не сумел - отчасти не мог, а отчасти не хотел - привлечь к сотрудничеству большее число людей из народа. Лишь один пример: старообрядцы, среди которых было много волевых, энергичных и жаждущих деятельности людей, не привлекались к участию в начинаниях петровского государства.

Взяв в руки управление государством, особенно после возвращения из первой поездки за рубеж (1698), Петр сознательно встал на путь преобразования общественной жизни и переустройства российской администрации. Он осознанно вводил как образец для под-

ражания модели, которые предлагала ему теория и практика камералистики и которые придали его политике цельность и последовательность. Это не исключало (скорее, напротив, способствовало тому) ни сугубого прагматизма в выборе времени и средств, ни опробования иных конкретных решений. Правда, условия и требования долгой войны против Швеции навязывали деятельности государя определенный порядок дел и материальные ограничения. Вопреки мнению Ключевского и Милюкова, мне не кажется, что политика Петра была продиктована исключительно требованиями войны и являлась лишь серией мер *ad hoc* в ответ на нужды момента. Еще до 1709-1712 годов (то есть до того, как можно было рассчитывать на окончательную победу России над Швецией) Петр последовательно проводил программу преобразований, скопированную с образца регулярного государства. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к источникам, касающимся разработки и редакции его основных законодательных актов¹. Кстати, весьма сомнительно, чтобы требования войны сами по себе вынуждали к столь решительным реформам и радикальным нововведениям. Действительно, несмотря на устаревший военный аппарат и неразвитую промышленную экономику, Россия вела в XVII веке долгие и многочисленные войны против Польши и Швеции. Человеческие ресурсы России (по численности населения она превосходила не только Швецию, но и любую другую европейскую страну, за исключением Франции), запасы сырья необъятной империи, не говоря о преимуществах, которые ей давали расстояния и климат, - все это делало окончательную победу Швеции маловероятной, по крайней мере, пока в России была крепка воля не принимать временные поражения за окончательные. Эту точку зрения, кажется, подтверждает тот факт, что огромные

социально-экономические усилия для построения новой столицы, создания новых отраслей промышленности, преобразования общественной и культурной жизни были предприняты во время войны - прямо во время военных поражений.

Осуществление в России программы регулярного государства, то есть оптимальное использование материальных и культурных ресурсов страны ради создания динамичного и прогрессивного общества, было делом не одного лишь Петра (который, вне всякого сомнения, был его духовным отцом), но и определенного числа лиц и социальных слоев, которые и составили новую правящую и культурную верхушку империи. Программа Петра привлекла всех, кто жаждал действия, продвижения по социальной лестнице и обогащения, - карьеристов и корыстолюбцев. Их участие в трудах царя-реформатора привело к созданию русской культуры нового времени, образа жизни общества, который включил в себя основные ценности западной цивилизации - жажду знаний, интеллектуальную и художественную любознательность, дух рационального прагматизма. Так началось формирование просвещенных верхов общества, которые заимствовали и формы и содержание в современной им европейской литературе, музыке, мысли и искусстве. Если заглянуть далеко вперед, это окажется, может быть, самым важным достижением и самым новаторским аспектом царствования Петра Великого.

Среди людей, участвовавших в преобразованиях под руководством императора, были не только новые (в социальном и культурном смысле) люди, но и представители традиционных групп и слоев. Здесь можно было встретить многочисленных представителей родовой знати - отпрысков боярских семей: Шереметьевых, Голицыных,

Ромодановских; служилых дворян, таких, как Неплюев, Крекшин, Татищев, Салтыков. Надо также отметить важную, еще неизученную роль, которую, несомненно, сыграли дьяки московских приказов и особенно их сыновья, как, например, Алексей Макаров, секретарь Петра. Дети и внуки недавно поселившихся в России иностранцев во многом споспешествовали успеху царствования, особенно в некоторых областях общественной жизни, где мы находим Шафирова, Ягужинского, Гордона, Брюса, Фика, Остермана. Все это хорошо известно. Но не надо забывать и людей скромного происхождения, имен которых документы не сохранили. Начинания Петра потребовали невероятных материальных средств: для армии - снабжения провиантом и одеждой, не говоря о боеприпасах; для гражданской администрации - бумаги, чернил, перевозки курьеров и инспекторов, передачи официальных сообщений (типографии, почта). Из опубликованных документов мы знаем, что поставщиками часто были люди очень низкого положения, заключавшие договора о поставках или бравшие на откуп сбор налогов. Поставщики армии и государства занимались делами иногда очень крупными, исчислявшимися в тысячах рублей - суммах, огромных для того времени. Мы знаем имена некоторых из них; одни прославились своей новой, весьма важной деятельностью (как, например, Демидов), другие - своим участием также и в культурной жизни, в "идеологической пропаганде" царствования, как И. Т. Посошков. Но документы упоминают и о неизвестных поставщиках провианта, оборудования и материалов, иногда в очень значительных количествах, - таким образом они тоже активно участвовали в преобразованиях страны. Некоторые из них наверняка поднялись на вышестоящие ступени общества и общественной жизни, другие остались в тени. Этот вопрос за-

служивает более подробного исследования, однако основные черты и направление этого развития ясны.

ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ СЛОЙ

А каким же в России было положение законно существующих объединений, групп и организаций, короче говоря, столь дорогого для Монтескье "промежуточного слоя", к которому европейские государи обращались за помощью в осуществлении задач регулярного государства? Как мы отметили, только благодаря сотрудничеству (добровольному или вынужденному) этих объединений и "сословий" удавалось успешно навязать населению дисциплину в повседневной жизни и дух предпринимательства. Но мы отметили также, что в Московском государстве этот промежуточный слой более или менее отсутствовал. На местном уровне, особенно среди старобрядцев, определенно существовал некоторый корпоративный дух и имелись организованные общины, игравшие роль в организации повседневной жизни и в решении мелких конфликтов между своими членами. Кажется также, что во второй половине XVII века, по крайней мере в северных областях, крестьяне и мелкие служилые люди организовали нечто вроде корпораций, чтобы справляться со своими обязанностями по отношению к государству и поддерживать мир и общественный порядок на местном уровне. Согласно Х.-И. Торке, существовали робкие попытки корпоративной организации и среди некоторых групп городского населения². Наконец, официально обладавшие автономией общины занимались организацией и регламентацией жизни казаков и стрельцов, не говоря об инородцах пограничных районов. Но даже в той мере, в которой этот слой еще

существовал в конце XVII - начале XVIII века, к нему невозможно было обратиться за помощью в проведении идей и методов камералистики и регулярного государства. Действительно, связи местной и социальной солидарности, по крайней мере в конце века, выполняли в основном охранительно-защитную функцию, то есть функцию сохранения традиционного образа жизни, обычаев и умонастроений, которые как раз противостояли идеалам производительности и оптимального использования ресурсов - самой сути новой политической культуры.

Традиционные автономные объединения Московского государства были слишком пассивны и отстали, чтобы встать на сторону новой политической культуры. К тому же, сопротивление новшествам и форма организации, особенно у казаков и в меньшей степени у стрельцов, представляли слишком большую опасность для государства, чтобы правительство Петра положило возможным ими воспользоваться. Подозрение и ненависть, которые Петр питал к стрельцам, широко известны - он видел в них потенциальных союзников царевны Софьи и угрозу своей власти; стрелецкий бунт, вспыхнувший во время поездки Петра за границу, предоставил ему долгожданный случай избавиться от них раз и навсегда. Что касается казаков, то они всегда были источником и авангардом всех народных мятежей, например, астраханского и Булавинского, которые были жестоко подавлены крупными воинскими силами. Наконец, что касается "корпоративной" лояльности крестьян и городского населения, то она существовала прежде всего у старообрядцев. А они отказывались признать самую легитимность послениконовского Московского государства; они яростно отвергали мирское правительство, принципы которого, по их мнению, внушены дьяволом, а глава его, царь, яв-

ляется прямым воплощением Антихриста. Старообрядцы, влиятельное меньшинство крестьян и ремесленников, беспрекословно послушное своему приходскому и монастырскому духовенству, отвергали новое государство и жестоко преследовались за тот отпор, который они ему оказывали; они не могли стать ни активными сотрудниками, ни даже простыми сторонниками модернизации, проводившейся петровским режимом. К тому же, всем этим зачаткам традиционных корпоративных организаций, вследствие их разнородного социального и юридического характера, пришлось бы еще долго развиваться и укрепляться, прежде чем получить активную роль в общественной жизни конца XVII века. У них не было времени развиться в сословие. А потрясениями и новшествами, которые вызвали ослабление и развал московской политической культуры и подорвали ее нормы и ценности, практически были уничтожены и местные независимые организации.

Правительству Петра ничего не стоило с ними покончить. Оно этого достигло, введя заново строгое и исправное исполнение служебных повинностей, так чтобы разрушить местную и семейную солидарность. Вместо того, чтобы оставаться территориально замкнутым корпусом, сохраняющим родственные связи и возглавляемым родовыми старейшинами, призванные на службу провинциалы назначались с этих пор на посты в индивидуальном порядке, перемещались по воле центральной администрации и были обязаны постоянно оставаться на своем посту. Точно так же и узы городской и крестьянской солидарности, и без того уже слабые, были ликвидированы рекрутским набором в модернизированную армию и вынужденными перемещениями для работ в отдаленных местностях (таких, как строительство Ладожского канала и возведение новой столицы у Финского за-

лива) либо подорваны непомерной тяжестью налогов и податей.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

Государственная служба была при Петре единственным способом социального продвижения. Вступление в служилый класс составляло реальную привилегию как материальную, так и социально-психологическую: только лица на государственной службе пользовались хоть какими-то материальными гарантиями и некоторой правовой защитой их личности и собственности. Богатство само по себе не много весило в сравнении со службой, социальное происхождение довольно мало значило в сравнении с принадлежностью к привилегированному правительственному классу и возможностью продвижения по службе. Критерий службы как основа социального устройства был узаконен и упорядочен введением Табели о рангах (1722). За несколькими исключениями и несмотря на некоторую неясность ее положений, социально-правовое устройство Российской Империи вплоть до середины XIX века укладывалось в рамки Табели о рангах. Самодержавное государство в результате получило и закрепило за собой абсолютный контроль социальной иерархии и, следовательно, подчинило своей воле членов правительственного класса, то есть верхи имперского режима. Какова бы ни была природа нарушения ее положений, Табель о рангах оставалась в силе, потому что одновременно обеспечивала первостепенную роль государя и его успешный контроль за верхами и сообщала некоторую гибкость социальному устройству, что позволяло энергичным и активным людям, всем тем, кто полностью отождествлял себя с цен-

ностями и целями регулярного государства, подняться наверх и войти в ряды культурной, политической и экономической элиты страны.

В таких условиях для Петра Великого и его сотрудников главным средством достижения их целей становилось обращение к традициям и практике государственной службы. Конкретно это означало создание административных ("бюрократических") институтов, прежде всего центральных, так как на местах для этого не хватало людей. Главным делом администрации было дать толчок и направление преобразованиям страны и поставить перед обществом конкретные цели. Как и в европейских странах того времени, центральный административный и, в первую очередь, военный аппарат должен был активно способствовать осуществлению политики европеизации, проводимой Петром Великим и его преемниками. Главной - и наиважнейшей - задачей имперского правительства было набрать (и сохранить) класс государственных служащих. Класс, который, за отсутствием промежуточного слоя, должен был выполнять роль правящих верхов и осуществлять мероприятия по управлению всеми областями жизни страны.

Однако в начале XVIII века человеческие ресурсы были скорее ограничены, по крайней мере, в сравнении с величиной территории, численностью населения и количеством невыполненных задач. Кстати, отметим сразу же, эти ресурсы остались количественно и качественно недостаточными до самого конца Империи. Государственная служба на всех уровнях нуждалась в людях, обладающих хоть каким-то образованием и опытом. Самый многочисленный класс страны, крестьянство (даже если бы оно и не было большей частью закрепощено), не мог сыграть этой роли - Россия не составляла в этом исключения: крестьянство нигде не рассматривалось как

источник людей для правящих верхов. Кроме того, в противоположность тому, что происходило в Англии, Франции и в некоторой степени в Германии, в России не было ни лиц, ни групп крестьянского происхождения, составлявших деревенскую знать, из которой можно было бы набрать местных администраторов и создать экономическую и культурную элиту³. Армия была единственным путем крестьянина наверх, да и то в большинстве случаев только его дети или внуки достигали цели. Военная служба, которая была практически пожизненной (от 25 до 30 лет), освобождала рекрута от всех обязанностей по отношению к помещику (или к государству в случае государственных крестьян), и его дети, рожденные после рекрутского набора, были свободными людьми, которым государство старалось дать некоторое образование, чтобы включить их в ряды класса производителей или низшей администрации. Таким образом, дети и внуки забритого в армию крепостного могли стать офицерами, получить дворянство и выйти в правящие слои страны. Как бы ни были редки эти случаи, их было достаточно, чтобы создать подкласс населения и поддерживать иллюзии и миф служилого дворянства, открытого для талантливых людей из простонародья⁴.

Для дворян же государственная служба стала не только обязательной, но и постоянной - начиная с возраста пятнадцати лет и до конца жизни или, по крайней мере, выхода в отставку по немощи. Кроме того, как уже было сказано, Петр унифицировал службу таким образом, что по воле центральных властей любой служащий в любой момент мог быть перемещен на другой пост и в другое место. Послужные списки и личные дела, в которых отмечались назначения, перемещения, повышения, награды и наказания, велись Герольдией - департаментом Сената, поставленным под прямой контроль госуда-

ря. Фактически служилый человек - дворянин или простолюдин, военный или штатский (граница между двумя категориями оставалась в течение всего XVIII века очень расплывчатой) - был для администрации лишь пешкой, которую она передвигала по своему усмотрению, поручая ей любые функции в зависимости от нужд момента, не учитывая ни личных стремлений, ни откуда он родом, ни семейных связей. Кроме всего прочего, от служилых людей требовалось некоторое общее образование, и это добавочным бременем ложилось на всех молодых дворян. Именно этим новым ярмом служебных обязанностей: образование, постоянство, унификация - порождено то сопротивление, которому историческая литература придает большое значение. Но, когда новая привычка была усвоена, а была она усвоена, надо подчеркнуть, за одно-два поколения, вся активная и культурная жизнь правящих верхов протекала в ее рамках, и она даже стала основным критерием доступа в эти верхи. Различные формы службы и предъявляемые ими культурные требования в конце концов определили характер и социальные функции русских верхов при имперском режиме.

С точки зрения, которая нас здесь занимает, следует подчеркнуть, что самым важным результатом было создание главного инструмента регулярного государства - превращение традиционного военно-служилого дворянства в бюрократию. Дворяне стали чиновниками, обязанными осуществлять задачи, поставленные государством или абсолютным монархом с единственной целью - организовать и структурировать общество ради оптимального использования ресурсов. Так в управление общественными делами были введены унифицированные методы деятельности и абстрактные формулировки, способные ответить на любые запросы и нужды администра-

ции в любом месте и при любых условиях. Новая "бюрократия" создавала собственный язык, выражающий обобщенные понятия интересов и нужд государства, даже когда это были просто личные нужды государя.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ РЕГЛАМЕНТ 1720 ГОДА

Генеральный Регламент, изданный Петром Великим 28 февраля 1720 года, заложил основы бюрократической деятельности имперского правительства на всем протяжении его истории. Составленный под прямым влиянием шведского *Santselie Ordnung* 1661 года, этот Регламент в целом принял административный порядок и политическую концепцию того времени, разработанные в Германии камералистикой и доктриной просвещенного абсолютизма, начиная с первой половины XVII века. Он дал российской бюрократической деятельности приводные ремни и тем самым ввел совершенно новое понимание отношений между государственным аппаратом и населением. Создав девять административных коллегий (они заменили многочисленные московские приказы и, в свою очередь, были заменены министерствами в начале XIX века), Регламент организовал администрацию согласно функциональным, а не географическим и историческим критериям, как это было в случае приказов и прочих московских учреждений. Были яснее очерчены сферы полномочий в каждой коллегии. Таким образом были устранены, по крайней мере в принципе, отклонения, связанные с личными влияниями. Регламент не исключал совмещения разных должностей, но такое совмещение больше не стирало границ между различными службами, как это наблюдалось в административном аппарате до Петра I. Во-вторых, учреждение впредь не олицетворя-

лось его членами и должно было функционировать даже в отсутствие тех, кто им управляет. Кроме того, административные дела должны были вестись исключительно внутри учреждения, они не могли решаться ни в каком другом месте и ни в коем случае одним-единственным лицом, будь то самим начальником. Еще одна важная черта: администрация и население, которым она управляла, были разделены: подданных и представителей государственной власти впредь разделял барьер - в прямом и переносном смысле. Эти предписания подчеркнули обобщенный и абстрактный характер правительства и его организующую и направляющую роль в общественном производстве. Ту самую роль, которая и является смыслом существования и источником легитимности самодержавной власти.

С другой стороны, новая система, установленная Генеральным Регламентом, стремилась к ослаблению, а затем и полному устранению личных связей и знакомств, на которых строилась политическая жизнь допетровского Московского государства. Однако в действительности оказалось невозможным устранить из русской административной жизни играющие важную роль личные отношения и личностный характер власти. Это объясняется просто: правительство набирало людей в кругу, вынужденно весьма ограниченном, поскольку требовалось хоть какое-то образование, а подавляющее большинство населения никакого образования не получало. Солидарность и семейные связи служилого дворянства продолжали играть решающую роль; роды и семьи, уже занимавшие видные места в допетровском Московском государстве, продолжали поставлять большинство высших офицеров и администраторов в центральные учреждения в течение всего XVIII века (а если учитывать обновление посредством браков и усыновлений, то

и до XIX-го). Несмотря на все усилия по "рационализации" методов набора и продвижения по службе согласно критериям опыта и заслуг, родственные связи и кумовство продолжали играть решающую роль в назначении на ключевые посты⁵.

Не только семейные связи, но и личные контакты, умение себя вести и знакомства, завязываемые в канцеляриях и штабах, где служили особо влиятельные лица, положило начало многим значительным карьерам. Так, походная канцелярия графа Румянцева на Украине стала питомником высших гражданских чиновников правления Екатерины II ⁶, подобную же роль сыграло окружение Потемкина (а до него Шувалова и Орлова). Это не должно нас удивлять: в XVIII веке не было никакого другого успешного способа набора квалифицированных чиновников, кроме как прибегнуть к сети личных знакомств. Однако Табель о рангах позволила не только расширить круг кандидатов, но и, сохраняя уже завоеванные позиции, дать новопришедшим шансы продвижения наверх в личном порядке. Двойственность системы откровенна: Табель о рангах и Генеральный Регламент способствовали укреплению и сохранению приобретенного в прошлом знатными семьями положения, оставляя лишь немногим "новым людям" открытую дверь при условии, что они войдут туда посредством брака и будут приняты кругом устоявшихся "кланов". По меньшей мере, в XVIII веке политическая жизнь России была, если можно так выразиться, балетом милостей и опал, сменой придворных клик, состав которых определялся личными отношениями, родством и свойством.

По сходным причинам роль государя в этом контексте становилась еще важнее. Кажется, у Петра Великого были поползновения обезличить государственную власть. Он этого не сделал, да если бы и захотел, то не смог бы,

потому что одно из условий осуществления поставленных им задач заключалось в его индивидуальности. Именно сила его характера и его могучая личность позволили ему играть роль, которую он себе избрал, - роль зачинщика модернизации России по европейскому образцу. Что касается его наследников, то, несмотря на их бесхарактерность и незначительность, государственная власть сохраняла свой личностный характер, даже когда их именем правили временщики со своей кликой. В отсутствие устойчивых институтов, при слабо развитых правительственных учреждениях, шатких политических обстоятельствах, самодержец (или его личный уполномоченный, временщик, действующий от его имени) был единственным лицом, способным разрешать и регулировать конфликты и распри между кланами, группировками, фаворитами и административными службами. В этом смысле наблюдается преемственность между московским стилем и имперской практикой.

Религиозный характер высшей власти, напротив, претерпел полное преобразование. Император (или императрица) оставался, конечно, главой Русской Церкви, как и цари. В административном плане это проявлялось даже больше после ликвидации Патриархии и замены ее Священным Синодом, где светский представитель царя стал в конце концов играть решающую роль. Государь продолжал утверждать религиозный и обрядовый характер самых важных общественных событий и сам лично в них участвовал. Но число таких событий постоянно уменьшалось и было сведено к минимуму; за исключением этих событий, правительство больше почти не обращалось к религии; администрация перестала играть религиозную роль, в то время как Церковь была обязана по-настоящему участвовать в мирской жизни. Вместо очень набожного царя появляется император-самодер-

жец, одетый в военную форму европейского образца, живущий на окраине своей империи, изолированный от духовной и религиозной жизни своего народа.

ЛЕГИТИМНОСТЬ ВЛАСТИ

Так встает вопрос легитимности его власти. Право Петра Великого на престол уже оспаривали старообрядцы. Сомнения вновь возникают в народе в результате государственных переворотов, сажавших на трон последовательно женщин и детей, чьи родственные узы с предыдущим государем неясны, а поведение часто противоречит традиционным и религиозным концепциям. Указы, которые по западному образцу запрещают вступать в прямое общение с императором и представлять на его рассмотрение как личные, так и коллективные прошения, подчеркивают чувство изоляции и, следовательно, социально-психологически подвергают сомнению законность его власти. Правда, этот вопрос не стоит для высших классов, для служилого дворянства, тем более для тех, кто служит в администрации или армии, потому что личностный характер высшей власти позволяет им сохранить личный контакт с государем - или прямо, при дворе, куда у всех служилых дворян есть доступ, или косвенно, через покровителей либо родственников.

Это положение объясняет и сложности, с которыми сталкивалось петровское государство при разработке своих законов. Технические и материальные проблемы, сколь бы серьезны они ни были, не являлись главной причиной этого. Главная проблема заключалась в сохранении неделимости олицетворенного в одном человеке самодержавия. В теории и на практике все оспариваемые судебные решения представлялись на суд

императора, который разрешал спор по своему усмотрению. Полномочия царя выступать в качестве судьи и решать - по собственному желанию или по принятым правилам - все споры, выносимые на его суд теми из подданных, которые могли прямо к нему приблизиться, составляли основной аспект легитимности императорской власти. Официальное узаконивание абсолютной власти, потерявшей свой священный иератический характер, должно было формулироваться по-новому. Этой задачей занялся Феофан Прокопович в трактате "Правда воли монаршей", который он написал (или который написала под его руководством группа русских и иностранных сотрудников, игравшая роль отдела пропаганды). Чтобы утвердить долг абсолютного повиновения указам государя, Прокопович обращается в этом трактате к совершенно рациональным аргументам. Он не ссылается на эмпирические причины - он просто утверждает, что абсолютная (государственная) политическая власть была "создана человеком в естественном состоянии" (в гоббсовском смысле), когда он попал в общество других людей; законность этой власти была установлена заветом Бога, который закрепил ее в Священном Писании. Примеры из Библии и из истории приводятся не для того, чтобы рационально объяснить, но чтобы проиллюстрировать отправление этой власти и роль, которую играет абсолютное подчинение подданных; за подкреплением этих примеров Прокопович обращается к авторитету мыслителей, юристов и писателей Западной Европы XVII века. Следует также отметить, что долг абсолютного повиновения обоснован естественной обязанностью детей слушаться своих родителей. Так, даже в этом политическом трактате, который стал основополагающим в области российского общественного права, государь-император приравнивается к отцу семьи, власть государя и поли-

тические отношения, существующие между ним и его подданными, основываются на личном и моральном характере отцовской власти. Что касается функций государя у Прокоповича, то они теряют священный характер, становятся просто материальными и прагматичными; они обосновываются защитой, которую государь обеспечивает членам общества, следя за тем, чтобы удовлетворялись их нужды в еде, жилье, одежде - короче говоря, нужды материальные. Безопасность подданных в осуществлении их экономической деятельности (в широком смысле слова) гарантирует всему обществу материальное благополучие, рост богатства и мощи. Такой прогресс, сам по себе желанный, кроме того, свидетельствует о культурном уровне общества, который, разумеется, выше, чем у общества в естественном состоянии.

Мы не можем здесь входить во все детали политики Петра Великого. Его правление было объектом многочисленных исследований, даже если не существует столь всеобъемлющей биографии Петра I, как Александра I, Николая I или Екатерины II ⁷. Первая задача, за которую решительно взялся Петр (и которая, как только он встал на этот путь, стала абсолютно необходимой), заключалась в продолжении войны против Швеции, пока та не оставит свои завоевания на Балтийском побережье (окрестности Санкт-Петербурга, Ливонию, Эстонию), и, во-вторых, в обеспечении безопасности империи на юге, в войне с Турцией и Персией. Для ведения войны необходимо было набрать людей и собрать налоги для покрытия расходов. Ничто в этом не противоречит традиции - Петр лишь следовал тут примеру своего отца; правда, за это время техника и методы организации изменились - модернизированная армия требовала гораздо больших денежных и материальных ресурсов. Чтобы покрыть эти затраты, нужно было выжимать из об-

щества подати намного энергичней и методичней, чем это делали московские цари.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ОБЩЕСТВА

Основным фактором, который сильно повлиял на последующую эпоху, были решительные и систематические усилия правительства Петра Великого, направленные на то, чтобы ввести и распространить современное образование, перенести европейские приемы в экономическую, военную и культурную (художественную и интеллектуальную) области жизни. Эти преобразования, проводившиеся методично и с большим усердием (хотя они и не сразу принесли все задуманные плоды), были направлены на создание нового общества, способного к самообновлению и производству. Это новое общество, устремленное на то, чтобы ввести в эксплуатацию и оптимально плодотворно использовать материальные и духовные богатства, затрагивало не все население — оно накладывало обязанности, в основном, на верхушку и правящие круги. Петр создал институты, академии и школы для детей служилого дворянства, духовенства и некоторых групп разночинцев, принимавших участие в торговле, заводской деятельности и военной службе. Элита, призванная править Россией, должна была стать новым классом не по своему происхождению, а благодаря своим принципам, системе ценностей и поведению. Приходится признать, что, несмотря на сильный отпор вначале, правительства Петра и его прямых наследников, неустанно преследуя одну цель, сумели изменить будущность и характер московского служилого класса. После смерти первого императора невозможен был воз-

врат назад, отказ от усилий, предпринятых ради того, чтобы дети служилых дворян изучали европейскую науку, технику, словесность и искусство. Приобретение европейской культуры стало впредь условием *sine qua* поп и основным критерием принадлежности к правящим верхам страны. Придворная, а позже общественная и социальная жизнь настолько от этого изменились, что являла собой картину самого разительного контраста в сравнении с тем, что царило при кремлевском дворе до прихода к власти Петра I⁸.

Кроме того, Петр и его администрация последовательно использовали материальный потенциал империи, оптимально эксплуатируя как экономические богатства, так и человеческий и материальный потенциал, имевшийся в их распоряжении. Было проведено изучение страны с целью открытия новых горных, лесных и сельскохозяйственных ресурсов. Были созданы заводы, построены каналы и дороги, поощрялась торговля; строились новые города, прежде всего столица, и обновлялись старые. Идеальный петровский администратор должен был быть и ученым, ему приходилось разбираться одновременно в экономике, науке и политике. Таким был В. Н. Татищев - типичный представитель поколения Петра Великого; его карьера и идеи дают лучшую картину всего, что Петр хотел осуществить, и средств, которыми он располагал⁹.

Император старался организовать членов русского общества ради производительной, энергичной, активной жизни во всех областях жизни, в том числе и частной, интеллектуальной и экономической. Он использовал для этого традиционное средство - государственное управление и службу. Попытка обратить дворянство к хозяйственной деятельности не увенчалась успехом. Можно удивляться, почему этот класс остался невосприимчив к деятельности, которая увеличивала бы его благоденствие

и материальные богатства; это, впрочем, не помешало его притязаниям на ресурсы, которые тут же проматывались в форме conspicuous consumption. Попытка Петра вызвать смену ценностей законодательным путем (указ о единонаследии 1714 года) кончилась полным провалом¹⁰.

Другие классы общества тоже были привлечены Петром посредством государственной службы. В рамках Главного Магистрата горожане могли учреждать торговые предприятия и мануфактуры. Но и в их случае обязанность служить государственным интересам была важнее всех других соображений: горожане должны были активно участвовать в сборе налогов, следить за охраной городского порядка, ставить свои таланты и ресурсы на службу государства. Это означало потерю времени и энергии, а также большой риск, так как члены Главного Магистрата были юридически и материально ответственны за убытки и ущерб, понесенные казной и государством. Частная инициатива и индивидуальная творческая энергия не защищались и не поощрялись настолько, чтобы дать результаты, которых ожидал Петр на основе сделанных в Западной Европе наблюдений и полученного там опыта.

ЕВРОПЕИЗАЦИЯ ВЕРХОВ

Наконец, быт общества, по крайней мере его верхов, был модернизирован и европеизирован введением и принятием западного придворного образа жизни. В данном случае можно сказать, что успех был почти полным. Спустя два поколения двор Санкт-Петербурга мог соперничать в величии и оживленности с дворами Западной Европы. Напротив, упорное стремление Петра и его соратников заставить народ отказаться от предрас-

судков и религиозных обычаев, которые мешали развитию производительной *vita activa*, обернулось почти полным провалом. Это упорство даже привело к противоположным результатам: оно утвердило в низах уверенность в том, что император и его присные работают на дьявола, а сам государь является воплощением Антихриста.

Короче, русское государство приступило к преобразованию и переустройству общества, стремясь сделать его более динамичным и предоставить ему средства рационального использования его богатств. Что касается служилого дворянства и интеллектуальной верхушки, можно сказать, что цель, преследуемая государством, была в основном достигнута. Но, что касается простонародья, правительство потерпело почти полный крах, по меньшей мере в первой половине XVIII века.

Следовательно, Петровские реформы не проникли в сердцевину общества и страны, за исключением мимолетных вмешательств *ad hoc* органов центральной власти, которые стремились к ограниченным, немедленным результатам, не имевшим будущего. Создается ощущение, что все эти нововведения ни на чем не основаны, временны. Для русских того времени и - еще ясней - для иностранных наблюдателей главной, характерной чертой новой России была неустойчивость. Зато служилые верхи приняли культурный вызов не просто с легкостью, но так к нему приспособились, что спустя одно-два поколения смогли внести свой вклад в русскую культуру своего времени и активно участвовать в ее создании. Можно удивляться, что они не проявили того же энтузиазма и такой же творческой энергии в области экономики. Мы к этому еще вернемся. Пока что достаточно отметить следующие факторы: в течение долгих лет войн со Швецией и Турцией верхи были слишком поглощены

дорогостоящей и тяжелой, опасной для здоровья, а иногда и для жизни государственной службой. Отсюда, за отсутствием навыков, свободного времени и средств, проистекала неспособность посвятить себя экономической деятельности и вместе с тем продолжать служить и усваивать культурные новшества - условие *sine qua non* для делания карьеры, возможной лишь в рамках придворной или военной службы.

Верхи приняли культурный вызов, освоили новые ценности русской культуры и проявили (и будут продолжать проявлять) искренний интерес к западным интеллектуальным новшествам. Они преобразовались так быстро, что смогли общаться с представителями западной культуры почти на равных. Народная же культура, которая, собственно говоря, не участвовала в петровских преобразованиях, осталась в стороне, нетронутой; она сохранила традиции XVII века. Таким образом не только увеличился разрыв между культурой верхов и народа, но эта последняя застыла, оцепенела, притупилась и атрофировалась. Появился разрыв между умственным кругозором народа и умонастроениями верхов и тех, кто к ним присоединился. Этот разрыв остро чувствуется в XIX веке, когда народные массы возвратятся в общее течение имперской жизни, в том числе и культурной.

Возвращаясь к формулировке Мориса Ориу: "...администрация является основой [структурированного] общества", добавим, что это верно только в том случае, если она надстраивается над фундаментом общества, если она является частью деятельности всего народа и всей страны. Этого не произошло в России в начале XVIII века, и именно поэтому эволюция страны после Петра I была "искажена" или пошла в особом направлении. Отсюда же - сложности и парадоксы эволюции строя и обще-

ства в десятилетия, последовавшие за смертью царя-преобразователя. Можно ли так институционализировать личный авторитет государя, который создал новые условия, чтобы этот авторитет стал постоянно действующей силой? Могут ли учредиться и упрочиться институты перед лицом индивидуального, единоличного характера самодержавной власти? Вот основные проблемы, с которыми сталкивается русское общество. Однако кажется, что успехи Петра, особенно в политической и военной областях, открытие для верхов широкого "окна в Европу" оправдывают инициативу и личную роль государя. Это позволило обновить верхи за счет новых сил и людей и переменить их умственную и политическую направленность. Но не нанесла ли ущерба бодрости и творческой энергии, которые свойственны независимым социальным формациям, главенствующая роль служилой верхушки? И, в конечном счете, не оказывается ли сомнительным дело Петра Великого из-за того, что не развились эти независимые силы? Такие вопросы стояли перед поколениями, наследовавшими Петру, и мы, в свою очередь, должны рассматривать их в свете событий 1725-1762 годов.

Глава 3

СИСТЕМА ПЕТРА ВЕЛИКОГО ИСПЫТЫВАЕТ ЗАТРУДНЕНИЯ

Несмотря на некоторое сходство между новыми учреждениями и теми, которые существовали во времена Алексея Михайловича (Сенат равнозначен Боярской Думе, коллегии играют роль приказов и т. д.), правительственная система управления государством, установленная Петром I, ведет себя совершенно иначе, чем московская. Это связано с новым пониманием задач, стоящих перед администрацией и правительством. Имперское правительство, в противоположность правительствам предыдущих царей, занимается - как умеет - организацией новых секторов, в том числе связанных с экономической и культурной жизнью. Правда, при этом оно

руководствуется заботой о защите своих материальных интересов, а также политическими и военными нуждами. Тем не менее, поле административной деятельности расширяется, даже если сохраняются службы, занятые сбором налогов, военной экипировкой и мобилизацией человеческих ресурсов - тем, что делалось и раньше в Московском государстве.

Однако имеется капитальное различие: правительства Петра и его преемников предписывают новые формы службы, строго устанавливают финансовые и материальные повинности, а не просто довольствуются сбором налогов и податей и мобилизацией ополчения. Следствием этого является политика активного административного вмешательства, строгие, детально разработанные предписания, подразумевающие постоянное вмешательство государства в гражданскую жизнь и быт населения.

Преемники Петра Великого, в общем, сохранили его систему правления, более или менее приспособив ее к новым условиям. Даже если в некоторых случаях центральная администрация призывается для решения вопросов, находящихся в компетенции низших инстанций, и к ней обращаются с ходатайствами частные лица, прерогативы органов центральной администрации растут, не говоря уже о том, что, следуя принципам, установленным Петром Великим, во многие дела вмешивается лично государь. Короче говоря, роль администрации в течение первой половины XVIII века возросла.

В своих концепциях и методах правительство Российской Империи следует направлению, заданному теориями регулярного государства и камералистики. Несмотря на то, что Россия - прежде всего сельскохозяйственная страна, государство прилагает все усилия к созданию городских центров - в силу их как торгово-

экономического, так и административного и военного значения (в частности, для размещения гарнизонов). Для этого оно использует новые, полностью заимствованные с Запада методы: устанавливает продовольственную политику, учреждает органы санитарного контроля, вырабатывает политику градостроительства (монументальная иллюстрация этой политики - возведение новой столицы на берегу Финского залива), в которую входит страхование зданий, контроль за нормами безопасности и забота об эстетике и здравоохранении при благоустройстве городов. Это - скромное начало, практическая эффективность которого нередко ограничена. Но непременно следует подчеркнуть, что после первых шагов на этом поприще правительство будет продолжать идти этим путем и найдет куда более благоприятную почву, в результате чего достигнет блестящих успехов при основании новых городов на юге страны и благоустройстве городов центральных губерний в конце XVIII века. Насколько можно судить по документам, которыми мы располагаем к настоящему времени, не было предпринято никаких усилий для того, чтобы плодами хорошей продовольственной политики и заботы о здравоохранении воспользовалась русская деревня, в чем российское правительство ничуть не отличалось от своих европейских образцов. Время от времени встречаются отдельные попытки правительства улучшить материальное положение тех или иных деревень, но обычно речь идет о деревнях, принадлежащих государству, где расположены то мануфактура, то какое-нибудь другое предприятие "национального" значения (речной порт с пристанью, селитряный завод и т. п.).

ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ПРОСВЕЩЕНИЯ

Вмешательство государства глубже всего отразилось в области культуры и просвещения - именно здесь оно проявило больше всего инициативы. Конечно, прежде всего речь шла только о создании заведений для воспитания служилого дворянства. Однако влиянию этой политики - медленно и почти против воли - подверглись и церковные учебные заведения, поскольку было необходимо удовлетворять требования администрации и армии и воспитывать все более многочисленные кадры. Отметим, между прочим, что на Украине, где уже существовали традиции среднего образования и большинство дворян отдавало своих детей учиться, государству вмешиваться не пришлось. Но в самой России дела обстояли совершенно иначе. Петр Великий начал свою политику в области просвещения учреждением начальных, так называемых "цифирных" школ и Математической Академии, впоследствии преобразованной в Морскую Академию. Эти начальные школы, организованные при Церкви, не достигли больших успехов, но дали почувствовать, как необходима цельная система подготовки квалифицированных кадров для военной и гражданской администрации. Следуя советам Лейбница и примеру западных монархий, Петр Великий основал для культурных верхов империи Академию наук - заведение, предназначенное как для научных исследований, так и для "высшего" образования. В действительности, Академия открылась только после смерти своего основателя, зато ее торжественное открытие сопровождалось созданием при ней высшего учебного заведения. Первый русский университет (Московский) был основан в середине века (1775), и меньше чем за два поколения он стал центром притяжения

для дворянской молодежи, жаждущей знаний, и дал основу для творческой и литературной жизни зарождающейся интеллигенции.

КАДЕТСКИЙ КОРПУС

Однако благодаря числу своих учеников и роли, которую те сыграли в обществе, еще более важное место занимает основанный в 1732 году Кадетский корпус. Он был создан по просьбе самого служилого дворянства или, по крайней мере, тех его представителей, которые активно вступили в административную, военную и культурную жизнь столиц и хотели, чтобы их дети получили образование, необходимое для быстрой и привилегированной карьеры. В течение этого века Кадетский корпус расширялся, и по его образцу были созданы другие заведения в Москве, Санкт-Петербурге и в провинции. Для подготовки молодых дворян к вступлению в Кадетский корпус и для тех, кого туда не приняли, открылись частные заведения. Здесь важны два факта: во-первых, создание Кадетского корпуса отвечало нуждам русской служилой верхушки. Это значит, что служилое дворянство единодушно приняло принцип необходимости образования и считало получение образования желательным, и в то же время доказывает, что верхи прониклись заботой о приближении к западному образцу, о европеизации русской культурной жизни, которая была одной из главных забот Петра I. Во-вторых, создание Кадетского корпуса и других учебных заведений, которые более или менее от него зависели, позволило все более широким кругам получать образование европейского типа и, таким образом, участвовать в активной культурной жизни. Неудивительно, что в таких усло-

виях Кадетский корпус и другие частные или государственные учебные заведения, которые открылись вслед за ним, стали очагом культурной жизни общества. Создание столичных театров - дело рук учащихся Кадетского корпуса, они же предприняли для своих соотечественников перевод европейской литературы, основывая журналы, литературные кружки и т. п., взяли на себя инициативу создания самобытной русской литературы. В более скромных масштабах этой деятельности подражали другие школы, пансионы и Московский университет, один из попечителей которого (Херасков), сам воспитанник Кадетского корпуса, содействовал организации дискуссионных кружков и изданию литературных альманахов. Государство сыграло еще более активную роль в расширении сети образования и учредило школы при полках, создав специальные школы для моряков, инженеров и т. д. в провинциальных городах и в столицах. Даже создание частных пансионов проводилось по инициативе государства не только потому, что оно контролировало эти учреждения и следило за тем, чтобы они выполняли общественно полезную задачу, которую себе поставили, но и потому, что их создание оказалось необходимым для подготовки к вступлению в Кадетский корпус дворянских детей, которые не получили минимума необходимого образования дома или жили слишком далеко от столиц и по молодости лет не могли быть туда отправлены. Динамичная школьная политика касалась не только служилого дворянства и не только русских. Были основаны школы для детей инородческих верхов с целью их русифицировать и, в конечном итоге, побудить к активному участию в работе военной и административной системы империи.

Государство вмешалось также в обучение в духовных училищах и модернизировало его, что отнюдь не всегда

давало положительные результаты в долгосрочной перспективе. Действительно, предметы чисто религиозные и те, которые были необходимы для пастырской деятельности приходских священников, были отодвинуты на второй план. Тот факт, что латынь стала языком преподавания в богословских семинариях, достаточно ясно показывает, что властям не было дела до нужд прихожан. Напротив, новые предметы, способные привить хорошие методы административной работы: такие, как риторика и логика (преподававшиеся по западным учебникам), - стали первостепенными в педагогике духовных училищ. Таким образом, эти учебные заведения стали питомником чиновников и приводным ремнем европеизации культурной жизни страны. Западные труды по философии, литературе, математике и риторике, на которых строилось преподавание, стали доступны не только для тех, кто проходил через эти заведения, но и для более широкого читателя - например, для чиновников, по службе общавшихся с воспитанниками этих школ, или для молодых дворян, которым воспитатели и учителя, вышедшие из стен семинарии, прививали первые ростки западной культуры.

ОБРАЗОВАНИЕ

Полезно напомнить здесь то, что часто говорилось об истории просвещения в России. При Петре образование было, в первую очередь, утилитарным и прагматичным. Первый российский император стремился прежде всего сформировать профессиональную верхушку, в еще расплывчатом понимании этого термина: военных и гражданских офицеров, моряков, специалистов в области финансов и дипломатии. Но что было особенно поразительно,

тельно и что способствовало как успеху петровских реформ, так и восприимчивости к ним части русского общества, - то, что служилая верхушка, будь то дворянского или разночинного происхождения, проявила интерес только к элементам общей культуры, включенным в программу Петра. Молодых слуг государевых привлекала отнюдь не техника - огромное большинство избегало ее как только могло. Зато приобретение общей культуры, превосходящей минимальные требования гражданской и военной службы (т. е. умение читать, писать и считать), быстро стало желанным само по себе и превратилось в основной критерий принадлежности к элите. Начиная с 1730 года, служилое дворянство требовало создания учебного заведения, которое открыло бы их сыновьям привилегированный путь службы и упростило бы их *cursus honorum*. Для удовлетворения их требований был создан Кадетский корпус; его программа, скопированная с программы *Ritterakademien*, соответствовала как техническому утилитаризму Петра, так и желанию верхов получить доступ к литературной культуре и социальной жизни Запада.

Направление, принятое Кадетским корпусом, будет отзываться в российской педагогике и обучении в течение всего XVIII века. За малыми исключениями, школы и частные учебные заведения, основанные в этот период, ставили себе задачу приобщить учеников к европейской культуре; сначала они испытали германское влияние, потом французское. Таким образом, ко времени вступления в должность будущий государственный служащий оказывался подготовлен к участию в жизни западного образца. В то время как его карьера в гражданских или военных органах обычно протекала под прямым контролем двора и центрального правительства, сам он вращался в кругах, которые ценили духовную жизнь (даже

на сравнительно элементарном уровне) и страстно к ней стремились. Этот опыт позволял ему в нужный момент чувствовать себя непринужденно на Западе или в присутствии иностранцев, живших в России либо посещавших ее. Наконец, надо отметить, что общественные и частные школы и другие учебные заведения часто обращались за помощью к иностранным специалистам, которые немало способствовали экономическому и художественному развитию России.

ДУХОВЕНСТВО

Активное вмешательство правительства в жизнь страны производилось также через посредство Церкви. Это уже не было полным слиянием мирского и духовного, как в XVII веке: впредь для достижения своих целей правительство давало церковным учреждениям точные приказы и директивы. Например, как мы это только что отметили, церковные школы должны были послужить мирским целям служилого класса (цифирные школы были созданы именно для этого), но практически так было лишь на Украине, где в церковных школах обучалось все большее число мирян. Монастырям же, в свою очередь, была предназначена роль приютов для военных инвалидов, больниц и богаделен для солдат, их семей и простонародья. Духовные семинарии и академии составили параллельную сеть высшего образования. Наконец, духовенству пришлось смириться с ролью осведомителя и помощника в надзоре за населением, среди которого эта полицейская роль не приносила ему популярности и даже мешала выполнению миссии духовно-нравственного воспитания и попечительства.

Такая ситуация, возможно, парадоксальна, но она

вписывается в логику вещей. Подчинение духовенства государству и использование церковных кадров в административных целях стимулировало личную инициативу, усилило частную религиозную жизнь и привело к поискам мистической религиозности и пиетизму вне рамок официальной Церкви. Все эти вещи глубоко повлияли на культурную жизнь верхов и позднее несомненно привели к этическому народничеству и ощущению духовно-нравственного долга перед народом, которые предшествовали формированию русской интеллигенции в первой половине XIX века и вошли в ее плоть и кровь.

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ

Политика активного вмешательства петровского государства в организацию общества имела и другие последствия. Во-первых, резко возросло число чиновников и государственных уполномоченных. Во-вторых, экономические и административные органы правительства постепенно проникли во все концы империи и во все сферы деятельности. Кроме того, была учреждена система налоговых и административных органов, и пришлось привлечь отдельных лиц, а также коллективы к роли сборщиков налогов и государственных поставщиков. Так новые круги включились в деятельность и политику правительства, но, следует подчеркнуть, частным образом — они брали это под свою личную ответственность. По правде говоря, эта система привела к парадоксальной ситуации. Становление регулярного государства требовало импульса и управления из центра, что и было сделано Петром Великим. Однако один человек не мог привести в действие, координировать и контролировать все аспекты общественной и экономической жизни такой

огромной страны, как Россия. Для этого, как и в монархиях Западной и Центральной Европы, понадобился государственный аппарат: учреждения со строгой иерархией, способные проводить в жизнь и применять на практике центральную политику. Кроме того, чтобы преобразования страны шли в избранном направлении, было важно поставить и точно сформулировать конкретные цели, а из этого следовала необходимость логики и дисциплины во всей деятельности и ее координации. Это не могло быть делом одного, пусть даже могучего и гениального, человека.

Сознавая это, Петр I учредил Сенат, центральный орган планирования и координирования, который должен был также воплощать логику и дух политической системы Империи. Однако уже при жизни Петра Сенат действовал не так, как тот предусматривал, - большей частью из-за сильной личности и пылкого динамизма самого Петра. После его смерти дела, естественно, пошли еще хуже. Сенат совершенно перестал выполнять функцию положительного планирования и координации, каждая из его коллегий преследовала свои цели и свои собственные интересы, что привело к беспорядку и шатанию, которые царили даже на уровне органов центрального правительства. Верховный тайный совет, созданный в 1727 году, мог бы и даже в некоторой степени сумел стать преемником петровского Сената. Но он действовал плохо: его обременяли слишком многочисленные мелочи и текущие дела, требовавшие немедленного решения и отнимавшие всякую возможность разработать последовательную программу и определить цели надолго вперед. Кроме того, он быстро стал игрушкой в руках борющихся политических группировок и получал колотушки со всех сторон. Во время кризиса престолонаследия в 1730 году он окончил свое существование.

После того как Верховный тайный совет перестал существовать, взамен его, хотя и не сразу (в 1731 году), был создан кабинет министров. Однако он не смог навязать свое политическое первенство - в действительности, долгосрочная политика настолько, насколько она существовала в правление Анны Иоанновны, формировалась личными советниками императрицы, которых прозвали "немецкими временщиками" (самым влиятельным из них был Густав Бирон, герцог Курляндский). После Анны Иоанновны, кажется, ни один государь или государыня не заботились о том, чтобы восстановить орган верховного правления и координации. Даже Сенату не была поручена эта роль в правление Елизаветы, вопреки обещаниям, которые она дала в момент прихода к власти. Лишь в последние десятилетия правления Екатерины II, когда она соединила свою энергию с талантом своего высшего сановника А. А. Вяземского, появился некий орган координации - сенатская канцелярия. Но вся политика Екатерины II была проникнута прагматизмом; если у нее и были пожелания к созданию общего долгосрочного плана, то она от них отказалась. Это, правда, не помешало ей преследовать некоторые туманные и отдаленные цели и применять на практике некоторые общие понятия, к которым мы еще вернемся.

Здесь необходимо напомнить, что сам характер самодержавного правления, заинтересованность самодержца в сохранении своей верховной единоличной власти, как ничто другое, мешали созданию центрального правительственного учреждения. Лица из окружения государя, как занимавшие официальные должности, так и не занимавшие их, разнообразные группировки - все были заинтересованы в том, чтобы сохранить нерушимой

личную власть самодержца и не допустить создания постоянного учреждения, задачей которого было бы согласовывать и упорядочивать ("бюрократизировать") политическую и административную деятельность империи. Только отсутствие такого учреждения обеспечивало им свободу действий в их стремлениях удержаться у власти и оказать то или иное влияние в качестве временщиков государя. Нет ничего удивительного в том, что радиус деятельности государя и коллегий не выходил за пределы столицы и обрывался за ее стенами.

Администрация не обладала ни многоступенчатым контролем, ни эффективными средствами согласования своих действий и разрешения конфликтов, неизбежно возникающих из-за разделения сфер полномочий. Это привело к двойным последствиям. С одной стороны, не хватало администрации на местном уровне, и невозможно было регулировать отношения и разрешать конфликты между частными лицами и различными группами. Глубокое чувство личной и материальной незащищенности нарастало среди прямых подданных императора (т. е., видимо, за исключением крестьянской среды), особенно среди тех, кто должен был управлять своими имениями и поддерживать свой социальный ранг. С другой стороны, административные и судебные полномочия были весьма нечеткими, что оставляло на местах широкое поле деятельности для частной инициативы и неофициальных корпоративных организаций. Это было особенно верно в случае крепостных крестьян и имений служилого дворянства, которые практически не подвергались контролю государственной администрации (за исключением особо серьезных беспорядков). Это позволило помещикам превратить своих крепостных крестьян практически в рабов, в то время как сельские общины, как это ни парадоксально, продолжали пользоваться очень большой

автономией вследствие почти постоянного отсутствия владельцев, находящихся на службе.

Однако, во избежание всяческих недоразумений, следует подчеркнуть, что правительственный аппарат был достаточно силен, его присутствие - достаточно ощутимо, чтобы помешать созданию объединений, корпораций и юридических лиц, обладающих строго определенными правами и привилегиями и способных соперничать с властью государя и его центрального аппарата. Таким образом, не возникла автономная прослойка, которая была одним из главных вспомогательных механизмов регулярного государства в Центральной и Западной Европе. Русское общество по-прежнему было раздробленным, поэтому оставалось поле деятельности для частного предпринимательства в некоторых областях культурной и экономической жизни. Короче говоря, петровская система была сконцентрирована в центральном ядре, обладавшем монополией власти, но это ядро не сумело передать часть своих полномочий нижестоящим учреждениям и эффективно согласовать их деятельность, рамки которой оставались неясными и тесными. Все это в целом напоминало редкую, дырявую сеть, пытавшуюся удержать в своих ячейках раздробленное общество, в котором несколько человек - благодаря ли их богатству, влиянию при дворе и в центральных учреждениях или их собственной деятельности, допускаемой государством, - играли значительную роль, не пользуясь при этом защитой цельной системы законов и исправно действующей сети независимых учреждений и корпораций.

Отсюда вытекает фундаментальный парадокс, значение которого будет нарастать в течение XVIII века и станет решающим в XIX-м. Желая стимулировать развитие производства и организовать все под своим контролем, правительство непрестанно поощряло частную

инициативу некоторого числа людей. И действительно, политика государства нуждалась в участии энергичных, предприимчивых личностей, без которых ни военные поставки, ни школы, ни сбор налогов, ни развитие торговли и промышленности - ничто не было бы возможно. Таковую творческую энергию проявило, прежде всего, служилое дворянство - оно попросту было принуждено к этому государством. Нам известны так до конца и не удавшиеся попытки Петра Великого (и некоторых его преемников, например, Елизаветы, следовавшей предложениям П. Шувалова) включить дворянство в торгово-промышленную деятельность¹. Как мы отмечали, было две главных причины безуспешности таких попыток: с одной стороны, дворянство не располагало необходимыми материальными ресурсами (капиталом и рабочей силой); с другой - оно было совершенно не подготовлено к этой роли, будучи поглощено исключительно государственной службой, которая, вдобавок, отдаляла дворян от их поместий и горно-промышленных центров. В таких условиях трудно удивляться, что оно не заботилось о доходах надолго вперед, так как его единственной заботой была сиюминутная выгода, которую приносили им милости государя и чрезвычайные награды за службу.

Частную инициативу проявляли, в основном люди, не принадлежащие к дворянству: разночинцы и инородцы, включавшиеся в начатую или организуемую государством деятельность, целью которой было оптимальное развитие ресурсов и материального и культурного потенциала страны. К сожалению, эта сторона дела еще систематически не изучалась, хотя документации для этого достаточно. Однако те отрывочные сведения и намеки, которые можно обнаружить в уже опубликованных документах, позволяют составить картину того, чем была эта деятельность на местном и частном уровне.

Так, например, купцы, мещане и даже крестьяне поставляли сырье и продовольствие, необходимое для армии, двора, для постройки городов и для крупных общественных работ. Так образовалась сеть обмена (не назову это рынком в том смысле слова, который так дорог марксистам), раскинувшаяся по всей империи. В эту сеть включалось также инородческое население. Армяне во все времена играли важную роль в обмене между областями Кавказа (и Закавказья) и собственно Московским государством. Эта роль не только не кончилась, но даже возросла вследствие военных кампаний Петра I и его наследников против Персии, Турции, мятежных казаков (например, казаков Булавина и астраханских казаков) и степных киргизов. Все более активное участие принимали в этом украинцы, так как путь русской армии к театру военных действий против Турции и Польши пролегал через Украину. Успешная интеграция украинского общества и экономики вывела украинских предпринимателей, купцов и поставщиков на экономическую орбиту Центральной России и всей Империи. Наконец, в Прибалтике купцы, ремесленники и поставщики приняли активное участие в обмене с Империей, тем более динамичное, что Рига оставалась главным портом России вплоть до конца XVIII века.

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ

Вся эта деятельность привела к повышению мобильности: прежде всего, мобильности материального обмена - росту как торговли, так и оживившихся крупных перевозок сырья и готовых изделий на большие расстояния. Надо отметить, что возросла и внешняя торговля: ввозились не только "промышленные" изделия, необходи-

мые для военно-морских и сухопутных сил, но и, все чаще, предметы роскоши, спрос на которые рос при дворе и в богатых жилищах высшего общества - как в столицах, так и в провинции. Отмена внутренних пошлин при Елизавете (1754), утвержденная Екатериной II в 1762 году, была официальным признанием роста материальной мобильности внутри империи и содействовала ей.

Рост деятельности торговой сети и экономической динамики всей империи в первой половине XVIII века - факт общеизвестный и хорошо изученный. Незаметной прошла, напротив, возросшая мобильность людей, неразрывно связанная с этим явлением. Для составления полной картины необходимо детальное, конкретное исследование, а пока что придется довольствоваться описанием в общих чертах. Перед нами предстает парадоксальная картина одновременного нарастания социальной мобильности и усиления крепостничества. Надо раз и навсегда запомнить: составляя подавляющее большинство населения империи, не все крепостные были ввержены в настоящее рабство и осуждены на ужасающую нищету; далеко не всегда они были закреплены за поместьями и подчинены жестоким капризам их хозяев. "Система" крепостничества (первая - и, кстати, неверная - картина, которая встает перед глазами) не была ни достаточно последовательной, ни достаточно методичной, что оставляло немалую возможность для неофициальных отношений и для нерадивости помещиков и позволяло обыгрывать неточность законов и правовых предписаний, не говоря уже о взяточничестве и нелегальных побегах. Требования государства и служилых дворян-землевладельцев, а также необходимость материального обмена вызвали перемещение людей по стране, втянувшее в себя крепостных и государственных крестьян, горожан и другие категории и подклассы общества.

Прежде других этим феноменом были захвачены высшие классы общества. В дальние поездки пускались не только купцы, число которых росло и которые нанимали к себе на службу людей, вышедших из рядов крестьянства и мелкого деревенского ремесленничества (например, для поставки и перевозок зерна и прочего продовольствия, необходимого для снабжения новой столицы, у которой нет своего сельскохозяйственного Hinterland'a). Вспомним также все растущее число служилых дворян, которых переводили из одного полка в другой, из того гарнизона в этот, рассылали с чрезвычайными поручениями во все концы страны. К этому прибавляется мобильность тех же самых служилых людей во время их перевода с военной службы на административно-гражданскую и vice versa, не говоря уже об их переездах, когда они удалялись в свои имения в длительный отпуск или при выходе в отставку. Наконец, всё более многочисленные служилые дворяне устраивались в городах или при гарнизонах, чтобы участвовать в более напряженной культурной жизни, по крайней мере, в течение долгой зимы.

Мобильность служилых людей сильно способствовала проявлению у них чувства потерянности, отрыва от народа, от глубинной России, потери корней, короче говоря, их отчуждению. С другой стороны, они соприкоснулись с самыми различными кругами и осознали разнообразие форм жизни и проявлений культуры в империи. Вступая в обогащающие контакты с разными людьми, они проявляли бóльшую гибкость и непринужденность в обществе. Наконец, эта подвижность создала фундаментально важную культурную однородность русских служилых верхов: находясь повсюду в знакомой среде, они чувствовали себя как рыба в воде; все они располагали одной и той же первичной культурой, одним и тем же опытом, в своем кругу держались непринужденно. И

наконец - что в высшей степени важно и о чем часто забывают - русские верхи легко принимали в свои ряды знатных иностранцев (или ассимилировавшихся инородцев империи) при единственном условии - при их готовности разделить то же самое образование и ту же самую культуру и говорить на том же самом языке как в прямом, так и в переносном смысле.

Растущая мобильность захватила не только высшие слои общества, но и множество лиц, принадлежащих к низшим классам и слоям населения. Отметим прежде всего крепостных, которые ездили (иногда часто, надолго и на дальние расстояния), чтобы отвезти в преддверии зимы своим хозяевам, живущим в столицах или при гарнизонах, продукты из их поместий. К этим продуктам, в основном продовольственным, иногда прибавлялись изделия местных ремесленников, предназначенные на удовлетворение нужд хозяина или на продажу в городе. Часть этих товаров и продовольствия несомненно приносила доход перевозчику или каким-то жителям соседних деревень. Другую группу составляли крепостные слуги, которых хозяин вызывал для того, чтобы они изготавливали домашнюю утварь или предметы роскоши, необходимые для его городского жилища. К этой категории принадлежала и прислуга, иногда многочисленная, которая набиралась в деревнях и поместьях. Жизнь придворных и знатных вельмож была поставлена на широкую ногу, что приводило к постоянным переездам из города в деревню и обратно. Прислуга и ремесленники при этом вступали в контакт с жизнью высшего света, изучали новую, в том числе иностранную технику изготовления и применения предметов потребления и роскоши. Во время своего пребывания в городе некоторые крепостные вели торговлю на свой счет (слабое развитие чисто городского ремесленничества и мелкой городской бур-

жуазии - результат конкуренции с крестьянами). Последствия этих сложных и многочисленных передвижений для развития современной русской культуры и для проникновения культуры верхов в народные слои еще предстоит внимательно изучить, уточняя хронологические рамки этого явления. Надо отметить также, хотя мы и не располагаем информацией, необходимой для составления подробной картины, большие передвижения войск. Как военные кампании, так и передвижение полков, посланных на операции по поддержанию внутренней безопасности и порядка, не были простым перемещением солдат и офицеров из одной области Империи в другую. Они требовали большого числа транспортных средств, перемещения целого вспомогательного персонала сопровождающих и проводников, которых нанимали, а при нужде и мобилизовали силой среди крестьян, принуждая их уезжать далеко и долго отсутствовать, прежде чем им разрешали вернуться в родную деревню.

Наконец, надо учитывать передвижение - за редкими исключениями, индивидуальное - инородцев в сторону центральных областей империи (а иногда колонизация пограничных районов населением, набранным в центральных областях). Так, например, множество украинцев переселились в Центральную Россию, особенно в столицы, в поисках богатства и карьеры в административной и культурной жизни. Поражает большое число украинцев на второстепенных постах имперской бюрократии, особенно в правление Елизаветы, когда их продвижение было быстрым благодаря покровительству братьев Разумовских, фаворитов императрицы. Это движение не остановилось после прихода к власти Екатерины II - как мы уже отметили, походная канцелярия Румянцева на Украине поставила значительное число высших чиновников, среди которых особо себя проявили украинцы - например,

Безбородко и Завадовский. Они, в свою очередь, облегчили продвижение своих соотечественников. Добавим, что у украинцев было преимущество в силу близости их языка и религии; кроме того, большинство из них получило в многочисленных церковных и частных школах более тщательное общее образование, чем рядовые русские дворяне. Эта межобластная и межэтническая мобильность еще не изучена.

В это движение с окраин к центру надо включить прибалтийских (остзейских) немцев - еще один контингент иностранцев, который принес свою культуру и свой язык и этим расширил кругозор своих русских коллег. В тот контингент, который в XVIII веке полностью состоял из дворян или высшей городской буржуазии, можно включить иностранцев, которых призывали в Россию или которые сами приезжали в "Империю царей" в поисках счастья. Среди этих более или менее однородных социальных групп на первом месте стоят немецкие академики (ученые и техники), почти целиком составившие первый профессорский корпус факультетов Академии наук и Московского университета. В конце века их ряды пополнили изгнанные из своих стран революционными событиями французские и прочие эмигранты. Несмотря на то, что многие из них остались в России навсегда, их влияние и вклад в русскую жизнь были поверхностны. Причиной тому - уже определившийся профиль русской культуры и ее достаточная укорененность. Они смогли внести некоторый вклад, но не играли прямой роли - не строили, не моделировали русскую жизнь, как это делали их немецкие предшественники в начале и середине XVIII века.

Чтобы дополнить этот перечень, мы должны напомнить о государственно поощряемом переселении в некоторые области Империи иностранных земледельцев, например,

так называемых сербов (то есть славян областей, граничащих с империей Габсбургов), переселившихся на Украину в царствование Елизаветы; немцев, переселенных на Волгу Екатериной II, а также групп различного происхождения (греки, грузины, евреи, польские старообрядцы), которых Потемкин, будучи наместником Новороссии, переселил на Южную Украину и берега Черного моря.

Этот рост мобильности, который мы описали, касался только особых групп и лиц и зачастую только временно. За исключением сельскохозяйственных переселенцев, были затронуты лишь элементы, способные принять новую культуру верхов, навязываемую государством европеизацию, лишь те, кто выполнял важные функции при дворе, в гарнизонных городах или принадлежал к военной и административной верхушке губернских городов и крупных землевладений. Отсюда проистекала напряженность на двух уровнях: с одной стороны, она затрагивала служилое дворянство; с другой - национальную культуру русского простого народа.

Мобильность дворянства, вызванная новым типом государственной службы, привела к разрушению или, по крайней мере, к ослаблению связи дворян с поместьями, родными местами, соседями и родственниками. Дворянство обычно было призвано жить в городах или при гарнизонах, где оно верховодило культурной жизнью; сами обстоятельства заставили его европеизироваться и прямо, активно включиться в европейскую культуру. Из-за этого служилое дворянство запусало свои имения и, как мы это отметили, свои экономические интересы - постольку, поскольку они зависели от неусыпного управления помещичьим хозяйством. За немногими исключениями (которые в большинстве случаев являлись следствием полученных за службу привилегий),

экономический рост и прогресс благосостояния огромного большинства дворян замедлился. Можно сказать, что этот класс обеднел, тем более что, несмотря на все усилия, предпринятые в этом направлении Петром I, практика справедливого раздела наследства между наследниками продолжала существовать. Класс дворян-землевладельцев переживал экономический застой. Но с тех пор как опубликованы прекрасные работы Микаэля Конфино, по этому поводу уже ничего нового не прибавишь². Кстати, надо отметить, что исследования (в основном, советские), где придавалось большое значение расширению крепостного права и подчеркивалась его растущая рентабельность, касаются главным образом второй половины, даже последней четверти XVIII века и опираются на новые условия, возникшие в связи с интенсивной эксплуатацией юга Украины. В любом случае, из-за своего ли постоянного отсутствия, ассимиляции чужеземной культуры или из-за своей бедности, но служилое дворянство - класс помещиков - все больше и больше отъединялось от народной культуры и утрачивало связь со старинными традициями духовной и материальной жизни страны. Тех, кто этой связи не утратил, обвиняли в отсталости и неотесанности; они стали объектом для насмешек и козлом отпущения в сатирических произведениях рождающейся новой русской литературы. Они стали символом всего варварского и отсталого по сравнению с западной цивилизацией, на полную и равноправную принадлежность к которой претендовали образованные правящие верхи империи.

ИЗОЛЯЦИЯ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

Обратной стороной медали была изоляция простонародной культуры. Она не исчезла, но оказалась в стороне от жизненных, движущих, творческих сил; замкнувшись в изоляционизме, подозрительно встречающем все иностранные новшества, она застыла, окаменела. Главная ответственность за это принадлежит старообрядцам - именно они придали традиционной народной культуре ее недвижимый, консервативный характер. Действительно, они составляли самый образованный (в московских религиозных традициях) слой простонародья; кроме того, преданность своим верованиям и обрядам, уважение старых церковных ритуалов и обычаев лучше, чем всех остальных, подготовили их к сопротивлению попыткам обращения, проводимым официальной Церковью. Староверы сохранили от XVII века стиль и технику иконописи и миниатюр, иллюстрирующих Священное Писание, убранство церквей. В своей изоляции они сохранили традиционные народные мелодии, образы, язык и поэзию (или в случае необходимости создавали новые в том же духе). Не всякая допромышленная народная культура консервативна, отказывается развиваться и принимать нововведения. Русскую народную культуру сделали особенно недвижимой старообрядцы, они способствовали сохранению ее традиционных форм и содержания вплоть до второй половины XIX века. Как это хорошо показал В. Тетерятников, когда старообрядцы и крестьяне стали наконец принимать участие в жизни Империи (в том числе в ремесле и промышленности) ради удовлетворения нужд потребителя из народа, когда, в свою очередь, верхи проявили любопытство и влечение к "национальным" традициям - в мире старообряд-

чества было почерпнуто много образцов для подражания³.

Эта сознательная, добровольная, упорная самоизоляция народной культуры, находившейся во власти старообрядчества, породила "две нации", два мира с различными культурами, между которыми почти не было взаимопроникновения, даже если их жители повседневно соприкасались друг с другом и поддерживали постоянные отношения.

Несмотря на то, что этот вопрос еще не достаточно изучен, мы должны сделать принципиальное замечание. Не надо упускать из виду, что разрыв между народом и верхами был относительным и постепенно уменьшался по мере того, как современная русская культура проникала в провинциальные круги в течение XVIII века. Но еще в первой половине этого века были пробиты бреши в "великой стене", которая отделяла принимавшие западный образ жизни верхи от народных масс. Как бы парадоксально это на первый взгляд ни казалось, пробиты они были благодаря крепостному праву. Растущая потребность провинциальных дворян жить по-европейски заставила их использовать крепостных - бесплатную, "барщинную" рабочую силу, - чтобы окружить себя предметами обихода западного типа и создать тот европейский образ жизни, к которому они стремились. Крепостным для этого приходилось научиться новым для себя вещам. Самые богатые и самые предприимчивые дворяне отдавали своих крепостных в обучение к иностранцам или европеизированным русским ремесленникам. Молодых крестьян разлучали с семьей и родной деревней и отправляли в город для обучения у ремесленников или художников, а затем брали слугами в дома крупной аристократии. Некоторые из них проявили большие таланты в различных областях ремесла и даже искусства,

нам известны некоторые исключительные случаи художников, декораторов, музыкантов, актеров или танцовщиков, вышедших из крепостных крестьян и прославившихся на всю страну. Они не только принесли славу своим владельцам, но и стали украшением жизни светского общества в столицах и в провинции. Нет нужды подчеркивать, сколько унижений и травм как в психологическом, так и в социальном плане приносила жизнь крепостного художника - это широко освещено "аболиционистской" литературой, народническими и либеральными романами, повестями и поэмами конца XVIII - начала XIX веков. Литературные описания подтверждаются автобиографическими свидетельствами и мемуарами, где открывается ужасающее существование этих несчастных крестьян, вырванных из своего мира, ввергнутых в "современную", "освобожденную" культурно-социальную среду, чтобы зачастую оказаться вновь отброшенными на дно психологической и материальной нищеты крепостного состояния. Многие из них, не в силах вынести такие муки, кончали самоубийством. Но, какое бы сострадание и возмущение ни вызывал этот аспект их существования, не на него я хочу обратить здесь внимание. Важно, что эта деятельность прямо столкнула представителей народа с новой культурой и образом жизни на западный образец. Через ремесленников и художников крепостного происхождения деревня знакомилась с новыми обычаями и вкусами, новые нормы становились для многих крестьян образцом для подражания, способом выставить себя в выгодном свете перед господами и перед другими крестьянами. Косвенно, зачастую невольно, но часть крестьянского населения приняла новую культуру, особенно в Москве и ее окрестностях, где находилось большинство поместий и усадеб богатого придворного и служилого дворянства.

Другим, тоже весьма мало изученным аспектом того же явления было влияние солдат и их семей по возвращении со службы. По правде говоря, в XVIII веке их число было невелико: военная служба была практически пожизненной, мало кто возвращался в родную деревню. После столь долгого отсутствия большинство солдат теряли всякие связи с ней и наверняка не горели желанием вернуться. Но мы знаем, что были такие случаи, которые, к тому же, участились во второй половине XVIII - начале XIX веков, когда ветераны возвращались в свои деревни. Было бы интересно узнать, произвел ли на них глубокое впечатление опыт, который они получили в больших городах, на службе "модернизированного" военного аппарата, а то и во время военных кампаний в чужих странах; изменил ли он их умонастроение и материальные навыки, так что они могли передать происшедшие с ними перемены друзьям и родным, оставшимся в деревне. Возможность такого влияния нельзя исключить а priori; пока о русской армии не проведено столь подробного исследования, как труд Корвизье (Corvisier) о французской армии, будем довольствоваться гипотезой - не лишенной основания, судя по весьма еще отрывочной документации, - согласно которой ветераны и инвалиды принесли в деревни, где протекали годы их отставки, прямой опыт общения с культурой верхов общества и знание западных материальных новшеств, приобретенные ими за время солдатской службы.

Короче говоря, последствия контактов народной культуры с культурой верхов не проявились открыто до конца XVIII века, но они стали необходимым прологом к культурной жизни и отношениям между светским обществом и народом в XIX веке. Без этого предварительного взаимообмена, в общем довольно зачаточного, не возникло бы нравственное и политическое (или соци-

альное) народничество. Трудно себе представить, чтобы верхи общества до такой степени прониклись народной судьбой, если бы до этого у них не было серьезных отношений и контактов с народом. В конце концов, русские крестьяне и крепостные не были на положении чернокожих рабов, и пропасть между крепостными и помещиками никогда не была столь глубокой, как между рабовладельцами и неграми-рабами в южных штатах США до гражданской войны. Доказательством служит тот факт, что, когда крестьяне (или, по крайней мере, некоторые из них) в какой-то степени включились после 1861 года в общественную жизнь страны, культура светского общества и особенно литература оказалась им доступной. Научившись читать и писать, русский крестьянин был в состоянии оценить произведения классической русской литературы своего времени. Этим объясняется и относительно высокий уровень литературной культуры простого народа как до 1917 года, так и в Советской России, как то показал опыт революционных пропагандистов среди рабочих и крестьян накануне Первой мировой войны.

ОЩУЩЕНИЕ НЕУСТОЙЧИВОСТИ

Не приходится удивляться, что в период между смертью Петра I и укреплением власти Екатерины II господствовало сильное ощущение неустойчивости, по-разному проявлявшееся в разных слоях русского населения. Прежде всего - неустойчивость экономическая. Бедность служилых людей - шляхты или дворянства - неизбежно вытекала из их инертности, из их неспособности удовлетворять свои растущие потребности в области культуры, образования и европеизации. При скромных доходах

с маленьких поместий, при ничтожных излишках сельскохозяйственной, особенно зерновой, продукции, их крепостные крестьяне оказывались недостаточным источником удовлетворения их нужд. Аркадий Каган рассчитал, что требовалось не менее ста душ (т. е. мужчин-крепостных), чтобы покрыть расходы на образование одного дворянина и на скромный "европейский" образ жизни⁴. Однако в эту категорию входило не больше 10-15% служилых людей, включая очень богатых вельмож. Даже в правление Анны и Елизаветы, когда условия стали легче, большинство дворян было вынуждено целиком посвящать себя государственной службе, что мешало им серьезно заниматься своими материальными интересами и заботиться о своих имениях. Принудительная зависимость от государства, с одной стороны, и материальная стесненность - с другой, не позволяли служилому классу ловить возможности продвижения и вести столь привлекавший их западный образ жизни. Это неизбежно приводило к недовольству, тревоге и ощущению неустойчивости.

По причинам, прямо связанным с тем, о чем сказано выше, особенно частыми и бурными были конфликты вокруг земель и наследства, что дополнительно усиливало ощущение неустойчивости.

Большинство землевладельцев, находившихся в отъезде или занятых службой, были во власти алчных соседей - тех, кто был побогаче или мог заручиться покровительством местных либо центральных властей. Обычай наследования, по которым требовался справедливый раздел земель между всеми наследниками, прибавляли лишние мотивы для конфликтов. Отсутствие владельцев (представленных женами или деревенскими старостами) и распри вокруг наследства приводили к острым судебным процессам, которые слишком часто сопро-

вождались насильственными действиями со стороны соседей или наследников, уверенных в своей силе или же безнаказанности, которую им обеспечивали покровители и чиновники, подкупаемые с помощью взяток или других форм коррупции. Система законов не предоставляла эффективной защиты: в ней не хватало гражданского кодекса; еще действовавшее Уложение царя Алексея Михайловича большей частью устарело вследствие преобразований Петра I. Судебная администрация, особенно на местном уровне, представляла собой самую слабую, наименее развитую ветвь устройства империи.

К тому же, традиция лично воплощаемой власти помешала бы справедливому применению прочных, зафиксированных юридических норм, даже если бы таковые существовали, пусть хотя бы в форме обычного права. Личное воплощение власти и устойчиво зафиксированная судебная процедура были несовместимы; стороны спора предпочитали разрешать свои конфликты, обращаясь к лицам, стоящим у власти, через голову официальных судебных инстанций. Это, само собой разумеется, благоприятствовало тем, кто умел ловчить или обладал высокими связями в *establishment*'е и при дворе. Наконец, и это фактор первостепенного значения, любой спор мог быть вынесен на суд государя и им решен. Вне зависимости от писаных законов, их толкования или обычаев, последнее слово принадлежало императору или императрице. В конечном счете, при любой тяжбе существовала доля неопределенности, зависящая от каприза, доброй воли (а то и настроения) не только низших чиновников, но и самого государя, и одни лишь временщики и любимцы государя могли управлять его настроениями и извлекать из них выгоду. Все это могло лишь усиливать глубокое ощущение правовой незащищенности и уязвимости верхов.

Физическая незащищенность была не меньшей. Было почти невозможно оградить себя от насильственных действий могущественных или бессовестных соседей либо подать на них жалобу⁵. Никто не был огражден от произвола административных и политических властей, угрожавшего как личной свободе, так и достоянию. Само собой разумеется, эта угроза была особенно весомой для маленьких людей: провинциальных служилых людей, мелких помещиков, обедневших дворян, зажиточных горожан из простонародья, - весомее, чем для лиц, занимавших официальные посты при дворе и в правительстве. Но и они не были ограждены от этого. Как в Советском Союзе, видное общественно-политическое положение притягивало удары судьбы сильнее, нежели подчиненное положение большинства служилых людей.

Mutatis mutandis эти замечания относятся и к посадским (горожанам скромного положения), и к купцам, и к предприимчивым крестьянам. Они не пользовались даже видимостью мало-мальски эффективной правовой и административной защиты. Только взятки давали им иногда возможность получить удовлетворение в случае конфликта или ущерба, нанесенного завистливыми конкурентами и сильными мира сего. Больше, чем кто-либо другой, жертвами таких притеснений становились купцы-староверы, особенно в правление ханжи Елизаветы, которая силой пыталась обратить их в православие. Так как в городах, в торговых кругах, они были самой энергичной, самой инициативной группой русского народного хозяйства (в частности, в торговле сельскохозяйственными продуктами, торговле с Сибирью, ремесле), их неустойчивое положение серьезно отражалось на развитии потенциала Империи.

Ко всему этому прибавлялась неустойчивость, истекающая из административного произвола. Деятель-

ность центральных учреждений, созданных Петром I, более или менее успешно управлялась Генеральным регламентом. Иначе обстояло дело с органами местной администрации, сеть которых была недостаточно густой и которые, можно сказать, ускользали от всякого контроля за отсутствием предназначенных для этого учреждений. Все было в руках местных самодуров, этих мелких чиновников, зависящих от столичного начальника и дрожащих перед малейшей богатой и влиятельной шишкой. Нормы административной деятельности, понятия законности и правовой защиты почти не проникали на местный уровень, а уж если проникали, то самым фантастическим и искаженным образом. Произвол местных администраторов и личная власть влиятельных фигур перевешивали любое предписание и любой закон. Человек зависел не от учреждений, а от людей и их произвола. Чем дальше от Москвы и Санкт-Петербурга, тем меньше чувствовалась центральная власть, на окраинах и в Сибири ее практически не существовало.

Однако даже самое ядро системы не устоялось окончательно: административные органы не стали институтами государства - как мы уже отмечали выше, до этого было еще далеко. Система была в полной власти монарха, а то и его временщиков. Правление временщиков, главным образом в царствования Анны и Елизаветы, не говоря о периодах несовершеннолетия Петра II и Иоанна Антоновича, упрочило роль личной власти, единственного предержателя власти в Империи. Как мы уже упомянули, благодаря этому факту группировки, объединенные узами родства и обоюдными услугами, держали в руках государственный аппарат, как боярские роды в старые времена. Режимам, во главе которых стоят клики и временщики, присущи неопределенность, неустойчивость и отсутствие безопасности. Падение временщика

ввергало в опалу всех, кто пользовался его покровительством, весь его клан и всех, к нему присоединившихся. Но в России XVIII века (как и везде в подобных обстоятельствах) опале временщика сопутствовала конфискация его имущества и имущества его присных, а затем раздача этого имущества. Опала угрожала самим временщикам, иногда прямо их существованию (так было с Меншиковым, Бироном, Минихом или Волынским), в некоторых случаях приводила к тюремному заключению. В масштабах того времени - не забывая о редкости таких случаев и о присущих XVIII веку условиях - проводились настоящие чистки, которые травмировали правящие верхи так же, как много времени спустя - сталинские чистки. Как это хорошо отмечено Брендой Мизн-Уотерс, психологические последствия процедуры конфискации и политических процессов во многом напоминают те, что были испытаны в Советском Союзе⁶.

КРИЗИС 1730 ГОДА

Кризис 1730 года выявил как основной парадокс унаследованной от Петра политической системы, так и трудности, которые испытывала в его устранении правящая верхушка. Фактическая сторона событий хорошо известна, хотя, как показали недавние архивные, иногда безрезультатные, исследования, не все еще ясно. Однако надо еще раз отметить центральное событие кризиса престолонаследия 1730 года: массовый отпор большинства служилых людей, на который натолкнулось предложение ограничить прерогативы монарха, сделанное Д. М. Голицыным от имени Верховного тайного совета. Многочисленные служилые люди, приехавшие в Москву, чтобы присутствовать при бракосочетании

Петра II (не состоявшемся из-за его внезапной смерти), и оставшиеся, чтобы присутствовать при коронации его наследника, предпочитали личную самодержавную власть, а не учреждение правящего органа или власть ограниченной верхушки, даже если в долгосрочной перспективе это гарантировало бы бóльшую безопасность массе слуг государства. Избранная императрицей племянница Петра I Анна Иоанновна смогла, таким образом, сохранить нетронутой свою личную самодержавную власть и передать ее в руки иностранных временщиков, произвол и тирания которых гнетом легли на русские служилые верхи.

Кризис вскрыл наличие соперничества или конфликта между двумя взаимно противоречивыми концепциями правомерного источника высшей власти в России: с одной стороны, концепция абсолютной личной власти государя и его уполномоченных, с другой - концепция просвещенного абсолютизма, основанного на власти устойчивых автономных учреждений и правил (или уставов). Аналогичный конфликт вновь возник в правление Петра III и облегчил государственный переворот Екатерины II. Петр III попытался навязать свой личный режим. Его поддерживала группировка его приближенных и их приспешников (многие из которых, ко всему прочему, были иностранцами - немецкого или гольштинского происхождения; сам Петр III был герцогом Гольштинским). Режим обещал быть особенно переменчивым и склонным к карательной политике. Екатерине II удалось свергнуть его, сделав вид, что она охраняет (или возвращает) законную власть Сената - этого детища Петра I, - который всегда был средоточием сопротивления господству временщиков и клик. Политический гений Екатерины II состоял в том, что она не отреклась от открыто провозглашенной цели своего государственного переворота

и любой ценой сохраняла видимость регулярной, более или менее автономной деятельности крупных центральных государственных учреждений, которые служили ей для отвода глаз. Ее многочисленные любимцы, за немногими исключениями, играли роль лишь в ее личной жизни. Только Орлов и Потемкин (если не говорить о Платоне Зубове, ее любовнике на старости лет) сыграли политическую роль, да и то она заключалась в выполнении институционализированных функций в рамках учреждений, данных им в управление. Как мы увидим дальше, Екатерина II собиралась поставить Сенат во главе упорядоченной администрации и создать параллельную систему корпоративных органов дворянства и городских верхов.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НЕУСТОЙЧИВОСТЬ

В заключение мы должны затронуть вопрос психологической и культурной неустойчивости, некоторые аспекты которой мы уже рассмотрели. Для верхушки, то есть для служилого и придворного дворянства, психологическая неустойчивость проистекала из проблемы его культурного самосознания: должно ли оно быть русским (то есть московским) или европейским? Пока этот вопрос не был решен, русские дворяне колебались в выборе между двумя мирами, двумя системами ценностей, и отсюда вытекала психологическая неустойчивость и умственный разброд. Эта постоянная разорванность травмировала умных, культурных и просвещенных людей, которые сознавали, что московская эпоха окончилась раз и навсегда. Даже переняв западные привычки, понятия и ценности, они не переставали чувствовать свое отличие от европейцев, чувствовать себя русскими,

хотя бы в силу своей религии. Князь М. М. Щербатов, так же как его предшественник В. Н. Татищев и его современник историк И. Болтин, выражает это характерное чувство в своих трудах и полемических выступлениях. Эта психологическая разорванность, раздвоенность между разными культурными мирами вновь и вновь возникает как предмет в дискуссиях, характеризовавших интеллектуальную жизнь времен Екатерины II. Она нашла свое литературное выражение в сатирических журналах Н. И. Новикова и комедиях Д. И. Фонвизина.

Лишенный своего традиционного охранительного контекста, теряясь в непривычной культурной среде, народ испытывал смятение перед лицом этой власти, которая приняла привозные, чужеземные формы. Зависая от иностранных норм (иногда прямо от иностранцев), ничем не связанных с московскими традициями, которые по-прежнему оставались его традициями, народ чувствовал на себе тяжесть особенно жестокого, незаконного и враждебного ярма. Это чувство незащитности было порождено не столько бременем крепостного права, налогов и рекрутского набора (каким бы оно ни было тяжелым при довольно примитивной экономической системе), сколько именно этим психологическим смятением. Оно, в свою очередь, вызвало ряд народных мятежей, самым серьезным из которых был пугачевский бунт. В действительности, у истоков этих мятежей стояли требования казаков, традиционно независимых социальных групп (например, однодворцев) и инородцев окраин. Эти мятежи поднимались против петербургского режима, в частности, против его методов и форм правления, то есть централизации, институционализации и стандартизации на иностранный лад. Пугачевский бунт, хотя он и разгорелся в конце рассматриваемого здесь периода (1773-1775), оказался тому драматической иллюстрацией;

он вобрал в себя все напряжение, раздвоенность и неустойчивость, разъедавшие жизнь народных масс с начала петровского режима. Тот факт, что движущей силой пугачевского бунта стали казаки-раскольники, подкрепляет толкование, согласно которому он был в гораздо большей степени мятежом против европеизации и модернизации как верхов, так и всей страны, чем против крепостного права. Это могло бы объяснить и двойственность отношения верхов к "феномену Пугачева", очень хорошо переданную двумя великими русскими поэтами (Пушкин и Цветаева), которым последняя крупная крестьянская война дала тему для размышлений и принесла вдохновение⁷.

Можно судить о степени напряжения, вызванного этой психологической и культурной неустойчивостью, по исчезновению ритуальных форм (таких, как местничество), которые Московское государство выработало, чтобы разрешать и выводить наружу конфликты - как социально-политические, так и между отдельными лицами. Эти формы были ликвидированы или сами исчезли в момент введения Петром I методов и норм, основанных на методах и нормах западного регулярного государства. Простонародные классы смогли - но уже в последний раз - воспользоваться возможностью всеобщего, жестокого народного восстания старого типа. Что касается верхов, то им стало трудно давать выход своим личным конфликтам, так как для этого больше не существовало принятых или приемлемых форм. Напряжение сдерживалось и скрывалось, открытые конфликты пресекались - таким образом становилось все труднее и труднее сдерживать внутреннее давление. В результате, конфликты вспыхивали в резких, насильственных формах. Государство, которое должно было препятствовать этим вспышкам насилия, пресекать и устранять их, не распо-

лагало для этого материальными средствами, а в то же время утратило традиционные формы морального нажима и авторитета. Именно поэтому вторая половина XVIII века характеризуется странной смесью физического насилия и жестокости (особенно в провинции) и безудержной сатирической критики в литературе. Двойственность московского наследия и философского влияния просветителей отразилась в диспутах Академии наук, сатирах Сумарокова, пьесах Фонвизина и нравственной проповеди масонов. В то время как Екатерина II, вне всякого сомнения, воплотила официальный триумф европейских ценностей, в личности и поведении ее самого знаменитого фаворита Потемкина вскрывалась вся двойственность и парадоксальность существования русских верхов, которые еще не открыли и не сформулировали своего нового самосознания. Да и должно ли это нас удивлять? Новое культурное и национальное самосознание не строится в один день, тем более что оно должно было оставить какое-то место московским традициям, в то же время отдавая львиную долю вклада европейской культуры своего времени.

Глава 4

НА ПУТИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПЕТРОВСКОЙ СИСТЕМЫ?

Правительственный класс прекрасно отдавал себе отчет в недостатках петровской системы, которые приводили к конфликтам, смятению и ощущению неустойчивости. Любопытно, что именно establishment предоставил разным группам общества и, в первую очередь, просвещеннейшему меньшинству средства, позволяющие выразить их озабоченность и их манеру восприятия этой неустойчивости. Таким образом, он стал фактором, позволившим обществу осознать свою природу в согласии с критериями, радикально отличающимися от тех, которые определяли общественное самосознание в XVII

веке. В 1767 году правительство провело выборы более или менее представительного собрания для обсуждения законов и выработки нового свода законов.

С тех пор, как Петр I осознал, что его законодательство внесло путаницу в московскую правовую систему, отраженную в Соборном Уложении 1649 года, были созданы многочисленные комиссии для разработки нового единого свода законов. Они составлялись из представителей искушенных в этом деле общественных групп и органов, прежде всего из административных служащих и купцов. Эти представители не выбирались, а назначались; администрация давала им полномочия для участия в деятельности комиссий. Но когда Екатерина II созвала в 1767 году Комиссию об Уложении, она приказала, чтобы ее члены были избраны свободными условиями и классами империи.

КОМИССИЯ ОБ УЛОЖЕНИИ 1767 ГОДА

Франсуа-Ксавье Кокен в своей ценной монографии хорошо показал, что выборы самим фактом своего проведения пробудили сознание принадлежности к тем или иным "сословиям" русского общества¹. Для России это было совершенно ново. С начала XVII века ни одному русскому не представлялось случая действовать в качестве члена некоего "сословия", если взять примерно то толкование этого понятия, которое было принято при французском "старом режиме". Сознание принадлежности к определенному классу и сословию подразумевало факт зарождения чувства группового самосознания, то есть восприятия общности интересов, образования и образа жизни. Чувство принадлежности к более или менее однородной группе возникало, несмотря на господство-

вавшие в рядах одной "социальной формации" значительные различия и ее раздробленность. Так, вопреки разнице в благосостоянии и социальном положении, среди дворян сформировалось и укоренилось чувство принадлежности к одному и тому же традиционному служилому дворянству. Правда, это чувство выросло из противостояния корпоративному духу, объединявшему новый низший служилый класс. И, что еще значительней, весь служилый класс почувствовал солидарность и объединился против купцов и свободных крестьян. Наконец, члены городских классов, несмотря на разнообразие их социального и юридического статуса, теперь начали испытывать чувство принадлежности к одной городской общине, а не к различным социальным группам, вне зависимости от места их работы и жительства, как это обстояло прежде. С одной стороны, Комиссия об Уложении 1767 года, вскрывая разногласия, связанные с материальными интересами, обнаружила глубокие конфликты и отсутствие единства и структуры в русском обществе; с другой - процедура выборов подтвердила наличие социально-психологической солидарности, связей, основанных на тождестве образа жизни, на общности географического происхождения и на аналогии социальных функций, все значение которых до этого не понималось.

Наказы, переданные в Комиссию об Уложении, и дебаты, которые, к сожалению, Екатерина II резко прервала, когда обнаружилось, что они принимают слишком резко критический оборот, ясно показали направление общественной мысли депутатов, а следовательно, по-видимому, их избирателей. Правда, не надо забывать, что депутаты и выборщики представляли лишь ничтожную долю тех, кто составлял различные сословия, и только часть тех, кто был элитой этих сословий и наиболее

непосредственно участвовал в общественной жизни. К чему же стремилось зарождающееся "гражданское общество"? Прежде всего, и это весьма знаменательно, оно хотело точного определения правового и функционального статуса различных общественных сословий.

Дворянство желало получить ясное определение того, чем оно является. Сами дворяне не были согласны между собой: одни считали, что главную роль играет происхождение; другие стремились сохранить и упрочить приоритет государственной службы. Стоял вопрос, останется ли дворянство, как это произошло благодаря Табели о рангах, относительно открытым классом или превратится в закрытую (за немногими исключениями) касту. Сам факт существования этого спора свидетельствует о неясности и двусмысленности правового статуса и фактического положения служилого дворянства. То же самое происходило и с городскими классами, свободным крестьянством и некоторыми особыми группами (казаки, инородцы и т. д.), хотя и в меньшей степени, так как правовое определение их статуса было более ясным, а их чувство самосознания - более сильным.

Жалобы дворянства касались также вопросов личной и материальной неприкосновенности; дворяне требовали эффективной материальной помощи в обучении детей, облегчающем их поступление на службу. Необходимость неприкосновенности у других классов была не меньшей, может быть, даже большей, но, если судить по опубликованным документам, ее выражали не столь упорно и энергично². Как бы то ни было, представители всех сословий и социальных групп хотели получить свыше гарантии своего права на собственность и заручиться хоть какой-то защитой от произвольных арестов, от насильственного описания и конфискации имущества и от крайне примитивной судебной процедуры. Не было воз-

ражений против того, что эти гарантии будут различными для разных сословий и социальных групп. Но, даже отличаясь друг от друга, они, по крайней мере, должны были быть ясно определены и твердо проводиться в жизнь. Надо уточнить, что эти требования в меньшей степени касались актов самого государя, даже когда эти акты воспринимались как деспотические: требовались гарантии от произвола административных уполномоченных государства, надлежащей защиты от которого правовая система не давала. Однако никто не домогался ни свода законов, ни своего рода "хартии", подобной тем, которые существовали в прибалтийских губерниях и определяли права и привилегии каждого. Русские депутаты с негодованием отвергли предложение представителей остзейского дворянства составить такой документ и передать его на утверждение императрице, чтобы он приобрел силу закона. Снова мы сталкиваемся с тем же парадоксом: правящие верхи, по-видимому, предпочитали отношения, основанные на единоличной высшей власти, рамкам законов и нагромождению обезличенных уставов.

Наконец, дебаты в Комиссии об Уложении ясно показали, что представители разных социальных групп выступали за разделение на классы и сословия соответственно их социально-экономическим функциям. Так, например, дворяне не допускали никакого вмешательства купцов и крестьян в сельскохозяйственную систему, в то время как купцы отказывали дворянству в праве какого бы то ни было участия в торговле и промышленности. Что касается крепостного права, то дворяне и помещики требовали для себя монополии на владение крепостными и "населенными" землями, оставляя за торговым классом право найма рабочей силы. Купцы, в свою очередь, протестовали против торговых операций, кото-

рые через своих крепостных проводили дворяне, а также и тех, которые проводили сами крестьяне (часто под покровительством своих владельцев-дворян и в их пользу). В общем, у депутатов Комиссии об Уложении, созванной Екатериной II, была совершенно "средневековая" концепция общества, основанного на наследственном разделении функций, общества с "органической" структурой, иначе говоря, общества стабильного и гармоничного, в котором заранее устранены все источники конфликтов и смятения.

Комиссия 1767 года выявила, что русское общество (во всяком случае, его сформировавшиеся элементы и его верхушка) устами своих представителей выражало устремления, прямо противоположные курсу на регулярное государство, противоположные нормам и целям, которые оно себе ставило, по крайней мере по планам Петра I. Общество отдалялось от бюрократического государства, намеревавшегося это общество перестроить и организовать в целях планируемых надолго вперед интересов производства. Иначе говоря, депутаты из высших социальных слоев склонялись скорее к пассивному пониманию политики, чем к "рациональному конструктивизму" (пользуясь термином Ф. фон Хайека), т. е. к гармоничному обществу, в котором социальные функции выполняются традиционными и наследственными сословиями и группами. В конце концов, чему здесь удивляться? Почти всякое общество консервативно в самой своей основе; радикальные преобразования предлагаются меньшинством правящей верхушки или же конкретно рассматриваются в случае крайней необходимости (например, во время революции). В России середины XVIII века, кроме администрации, не существовало социальных групп и органов, озабоченных переустройством государства. Радикальным и "революционным" было не общество, а прави-

тельственный класс. Кроме всего прочего, Западная Европа еще не предоставила образца светской идеологии идущих снизу радикальных преобразований - к тому времени она предлагала лишь образец просвещенного абсолютизма, который был порождением и прямым наследием регулярного государства камералистов, введенного в Россию Петром I.

Создается впечатление, что Екатерина II была скорее удивлена тем, что открылось ей в наказах депутатов и дебатах Комиссии об Уложении; она еще сохраняла иллюзии и не знала, чего желает общество, которым правила уже пять лет. К этому, несомненно, привело влияние тех лиц, с которыми у нее только и были контакты с самого ее приезда в Россию: придворной и военной бюрократии. Она думала, что нормы и методы регулярного государства, дополненные программой активного, динамичного и производительного общества, одобряются всеми просвещенными кругами русского общества. Придя к власти, она, несомненно, полагала, что ее задача будет заключаться всего лишь в улучшении установленной системы и выработке административной процедуры устранения трудностей, возникших после смерти первого императора, после чего ей останется только поставить страну на путь прогресса. Как бы то ни было, видно, что Екатерина II приняла близко к сердцу откровения о русском обществе, принесенные ей совещанием 1767 года. Не отступаясь от главного, она повела впредь во внутренней политике двойную тактику. Можно задаться вопросом, не была ли эта двойная тактика противоречивой, но ни Екатерина II, ни ее соратники, видимо, этого противоречия не воспринимали.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПОЛИТИКА ЕКАТЕРИНЫ II

В административном плане Екатерина II твердо и умело продолжает политику, начатую Петром Великим, стремясь к систематической разработке природных ресурсов и росту потенциала страны во всех областях. С этой целью она проводит перестройку аппарата управления, чтобы сделать его деятельность более рациональной, а заглядывая вперед - и более эффективной. Достаточно перелистать Полное собрание законов российских, чтобы убедиться во впечатляющей перемене направленности и тона законодательства. Это впечатление подтверждается и другими источниками - письмами самой Екатерины, докладными записками, отчетами и протоколами заседаний, перепиской сотрудников Екатерины II. Экономическая политика Екатерины II состояла, с одной стороны, в поощрении и открытии торговых компаний, с другой - в предоставлении большей свободы частной инициативе. Правительство делает все для колонизации малонаселенных областей, чтобы повысить сельскохозяйственную продукцию. Оно поощряет торговлю, вводя льготные тарифы и привилегии, прямо поддерживая заводы, а также разведку и разработку сырьевых ресурсов империи. Правительство лучше охраняет право собственности частных лиц и позволяет им свободно располагать горно-рудными богатствами их владений. Оно предоставляет деревенскому населению, в том числе крепостным, свободу передвижения - крепостные лишь должны получить на это разрешение от владельца или управляющего. Устав благочиния вписывается в эту линию: рядом мер, направленных на предоставление русским городам некоторой безопасности, порядка и модернизации, он придает правительственной деятельности окончательный вид. Но в осуществлении этих новых положений императрица

попадает в тупик: общество не располагает соответствующими социальными структурами и, следовательно, не способно проводить их в жизнь без посторонней помощи. Екатерина вынуждена прибегнуть к бюрократическому аппарату и обязать своих подданных прийти ему на помощь. В этом-то и состоял парадокс.

В своем переустройстве администрации Екатерина II методически пытается рационально согласовать деятельность центральных и местных учреждений. В Учреждении для управления губерний 1775 года местная административная структура была скопирована с устройства центральной администрации. Губернатору содействует совет, между членами которого разделены разные функции. Эти советники должны были отчитываться перед коллегиями, от которых они зависели, в то время как их деятельность контролировалась и координировалась Сенатом. Под руководством генерального прокурора А. А. Вяземского Сенат превращается в подобие совета министров при государыне. Это привело к ускорению развития в сторону единовластия в административных учреждениях, то есть создания системы министерств, что было сделано в начале XIX века. Это переустройство также позволило императрице, ее кабинету и генеральному прокурору Сената осуществлять более эффективное, непосредственное наблюдение за административными делами как на местах, так и в центре. Новая система положила начало прямому вмешательству правительства в местные дела: его директивы носили для местной администрации характер приказа. Возросли полномочия местных учреждений и чиновников, частично избираемых дворянскими и городскими верхами. Избавившись от некоторых задач, переданных в ведение местной администрации, центральная администрация достигла большей свободы действий в проведении культурной и экономи-

ческой политики, практическое осуществление которой всегда можно было передать в руки местной верхушки.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЕКАТЕРИНЫ II

В области иностранных дел Екатерина II проводит политику имперской экспансии, оправдывающую принятие налоговых мер и военное вмешательство. Эта политика открывает новое поле для применения норм и обычаев регулярного государства на почти девственных землях. В этом и заключен самый ощутимый результат политики завоеваний, колонизации, культурной и социальной ассимиляции, типа той, какую проводил по инициативе Екатерины II в Новороссии и на северных берегах Черного моря ее всемогущий наместник Потемкин. Следует добавить, что воинская слава, которую завоевали армия и флот императрицы, способствовала также возникновению чувства национального единства и национальной гордости, облегчившего успешную координацию энергии различных элементов общества. Со своей стороны, новоприобретенные территории послужили полигоном для испытания норм и методов регулярного государства на юге и для реорганизации традиционного казачьего войска после Пугачевского бунта.

Стремясь, как и Петр I, сделать Россию регулярным государством, Екатерина II применяет противоположную методику, передавая свои полномочия центральной бюрократии, находящейся под ее руководством. По образцу *Stände* своей родной Германии, она пытается учредить в России "сословия", которые будут помогать правительству в проведении его политики. Она, по-видимому, стремилась заложить основы системы, которая создаст рамки динамичного и продуктивного, но в то же время

мирного и гармоничного общества, идущего по пути к могуществу, процветанию и счастьем под руководством государя. В этом она, несомненно, шла навстречу пожеланиям, выраженным во время выборов и на сессиях Комиссии об Уложении. Ясно, что инициатива принадлежит ей и что она опередила общество, как о том свидетельствуют основные акты, которые она подготовила задолго до созыва Комиссии об Уложении, а также и до Пугачевского бунта, послужившего предлогом для их ускоренного проведения в жизнь. Мы знаем также, что в этом деле ее активно поддерживал администратор из остзейских немцев, граф Сиверс, который надеялся ввести в России устройство общества, аналогичное тому, которое существовало в Прибалтике.

ЖАЛОВАННЫЕ ГРАМОТЫ ДВОРЯНСТВУ И ГОРОДАМ³

Первым конкретным шагом Екатерины было Учреждение для управления губерний, закон, принятый в 1775 году, который учреждал некоторое число местных полицейских и богоугодных заведений, управляемых выборными лицами из местного правящего класса. Однако основы были заложены двумя жалованными грамотами - дворянству и городам. Была составлена и третья жалованная грамота относительно государственных крестьян, но по причинам, которые частично остаются неясными, она не вступила в действие (то ли из-за сопротивления верхов, то ли из страха заражения либеральной и революционной смутой, которая царил в Европе, - точно не известно). Если выборы 1767 года дали толчок к возникновению корпоративного духа у правящих верхов империи, то жалованные грамоты, в свою очередь, создали формы для их корпоративной жизни.

Собственно говоря, эти грамоты выполнили две функции: первая из них была прямой, официальной; вторая - косвенно оказала длительное влияние на частную жизнь. Жалованные грамоты официально учредили органы, позволявшие выборным от городских "сословий" и дворянства, организованным в юридически автономные корпорации, способствовать проведению в жизнь имперского законодательства на местном уровне. Кроме того, в качестве представителей независимых корпоративных организаций эти выборные защищали материальные и социальные интересы своих собратьев, не способных на это в одиночку (малолетних сирот, вдов, инвалидов, душевнобольных и т. п.). Так представители дворянства приобрели роль на местном уровне, широкое поле деятельности и некоторую автономию; между прочим, они отвечали за охрану порядка в сельской местности, по доверенности господ судили крестьян за мелкие преступления и нарушения порядка, разрешали конфликты между дворянами. Значение жалованной грамоты городам оказалось более ограниченным, в основном, в силу изолированности провинциальных центров. Городские депутаты, избранные торговыми и промышленными верхами, находились под прямым контролем местной бюрократии, для которой они были простыми помощниками.

Тем не менее, активно участвуя в административной деятельности, выборные от дворянства и городов не только расширили базу правящих кругов, но и вовлекли местную верхушку в административную работу просвещенно-абсолютистского государства, что было основным условием успеха политики преобразований и переустройства общества в интересах производительности. Их участие прочнее укоренило на местах правительственную деятельность, позволив, таким образом, организовать использование более мощного потенциала

ресурсов. Неопровержимое тому доказательство прине-сут долгие изнурительные войны против революционной и наполеоновской Франции, особенно во время вторжения Наполеона в 1812 году. С другой стороны, такая, даже очень ограниченная форма участия в общественной жизни явилась альтернативой традиционной государственной службе и дала верхам некоторый опыт, усиливший их интерес и внимание к местным особенностям. Это привело к положению, может быть, столь же парадоксальному, что и положение интеллигенции: самодержавный и имперский establishment положил начало и придал форму возникающим в обществе группам и силам, которые впоследствии вступили с ним в конфликт, ибо рассчитывали на бóльшую независимость, чем та, что соглашались предоставить им бюрократия⁴.

Вторая - можно сказать, неназванная, или "официозная" - функция жалованных грамот 1785 года привела к очевидным результатам лишь после смерти Екатерины, но, так как это влияние было сопряжено с вышеописанными результатами первой функции, оно было не менее значительно. Необходимость (или обязанность) периодически выбирать представителей и тяга многих людей к некоторым местным должностям - все это привело к тому, что лица, входившие в сословные объединения, образованные в масштабах уездов, городов и губерний, регулярно встречались и это поддерживало социальную жизнь в верхах общества. А тот факт, что во время этих встреч происходило урегулирование дел общественного и частного плана, способствовал росту чувства принадлежности этих верхов к единому слою, и это чувство солидарности приводило к большему осознанию общих интересов, которые им следовало проводить и защищать. Этим русским верхам, коснеющим в ярме московских традиций, раздробленным реформами Петра Великого,

жалованные грамоты предоставляли возможность избежать того состояния, которое делало человека игрушкой фортуны временщиков или же административных решений, произвольно принимаемых обезличенными центральными учреждениями. Появляется большее чувство психологической устойчивости, укрепляются гарантии неприкосновенности личности и собственности, провозглашенные законодательством Екатерины, хотя ее подчиненные еще пренебрегали этими законами. Но новый сословный дух и чувство групповой принадлежности могли противостоять произволу местных самодуров - по крайней мере, тех мелких дворян и торговцев, что захватывали роль "первого парня на деревне". Эта возросшая психологическая устойчивость позволила, наконец, представителям местных верхов брать в руки инициативу и превращать ее в действие. Но, прежде всего, это чувство позволяло людям вырабатывать собственные суждения, свое личное поведение и образ жизни, не продиктованные желаниями государя и не навязанные указами. К концу XVIII века мы наблюдаем децентрализацию культурной и социальной жизни верхов общества: прорвана абсолютная монополия столиц, светское общество усваивает более широкий набор идей и нетрадиционных моделей поведения, стимулируется его творческая энергия. Наконец, с начала XIX века, пройдя испытания 1812 года, местные верхи способствовали развитию критической мысли, создавая противовес однообразию и конформизму, которые навязывались государем и двором; с энтузиазмом принимая "толстые журналы", они содействовали распространению влияния интеллигенции.

Однако при Екатерине II и вплоть до начала правления Александра I местные устремления к независимости и творчеству в социальной, культурной и гражданской областях сдерживались патернализмом и недоверчиво-

стью государя и его уполномоченных. Кстати, не надо забывать стеснительный и покровительственно-абсолютистский характер жалованных грамот и, в еще большей степени, методов их применения. Он отражался в поведении губернаторов, командиров гарнизонов и полицмейстеров, которые оставляли слишком малое поле деятельности дворянским собраниям и городским думам. С членами этих дум обращались как с государственными служащими; на них лежала задача, иногда обременительная, собирать налоги и поддерживать городской порядок. Что касается "собраний", т. е. корпораций провинциального дворянства, то они были поставлены под контроль губернаторов, патернализм которых проявлялся особенно тогда, когда в предводители дворянства надо было выбрать сговорчивого кандидата, полностью преданного губернатору. Выборные администраторы, которым были поручены задачи корпоративной деятельности (благотворительность, охрана порядка и т. п.), пользовались ограниченной властью, а их поле деятельности было лимитировано финансовым контролем бюрократических инстанций.

И все-таки не стоит выставлять этот патернализм только в темном свете. Роль губернаторов, предводителей дворянства, утверждаемых властями, богоугодных заведений, поставленных под контроль бюрократии, была важной: они способствовали постепенному осознанию социальных недостатков и их исправлению. К тому же, этим путем в провинциальные круги проникали ценности и обычаи, полезные в культурном плане; они способствовали развитию культурных и художественных центров вне столиц и постепенной европеизации низших слоев общества.

В заключение надо добавить, что, образовав "корпорации", то есть преобразуя русское общество на основе

"сословий", государство оставило за собой роль судьи и посредника. В действительности, государство сохраняло за имперским правительством традиционную роль самодержавной власти и даже усиленно подчеркивало ее необходимость. Положив начало переустройству, государство укрепляло убежденность, уверенность в том, что только по воле государя-самодержца могут быть проведены реформы и улучшены состояние и устройство русского общества. Верно, что позднее именно поэтому и все недостатки системы будут поставлены в вину государю и самодержавию.

Так Екатерина II попыталась придать новую форму русскому обществу. Надо признать, что ей это в немалой степени удалось, во всяком случае, в том, что касалось внедрения общей административной системы и зачатков местной автономии верхних слоев общества. Она предоставила им инициативу организации культурной жизни и благотворительной деятельности, предварительно обеспечив хоть некоторую неприкосновенность личности и собственности. Но до полного успеха было очень и очень далеко: вырождающаяся в бюрократический произвол патерналистская практика и оставление решающей роли за личной волей самодержца - все это урезало предоставленные свободы. Основным фактором, который, по нашему мнению, помешал укреплению "сословий" и автономных промежуточных инстанций, было отсутствие стабильной и цельной правовой системы. Верно, что после 1785 года неприкосновенность личности и собственности охранялась лучше, чем прежде: исчезла терпимость по отношению к посягательствам властей или частных лиц - по прихоти либо произволу - на жизнь и достояние; землевладельцы пользовались доходами со своих земель и правом собственности на полезные ископаемые. Но гарантии осуществления и

соблюдения этих прав сами не были предметом какого-либо закона - ничто не обязывало государя-самодержца и его прямых уполномоченных соблюдать эти права, когда это шло вразрез с их интересами. Это видно на примере того, как рос произвол государя и его чиновников (конфискация имущества дворян и купцов, аресты) при Павле I; эти методы до конца не исчезли и в царствование его сына. На заднем плане все это время оставалось крепостное право, по природе рабовладельческое, которое не могло не наложить свою печать на все отношения между людьми и на характер власти во всей стране.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ

Все больше и больше - как в общественной, так и в частной жизни - давало себя знать отсутствие всеобъемлющего, систематического свода законов; это делало проблематичным существование корпоративных структур, которые попыталась учредить Екатерина. Отсутствие кодифицированного права приводило также, и это особенно важно, к тому, что не существовало сильной и независимой судебной власти, чтобы заставить соблюдать законы; было практически невозможно превратить Россию в правовое государство. Россия, конечно же, располагала органами правосудия, и екатерининское законодательство их улучшило, особенно ограничением процедуры дознания. Но органы правосудия и дознания были сведены воедино и являлись одной из составных частей имперской администрации; они не обладали ни автономией деятельности, ни независимыми критериями. Таким образом, правосудие было полностью отдано на произвол чиновников.

Неофициальные публицисты того времени, а позднее либеральные историки придавали большое значение созданию совестных судов, учрежденных в согласии с жалованными грамотами дворянству и городам. Эти суды должны были разрешать мелкие конфликты между частными лицами, особенно те, которые касались наследования и посягательств на частную собственность (само собой разумеется, в определенных границах). Но историки часто забывали, что это были лишь третейские суды (обычно в них заседал только предводитель дворянства). Обе стороны должны были принять приговор, основанный на критериях справедливости, в противном случае тяжба передавалась в государственные инстанции, где она шла обычным путем (апелляционный суд, Сенат, наконец царь). Со своей стороны, государь не был связан предыдущими решениями - он разрешал споры вне зависимости от указов и законодательных актов, хотя, в принципе, они имели силу закона. Следовательно, совестный судья вовсе не был мировым судьей английского типа, как это часто утверждалось в исторической литературе. Можно даже сказать, что совестный суд обязан был выносить свои решения, не принимая в расчет существующих законов (то есть изданных до этого указов и постановлений) - точно так же, как и государь в последней инстанции. Принять существование такого суда значило признать отсутствие цельной системы, имеющей силу закона, признать, что во многих случаях предпочтительней прийти посредством суда к личному соглашению, находящемуся вне рамок закона и основанному на понятии справедливости, отличном от этого понятия в имперском законодательстве. Судья не был ни *judge in equity*, ни мировым судьей английского образца - он, скорее, был олицетворением власти на местном уровне и обладал нравст-

венным авторитетом, аналогичным авторитету государя на уровне империи. Потому-то один юрист справедливо написал, что существование совестного суда задержало введение в России *Rechtsstaat*⁵. Это было неожиданным или прямо парадоксальным результатом усилий Екатерины превратить русское общество в "сословное". Но это был логический парадокс, так как он проистекал из ошибочной концепции органического, независимого развития гражданского общества и в то же время ведущей роли государства в преобразовании общества. Тем самым гражданское общество было лишено свода строго сформулированных, устойчивых и взаимосвязанных законов, применяемых независимой судебной властью.

В заключение можно задать вопрос, могло ли "сословное" общество возникнуть как результат законодательного решения? Так как русское общество или хотя бы его верхи уже обладали чувством собственного самосознания, опиравшимся на "сословия" и промежуточные группы, не следовало ли правительству удовлетвориться тем, что просто облегчить его развитие и постепенную эволюцию? Для этого следовало предоставить гораздо бóльшую свободу действий частным лицам и законно учрежденным группам, чем та, которую готовы были дать Екатерина II и ее наследники. Я, кстати, не думаю, что главной причиной этой нерешительности было существование крепостного права. Этот фактор, конечно, ограничивал государственную деятельность, но правительство спокойно могло передать вопросы крепостного права в руки помещиков, что часто и делалось, в частности по прусскому образцу. Для этого пришлось бы дать больше воли дворянству. Но дворянство не было готово принять ни эту свободу, ни эту задачу, оно еще нуждалось в защите и покровительстве государства, потому что боялось крестьян. Учитывая в

особенности его традиции, служебные интересы, бедность и культурную отсталость, никак нельзя себе представить провинциальное дворянство без государства, которое стояло за его спиной. Так оно само принимало свое подчиненное положение и отсутствие корпоративной независимости.

Кроме того, "сословное" общество становилось все бóльшим анахронизмом - достаточно проследить за эволюцией стран Западной и Центральной Европы. Оно перестало быть моделью для великой державы, которая в конце XVIII века считала себя современной или хотя бы идущей по пути модернизации. Оно шло вразрез с нарастающей силой индивидуализма, прежде всего в экономической и культурной жизни. Росту индивидуализма в России значительно способствовала Екатерина. Можно даже сказать, что это было общим направлением ее царствования и что она сознательно и методически следовала ему, правда, почти исключительно в культурной и социальной сферах. Однако именно эта политика привела к некоему парадоксу, к противоречию, последствия которого сыграли важнейшую роль в развитии отношений между государством и обществом как в течение первых десятилетий после смерти императрицы, так и для последующих поколений.

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Екатерина II была без ума от умственной жизни почти во всех ее формах. Как рассказано в ее мемуарах, в течение долгих лет шаткого существования, когда ее держали в стороне от двора Елизаветы, замужем за ребенком, который ее не любил и к которому она могла испытывать лишь презрение и отвращение, книги были ее

единственным прибежищем и утешением - любовные похождения не оказали почти никакого влияния ни на ее образ мыслей, ни на политику. Неудивительно, что, придя к власти, она энергично поддерживала и поощряла культурную жизнь страны, притом не только в своем ближайшем придворном окружении, но и вне его - в столицах и в провинции. Она либо давала ей общее направление, либо помогала субсидиями и поддержкой - прямо или через своих чиновников и фаворитов. Мы уже упомянули о распространении общественных и частных школ. Кроме того, важно подчеркнуть, что Екатерина поощряла систематическое внедрение новой педагогики, основанной на трудах Локка, Виланда, Базедова и, хотя прямо не называемого, Жан-Жака Руссо. Были созданы новые школы, учебные заведения и пансионы для учащихся дворян, провинциальные кадетские корпуса, Смольный институт благородных девиц. Благодаря назначению русских профессоров, в деятельность Московского университета влились новые силы; чтобы побудить дворянских детей к учению, при университете был создан Благородный пансион, а выпускникам университета обещана быстрая карьера. Академия наук была преобразована и стала, главным образом, исследовательским центром. Список тех, кто обогатил русскую литературу и культурную жизнь на заре XIX века, неопровержимо доказывает, что педагогическая и культурная политика императрицы оказалась успешной. Напомним, что новая педагогика стремилась к созданию нового человека - просвещенного подданного Российской Империи, который, вдобавок, играл бы активную и полезную роль в творческой и производственной жизни, внося этим свой вклад в неустанный духовный и материальный прогресс динамичного общества.

Ради того же Екатерина II оказывала поощрение и

покровительство и другим формам умственной жизни, в том числе театру и литературе. Литература (в основном, периодические издания и сочинения для театра) приняла поучающий, нравоучительный тон не только по примеру Западной Европы того времени, но и желая сформировать просвещенную элиту, высшей ценностью для которой был бы идеал службы и общественной пользы. Распространение дидактической словесности в форме сатирических журналов, в которых по желанию самой императрицы печатались полемические статьи, было лишь одной из граней литературной деятельности. В 1783 году Екатерина отменила государственную монополию печатного дела и разрешила учреждать частные типографии и издательства. Ее цензурная политика была относительно мягкой⁶. Выпуск книг резко возрос, в провинции были созданы издательства, появились литературные и нравоучительные альманахи и зачатки областной литературы. Благодаря энергии и организаторским талантам Н. И. Новикова, русское книгоиздательское дело разрослось в беспрецедентных масштабах, и страна располагала периодическими изданиями и книгами, отвечавшими спросу определенных категорий читателей - детей, агрономов, глубоко религиозных людей и т. п. Деятельность Новикова в области печатного дела послужила основой для создания того, что позднее получило название "мыслящего общества": поощрялись переводы западной литературы, распространялись философские и религиозные понятия, становились доступными и пригодными к практическому проведению в жизнь западные идеи (например, благодаря публикациям Вольного экономического общества).

Широко распространились масонские ложи и общества: они не только предлагали новую форму общественной жизни, но и отвечали глубоким духовным и социальным

устремлениям. В силу административного порабощения Церкви мирской властью, оскудела ее культурная жизнь и существенно ослабла ее ведущая роль в духовном и нравственном воспитании общества. Представители просвещенного меньшинства, запросам которых официальные церковные учреждения не шли навстречу, пустились на поиски других путей удовлетворения своей нравственно-духовной жажды. Под влиянием протестантского обновления в Европе: пиетизма, методизма - русские пытались найти удовлетворение в личной духовности и личном религиозном опыте, в бурной социальной деятельности, озаренной религиозным рвением. Массонские ложи, кружки спиритуалистической и мистической направленности, учения Сковороды и Тихона Задонского - все это способствовало возрождению внецерковной религиозной жизни. Благотворительные организации, ложи и издания связывали ее участников. Таким образом, литература и спиритуалистические кружки послужили распространению в России идей Просвещения, притом что сердце "просвещалось" не в меньшей степени, чем разум, и стали отправной точкой предромантизма и сентиментализма.

Перемены в умственной жизни, обеспечившие просвещенному меньшинству средства постоянного общения, усилили контакты между провинциалами. Еще не существует точных доказательств массового возвращения дворян в деревню, к земле, после того как в 1762 году государственная служба перестала быть обязательной. Тем не менее, известно, что обнародование актов 1775 и 1785 годов побудило дворян-землевладельцев чаще и дольше оставаться в своих усадьбах и поместьях. Пребывание в деревне стало более сносным благодаря развитию культурной жизни в губернских городах и возможности доставать журналы и разнообразное чтение.

Чувствуя себя независимым от государства, гражданское общество в губерниях было почти сформировано. В нем крепили чувство самосознания и корпоративный дух, исходной точкой которых уже не были ни государственная служба, ни полное повиновение правительству. Прилагая все усилия к созданию "сословного" общества, законодательство Екатерины II шло навстречу нуждам зарождающегося гражданского общества. Но это общество было лишено устойчивой и внутренне присущей ему, законно учрежденной структуры, а следовательно, не было способно выполнять те функции, которые ему предназначала мысль Екатерины. Противоречие (или, скорее, разрыв) между намерением Екатерины предоставить "сословиям" и корпоративным группам административно-экономическую роль, исполняемую на благо государства, и индивидуалистическими, независимыми, центробежными тенденциями культурной и интеллектуальной жизни стало основной причиной того конфликта между обществом и государством, который стал очевиден в конце правления просвещенной императрицы.

Усилия императрицы и главных представителей Просвещения в России (в особенности Новикова, Фонвизина, Крылова, Радищева, Карамзина) были направлены на одну и ту же цель: сформировать активную личность, лояльного подданного и патриота, остро сознающего свой нравственный долг не только по отношению к государю и Империи, но и по отношению ко всем членам общества, в том числе и крестьянству⁷. В связи с этим следует вернуться несколько назад. Мы уже отметили, даже подчеркнули, какую роль сыграла новая форма государственной службы, установленная Петром I, в сознании просвещенной элиты, живущей по европейскому образцу. Служебные обязанности породили этику лояльности и долга по отношению к правительству, к госу-

дарству, которые придали службе новое направление и новый смысл: служить теперь означало приносить пользу всей стране и всему обществу. С другой стороны, западное образование и, прежде всего, новая педагогика, отводившая главную роль отдельной личности и ее нравственно-культурной ответственности, посеяли семена, из которых впоследствии выросли основные черты дворянской элиты, посвятившей себя жизни духа и служению народу.

И в то же время государственная служба лишала дворянина его корней, отчуждала его, заставляла чувствовать себя безымянным винтиком сложного механизма, отрезала и отъединяла его от народа, который не разделял его культуры и говорил на другом языке - в прямом и переносном смысле. Указ от 18 февраля 1762 года, которым Петр III освободил дворян от обязанности служить, позволил им перенести свою преданность и самоотверженность на народ. Снова напомним, что дворяне все чаще и дольше оставались в деревне и приобрели новое поле культурной и экономической деятельности, более динамичной и свободной. Все это привело к тому, что просвещенное меньшинство, в основном самые передовые, либеральные его элементы, начало обращаться к новой задаче - к выполнению роли морального вожатая и духовно-культурного наставника народа. То были еще почти несознательные поползновения. Но они предвещали более критический, более сторонний подход к имперскому establishment'у и, в частности, к правительству. Они положили начало раздвоению верхушки гражданского общества и несли в себе ростки если не прямого подрыва, то, по крайней мере, раскола.

ЗАРОЖДЕНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Последствия оказались обоюдоострыми. Интеллектуальный и моральный индивидуализм явился результатом развития русского общества, поощряемого (или прямо порожденного) преобразованиями Петра и законодательством Екатерины. Но не входил ли он в противоречие с нормами поведения и этикой солидарности "сословий", которые правительство пыталось насадить? Не шла ли культурная, религиозная и социальная деятельность масонов, в частности Новикова, вразрез с материальными интересами основной части общества и особенно с теми ограниченными целями, которые ставила перед собой императрица? Именно поэтому Екатерина воспротивилась тому, чтобы "сословия" учреждали частные фонды и богоугодные заведения, занимающиеся, к примеру, помощью голодающим и больным, народным просвещением и т. д. "Сословия", которые по своему почину, а не по инициативе и директивам государства и администрации ставили перед собой независимую гражданскую и общественную миссию, казались ей подозрительными, да к тому же ей чудились в этом ростки того разрушительного недовольства, которое вызвало революцию во Франции и Голландии. Это было первое проявление того недоразумения, того обоюдного недоверия, которое наложит свою печать на историю отношений самодержавного правительства и дворянской интеллигенции: самодержавие благожелательно относится к формации просвещенных людей, сознающих свой нравственный долг, преданных общественному благу и активно содействующих материальному и духовному развитию страны. Но оно не хочет согласиться (или допустить), чтобы эти этические, культурные, социальные обязательства привели к независимой институционализированной деятель-

ности, к сети динамичных солидарных связей, которая вышла бы из-под контроля и управления администрации. И самодержавие сурово наказывает лучших представителей просвещенной элиты, как это сделала Екатерина с Новиковым и Радищевым.

Так возникает новая проблема: совместимо ли с самодержавием и с личной властью государевых слуг, которая держится на произволе, усвоение нравственных предписаний и интеллектуальных европейских норм эпохи Просвещения (будь то в их рационально-философской, англо-французской форме или же в спиритуалистической и сентиментальной немецкой)? Этот вопрос, ответ на который неизбежно отрицателен, выдает свидетельство о рождении интеллигенции - передовой части русского просвещенного меньшинства, которое видит, как возникает противоречие между, с одной стороны, его концепцией нравственной миссии и ответственности за счастье народа, и с другой - его обязательствами и лояльностью по отношению к государству и высшему олицетворению этого государства - государю-самодержцу.

В конце правления Екатерины II гражданское общество уже потенциально существует в России, его рамки уже установились, но еще не заполнились законными формами и институционализированными группами - они так и останутся незаполненными по вышеописанным причинам. С другой стороны, интеллигенция - тонкий критический слой просвещеннейшего меньшинства, благодатная почва для идеологизации, - уже почти полностью сформировалась благодаря государственной политике, которая была начата Петром Великим и по-новому продолжена Екатериной II.

Разрыв между потенциально существующим гражданским обществом и почти оформившейся интеллигенцией,

с одной стороны, и самодержавным государством, строго и неусыпно ограничивающим поле независимой деятельности общества, - с другой, создал пустоту. Эту пустоту предстояло заполнить. Вставал вопрос: как и кем? Это и станет проблематикой, задачей и вызовом, которые были поставлены рождающемуся XIX веку.

Глава 5

НА ЗАРЕ XIX ВЕКА

Несмотря на свою краткость, царствование Павла I в огромной степени определило политическую направленность его наследника Александра I и тем самым способствовало пробуждению сознания в рядах дворянской интеллигенции. Павел управлял страной по произволу, широко применяя карательные меры, хотя у него и были некоторые реформаторские поползновения в области социальной политики (например, ограничение обязательной барщины тремя днями в неделю), а возможно, и план переустройства, который, по всей видимости, предусматривал установление законной и регулярной, если не прямо конституционной системы¹. Для правящей и культурной элиты столиц, особенно Санкт-Петербурга,

где жить приходилось на глазах у императора, это время было настоящим кошмаром: офицеры и министры боялись своенравного поведения Павла, которое постоянно угрожало их свободе и карьере. Никто не чувствовал себя защищенным от внезапных перемен настроения государя, которые могли означать высылку из столицы, лишение чина и должности, даже тюремное заключение на неопределенный срок. Социальная и культурная жизнь провинции, которая только-только начала прорезаться в последние десятилетия правления Екатерины II, снова оказалась в опасности увядания вследствие стремления Павла I вновь отозвать дворян на государственную службу. Немало екатерининских вельмож, попавших в опалу при сыне покойной императрицы, нашли себе прибежище в Москве, живя в роскоши и фрондируя, оживляя культурную и светскую жизнь старой столицы. Но большинство провинциальных дворян жило под угрозой неожиданного отзыва в Санкт-Петербург, лишаящего их плодов усилий по созданию культурной среды, защищенной от материальных забот.

Правление Павла I несомненно казалось дворянской интеллигенции особенно тираническим, особенно руководствующимся произволом. Император еще более драконовскими и озадачивающими мерами, с мелочностью, доходящей до абсурда, проводил начатую его матерью после казни Людовика XVI политику "санитарного кордона", чтобы предохранить себя от французской заразы. Он запретил не только французские идеи и книги, но и моды "революционного" происхождения и, следуя в этом примеру своего отца Петра III, попытался переодеть русское светское общество на прусский манер, ввести для дворян столь же неудобные, сколь и гротескные мундиры, в какие он одел свою собственную гвардию в Гатчине. Зверская цензура запрещала даже математи-

ческие и музыкальные книги под предлогом, что математические символы и ноты могут служить шифром для контрабанды подрывных идей. Русская литература, которая только начала принимать истинный размах, была задавлена, частные типографии закрыты или поставлены под невыносимый контроль. Казалось, что военный стиль - "парадомания" Павла стала притчей во языцех - будет навязан во всех областях общественной и социальной жизни. Результаты этого могли оказаться особо пагубными для развития образования, прежде всего для высших учебных заведений и частных школ, где в обучении доминировала общая культура. Кроме того, по окончании учебы молодой дворянин был практически принужден делать бесплодную военную карьеру или вступать в ряды чиновничества, в высшей степени милитаризованного.

Короче говоря, даже по сравнению с ограничениями последних лет царствования Екатерины литературная и художественная (в частности, театральная) жизнь в России была поставлена под гнетущий, невыносимый контроль и влачила жалкое существование. Ей грозило удушение как раз в тот момент, когда она расцвела. Неудивительно, что неожиданная смерть императора, павшего жертвой убийства, задуманного и совершенного группой офицеров и вельмож, которые занимали высокое, но не дававшее им защиты положение, была воспринята всеми образованными кругами и правящими верхами страны с неприличным ликованием. Опыт этого царствования показал, насколько неустойчивым и хрупким был культурный и социальный прогресс русского establishment'a. Вывод напрашивался сам собой: надо сплотить и упрочить политическую и культурную жизнь страны. Так, выявив хрупкость достижений, начавшихся со времен Петра Великого, царствование Павла, с его

господством произвола, стало катализатором, толкнувшим правительство и общество, то есть его просвещенные верхи, к конструктивной реакции, которая проявилась в общественной жизни сразу после вступления на престол Александра I.

Первый из этих конструктивных шагов, создававших также опору для умственного и социального развития страны, носил политический характер и сопровождался рядом мер административного плана, направленных на реорганизацию правительства и завершавших, таким образом, дело Петра Великого в духе Екатерины II. Петр принимал свои меры в спешке, отвечая на текущие нужды, и не установил цельного, стабильного устройства. Екатерина II поставила перед собой задачу укрепить социальную основу культурной и административной модернизации, предпринятой Петром. Политика Александра I будет состоять в построении административной системы, опирающейся на элитарное общество, социально-культурная деятельность которого станет независимой.

РЕФОРМА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

То, что обычно называют проектами и планами "конституционных" реформ, "конституционализмом" Александра (это название дано его современниками), было просто попыткой упорядочить администрацию, придать ей цельную структуру и повысить ее эффективность. При Александре I (да и при его наследниках) до достижения этой цели было далеко. Тем не менее, были заложены основы цельной, устойчивой и относительно эффективной системы, прочность которой была подтверждена ее способностью выжить почти без перемен до революционных

волнений начала XX века. Как и при Петре I, центральная администрация оставалась главным объектом правительственных забот. Реформа Александра в этой области (создание министерств и Государственного совета) лишь утвердила и завершила развитие, начатое во второй половине XVIII века. Уже в конце правления Екатерины II генеральный прокурор Сената А. А. Вяземский выполнял основные функции премьер-министра, то есть согласовывал деятельность различных коллегий, председатели которых были их единственными настоящими хозяевами.

Но реформа Александра I, начатая в 1802 году (создание министерств) и завершенная в 1811 году (внутренняя организация главных из них), шла дальше. Она не только решительно внедрила принципы и практику министерского единовластия, которые делали министра полным хозяином в подчиненной ему сфере, но и организовала министерства на рациональной основе, чтобы предупредить конфликты между ними по вопросу полномочий каждого. Как наполеоновское военное командование, каждое министерство представляло собой иерархическую пирамиду: министр, словно главнокомандующий, располагал штабом, состоящим из начальников департаментов, и каждому из департаментов были поручены свои, четко определенные функции. Каждый из этих начальников обладал, в свою очередь, большой властью и определенной автономией в своих делах. Координация между различными службами министерства осуществлялась советом начальников департаментов, который регулярно собирался для докладов своему командующему - министру. Министр же подчинялся только приказам, исходящим от верховного главнокомандующего - государя. В принципе, венчать это строение и выполнять роль генерального штаба при верховном главнокомандующем должен был Совет министров.

Но Александр I не сделал этого последнего шага для упрочения системы. Совет министров существовал, но на его заседания созывали лишь часть министров, да и собирався он по воле государя для обсуждения дел, касавшихся различных министерств. В действительности, Совет министров так и не стал инструментом, необходимым для проведения логичной, последовательной и долгосрочной имперской политики. Александр I предпочитал работать с каждым министром по отдельности, оставляя за собой право разрешать межминистерские конфликты и сохраняя нетронутой свою самодержавную власть. Его наследники поступали так же. Однако благодаря тому, что реформа была проведена людьми компетентными, она способствовала повышению административной эффективности центрального правительства во многих областях экономической, социальной и общественной жизни страны. В частности, лучше готовились законопроекты: в них учитывались как предварительно проведенные исследования, так и обсуждение технических аспектов готовящегося закона.

Главным творцом этой реформы министерств, а особенно межминистерской организации, был М. М. Сперанский. Ему же принадлежал проект учреждения Государственного Совета, который должен был, главным образом, заниматься контролем деятельности министерств и разработкой крупных законопроектов в масштабах империи. Государственный Совет был учрежден в 1811 году и, хотя он функционировал не так, как предлагал Сперанский, стал важным органом в правительственной структуре империи. Он состоял из трех отделов (экономика, законодательство, военные силы, т. е. армия и флот). Экономический и военный отделы были очень эффективными благодаря талантам их начальников - соответственно адмирала Мордвинова и генерала Арак-

чиева, которые превратили их в информационные центры и комитеты по составлению основных законопроектов. Однако пленарные заседания Совета, особенно после опалы Сперанского, который был в Совете первым Государственным Секретарем, играли чисто техническую, редакционную роль, состоявшую в том, чтобы оформлять тексты законов, не располагая ни малейшей инициативой, ни правом решающего голоса. Еще одна попытка найти успешно действующую институциональную форму, которая позволила бы координировать и планировать административную деятельность государства, не достигла своей цели. Этому помешали личные распри, соперничество между высшими сановниками и твердая решимость монарха не уступить ни крупинки своей самодержавной власти. Императора поддерживали правящие круги, которые усматривали для себя в личностной форме этой власти больше влияния, безопасности и привилегий. Такой тип власти не допускал образования партий и избавлял правящие сферы от необходимости искать поддержки вне своего узкого круга. С их точки зрения, новая административная структура упрочила и повысила роль бюрократии, которая, становясь все более профессиональной, вставала между ними и государем.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ МЕСТНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

Значение предпринятых Александром I мер обуславливалось также тем фактом, что они были связаны с переустройством местной администрации. Преобразование центральных учреждений не превратило их, как это произошло в результате реформ Петра I, в структуру, существующую в вакууме, ни на что не опирающуюся, не достигающую своих целей и не связанную с местными

условиями и нуждами страны. Разумеется, и в правление Александра I связи между центром и провинцией не были такими тесными и обоюдными, как требовалось бы для их эффективности. Но были заложены основы лучшей и более исправной системы путей сообщения. Несмотря на свой упадок при Николае I, она стала предварительным условием и важнейшим инструментом реформ местной администрации, проведенных Александром II.

Большим нововведением Александра I было закрепление губернских правлений, созданных Екатериной II, за министерствами, а не за Сенатом, как это было прежде. Губернское правление являлось штабом губернатора. Каждый из членов этого правления (все чаще это были профессиональные чиновники, относительно специализированные) занимался той или иной отраслью административной деятельности (сбором налогов, отправлением правосудия, торговым надзором, охраной общественного порядка и т. д.). Они прямо зависели от соответствующих министерств, в то время как губернатор отдавал отчет лично государю. Из-за того, что губернатор мог входить в прямые отношения с монархом, власть и компетенции начальников департаментов (налогов, казны и пр.) уменьшались. При энергичном губернаторе, обладающем влиянием в Санкт-Петербурге, подчиненные становились просто мелкими служащими; зато тот же губернатор располагал теперь средствами управлять делами своей губернии с помощью опытных людей, под контролем специализированных и компетентных министерств. Становилась возможной некоторая административная децентрализация, оставлялось больше свободы местной инициативе и автономии; это было необходимо для смазки механизма и сообщения большей гибкости управлению, которое, в результате, лучше приспособлялось к своим задачам. В общем, реформа могла послужить

основой для областнической политики, которая методично и безотлагательно будет проводиться в первой половине XIX века, по крайней мере, на отдельных окраинах империи, таких, как Сибирь, Финляндия, Кавказ.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ МЕРЫ

В экономическом и социальном плане правительство Александра I шло по пути, проложенному Екатериной II: задачей оставалось создание благоприятных условий для того, чтобы общество было способно к динамическому развитию производства. С одной стороны, администрация поощряет частную, индивидуальную инициативу, оказывает помощь предпринимателям, какого бы происхождения они ни были. Это происходит отчасти под влиянием идей Адама Смита и экономического либерализма, который в Западной Европе стоит на пороге превращения в социально-экономическую идеологию. В эту политику входит также поддержка, оказываемая учреждению частнопредпринимательских группировок, ассоциаций, стремящихся стимулировать экономические начинания и экономическое развитие. С другой стороны, сознавая слабость экономического потенциала (например, отсутствие капиталов) и скудость средств управления, которыми располагало русское общество, государство субсидирует и поощряет промышленное и торговое развитие в масштабах империи. Именно этим порожден протекционизм, особенно после 1815 года. Этот прагматический компромисс между этактистскими концепциями камералистики и экономическим либерализмом, возможно, был лучшим средством ускорения материальной модернизации страны.

Эта политика действительно принесла свои плоды. Об этом свидетельствует как быстрый рост текстильной промышленности - предварительное условие для полной индустриализации, - так и разработка сырьевых ресурсов. Машиностроение, напротив, развивается слабо, отчасти потому, что ввоз машин из Англии тормозил российское производство: спрос на них был еще довольно слабым. Эта же относительно либеральная политика облегчила быстрое восстановление страны после убытков, понесенных в 1812 году, - благодаря участию крестьян-предпринимателей, которые поставляли транспорт, сырье и необходимую рабочую силу. Это позволило вскоре самым динамичным элементам из народа, особенно старообрядцам, организовать сеть кредита и путей сообщения, которая, в свою очередь, способствовала быстрому развитию некоторых отраслей промышленности, производящих предметы широкого потребления (хлопчатобумажные ткани, предметы обихода), что являлось необходимым условием старта индустриализации в крупных масштабах одно или два поколения спустя. И, что особенно важно для нашего рассмотрения, все это расширяло поле деятельности частных лиц. Благодаря общей деятельности завязывались связи солидарности, создавались объединения - и всё для пользы дела. Гражданское общество могло таким образом развиваться в направлении защиты конкретных материальных интересов, чем дополнялось развитие культурной и умственной жизни. Однако то, что было посеяно в первой четверти XIX века, принесло свои плоды только в его конце и начале XX-го.

Не надо забывать, что существование крепостного права оставалось если не непреодолимой, то, по крайней мере, очень серьезной преградой для подлинной социально-экономической модернизации. Уже Екатерина II, как

мы это упомянули, серьезно подумывала дать крепостным, хотя бы государственным, возможность активно содействовать экономическому развитию. Как показывают недавно собранные данные, это было одной из ее постоянных забот, но политические и социальные ограничения не позволили ей пойти этим путем. Указ Павла I, ограничивающий барщину, идет в том же направлении: государство, государь должны улучшить крестьянскую судьбу, притом по социально-экономическим причинам, а не из филантропического духа, хотя и этот дух сыграл свою роль благодаря "Путешествию из Петербурга в Москву" Радищева и нравоучительным сочинениям Фонвизина, Новикова и Крылова. Как бы то ни было, Александр I вместе со своими "молодыми друзьями", составлявшими Неофициальный комитет, занялся этим вопросом сразу после восшествия на престол. Как всегда, шли поиски двустороннего решения: как, с одной стороны, улучшить административное и экономическое положение государственных крестьян и не дать им попасть в руки помещиков, когда государь дает им наделы; с другой - разрешить помещикам давать вольную их крепостным, а самим крепостным - заключать с хозяином соглашение или контракт, обеспечивающий им средства к существованию и личную свободу. Что касается первого пункта, то Александр перестал одарять дворян "заселенными" землями. Впредь, желая наградить своих верных слуг и любимцев, монарх наделял их лишь арендой некоторых "заселенных" территорий. Их собственностью были только доходы с этих владений - право собственности на землю и крестьян оставалось в руках государства. Было запрещено объявлять о продаже крепостных в печати, хотя это запрещение никогда по настоящему не соблюдалось. Улучшение управления государственными крестьянами - отправная точка улучшения

их материального и социального положения - только началось при Александре I благодаря инициативе Сперанского. Окончательный акт был разработан и вступил в действие два десятилетия спустя, при Николае I, когда он создал министерство государственных имуществ, чтобы дать стимул материальному прогрессу крестьян и надзирать за ним.

Законным образом существовали возможности частного соглашения между хозяевами и их крепостными. Указ 1803 года, создавший "вольных хлебопашцев", остался символическим жестом, и никто им серьезно не воспользовался. В том же духе между 1816 и 1819 годами остзейские помещики, принадлежавшие в основном к немецкому дворянству, добились раскрепощения своих крестьян без предоставления им земли. Таким образом, остзейские губернии являли картину крестьян, свободных по закону, но еще тяжелее экономически угнетаемых помещиками, ибо никто другой не мог предоставить крестьянам оплачиваемую работу. Этот урок пошел на пользу русскому правительству и обществу; начиная с двадцатых годов все планы раскрепощения крестьян сходились в одном: крестьян надо освобождать с землей, чтобы обеспечить им минимальные средства к существованию.

НЕОБХОДИМОСТЬ СВОДА ЗАКОНОВ

Наше короткое описание экономических и социальных мер послужило выявлению той движущей силы, которой с этого времени должны были стать отношения собственности и отношения между частными лицами, основанные на их материальном достоянии. Мена, продажа, права на земельную собственность и на труд, выполняемый чу-

жими руками, модернизация и поощрение производства - все это нуждалось в ясных юридических нормах и в регламентации отношений как между людьми, так и между людьми, с одной стороны, и их собственностью - с другой. Короче говоря, как по теоретическим, так и по практическим причинам вставала необходимость создания всеобъемлющей системы права, составления настоящего кодекса. Было ясно, что такой кодекс не обязательно должен охватывать государственное или конституционное право, - его можно было ограничить регламентацией частных и материальных отношений. Прусское, австрийское, тосканское законодательство и, с точки зрения методики, особенно важный Кодекс Наполеона могли послужить образцом. Их пример подчеркивал (если это нуждалось в подчеркивании), что можно провести кодификацию, не меняя ни общество, ни иерархические отношения внутри него и не подвергая сомнению политическую систему.

Итак, в первые десятилетия XIX века были созданы комиссии для кодификации русского права. Это не было ново - достаточно упомянуть опыт Екатерины II и Комиссии по Уложению. Но методы, употребленные в данном случае, были новы. Перед законодательными комиссиями XVIII века стояла в основном задача собрать воедино законы обычного права и, по возможности, сделать их сокращенное изложение для нужд преподавания и отправления правосудия. Комиссия, собранная Александром в самом начале его царствования и много раз заново созываемая (из-за вызванного ею противодействия самой знаменитой стала комиссия под председательством Сперанского, 1809-1812), действовала иначе. Она вознамерилась составить новый, всеобъемлющий кодекс, основанный на принципах, разработанных за границей, учитывающий не только существующие русские правовые

традиции и законы. Здесь не место критиковать этот метод, обратить внимание надо на его новизну и дух рациональной и радикальной конструктивности. Вместо того, чтобы собрать действующие законы и обычаи и создать из них практичную и полезную компиляцию, приступили к выработке новых правовых норм. Конкретно этот метод состоял в копировании существующих современных кодексов, в особенности французского Гражданского кодекса. Попыток применения такого кодекса не было, что, может быть, и к лучшему. Однако отсюда был извлечен важный урок: стала ясна необходимость ввести правовые нормы, попытаться сформулировать принципы юридической системы, дающей рамки и направление усилиям по обновлению и модернизации общества и его экономики. Эта точка зрения направляла позже, при Николае I, работу по кодификации, проводившуюся вновь под руководством Сперанского. Эта работа привела к ценнейшим конкретным результатам (Полное собрание законов 1832 года и Свод законов 1835 года); однако логическим увенчанием этих трудов не стало издание полного кодекса, всеобъемлющего и пригодного для практического пользования. Российская Империя так и не обзавелась подобным кодексом.

СОПРОТИВЛЕНИЕ ПОЛИТИКЕ РЕФОРМ

Политика реформ, хоть они и были весьма скромными, наталкивалась на немалое сопротивление. Прежде всего, что легко было предвидеть, под влиянием бывших сановников Екатерины II, живущих в Москве на полуссылном положении со времен Павла I, консервативные круги почитали реформаторское рвение Александра I неуместным, а предпринятые им меры - неприемлемыми для Рос-

сии. Эти круги находили поддержку в Сенате, большей частью состоявшем из старых чиновников и сановников XVIII века, которые считали, что значению и центральной роли Сената угрожают новшества, заимствованные у французского рационализма, пагубные революционные результаты которого доказаны событиями. Хотя консерваторы и говорили по-французски в своих салонах, воспитаны они были в интеллектуальных традициях немецкого Aufklärung и камералистики, и их влекло к образу жизни и политическим ценностям английской аристократии - вигов. Так как большинство консервативных оппозиционеров состояло в Сенате, они возложили на него все свои надежды и рассчитывали, что Сенат поможет им осуществить собственные проекты и реформы.

СЕНАТ

Можно поставить вопрос: почему в течение всего XVIII века (и на заре XIX-го) Сенат был символом реформ и местом объединения всех тех, кто надеялся на преобразование политического и административного устройства, не желая при этом радикальных перемен в обществе? И почему Сенат стал очагом консервативной фронды, которая, казалось, хотя бы негласно осуждает реформы Петра Великого и стремится вернуться к более традиционному, менее динамичному политическому стилю самодержавия? Сенат, в конце концов, был главным детищем самого Петра, и первые члены его олицетворяли новаторский динамизм, а не реакционный консерватизм. Этой загадке я предлагаю два объяснения. Прежде всего, в XVIII веке Сенат был не только имперским учреждением, которое сконцентрировало в своих руках всю

действительную административную власть, но и органом, воплощавшим преемственность системы, созданной Петром. Даже в короткие мрачные периоды все нити административной деятельности сходились в Сенате, он обеспечивал исправное функционирование административных органов, несмотря на постоянную карусель смены государей и их временщиков во главе империи. Он также обладал одной из основных привилегий петровского государства - назначением и продвижением по государственной службе как военной, так и гражданской. Это значит, что он контролировал все служилое дворянство, все документы о котором находились в Герольдии, прямо зависевшей от Сената. Тот факт, что Сенат понемногу возвел себя в положение верховного суда и высшей кассационной инстанции (за исключением последней надежды - прощения на имя государя), давал ему большой моральный и политический престиж.

Труднее разобраться во втором типе причин - тех, которые связаны с выполнявшейся Сенатом функцией преемственности. По-видимому, в силу своего состава Сенат благоприятствовал первостепенной роли кланов (или больших семей), которые традиционно управляли судьбами страны. Недавние исследования хорошо показали, что большинство членов Сената были связаны узами родства или свойства; в целом же, доминировал узкий круг нескольких больших семей. Так как многие места в Сенате, особенно в царствование Екатерины II, занимали бывшие высшие чиновники и сановники, наполовину ушедшие на покой, Сенат был, по самой своей сути, консервативным и символизировал преемственность системы, несмотря на колебания текущей политики. Одним словом, Сенат был единственной административной организацией, обладавшей также и политическим весом, ибо он воплощал институциональный характер системы, уста-

новленной Петром Великим, и обеспечивал ее преемственность на будущее.

Именно в этом состояла цель тех, кто сопротивлялся реформам Александра I: институционализировать ведущую роль Сената и сенаторов, набравшихся из среды самых видных семей и кланов империи, чтобы противодействовать тираническому, произвольному, рационалистическим поползновениям молодых советников императора, которые могли привести к предоставлению первостепенной роли набравшимся из разных кругов чиновникам, которые, в свою очередь, были бы лишь слепыми и глухими орудиями императорского деспотизма. Парадокс сенатской концепции консерваторов, этих традиционалистов, которые всегда ставили ударение на личностном характере власти в России, состоял в том, что они стали глашатаями институционализации верховной власти, которая в конце концов подорвала бы личную власть самодержца и заменила бы ее строго определенными, устойчивыми правилами и институционально гарантированными законами.

Детали проектов разработки такой реформы, направленной на смену направления политического развития режима, нас мало волнуют. Достаточно упомянуть, что большинство этих проектов, как бы они ни расходились в деталях, ставили своей целью превратить правящий Сенат в некий "парламент" - на манер Парижского парламента до революции 1789 года, обладавшего правом регистрации и критики законов и эдиктов, или английской Палаты лордов. Преобразованный Сенат принял бы в свои ряды небольшое число представителей высшего губернского дворянства, а также представителей торговой и культурной элиты с правом совещательного голоса. Невозможно предсказать, какую роль сыграл бы такой Сенат в преобразовании самодержавного характера им-

перской власти и сколько времени на это ушло бы. Но можно, не опасаясь впасть в преувеличение, сказать, что "сенатская партия" (термин, вероятно, неподходящий для определения того, что объединялось лишь желаниями и общностью позиций разнородной группы с расплывчатыми очертаниями) воплощала олигархический конституционализм по образцу английской аристократии (вигов) эпохи первых королей Ганноверской династии или французской парламентской оппозиции накануне революции 1789 года. Молодые советники Александра I и сам государь, напротив, придерживались слегка модернизированных форм просвещенного абсолютистского государства.

ДВОР

Вторым - явно второстепенным - очагом сопротивления политике молодого императора и его друзей был двор. Можно различить при дворе несколько разных кругов. Прежде всего, круг вдовствующей императрицы, матери Александра, которая не простила смерти своего мужа и обладала большим влиянием, занимая пост председательницы богоугодных заведений. Существовал также фрондёрский - антифранцузский и антибонапартистский - "малый двор" сестры Александра I, великой княжны Екатерины, которая была замужем за принцем Ольденбургским, тверским генерал-губернатором. Наконец, заговорщики 1801 года, которым их злодеяние не принесло ожидаемых выгод. Мы упоминаем эти детали, чтобы показать, что нельзя говорить о едином и однородном официальном establishment'e. Эти различные соперничающие группы, возглавляемые теми или иными влиятельными лицами, являлись также центрами куль-

турной жизни и, таким образом, способствовали формированию и направлению общественного мнения, то есть идей и умонастроений просвещенного меньшинства.

Оппозиционные течения, которые мы упомянули, проявлялись в основном до французского вторжения. Вторжение и война примирили большинство оппозиционеров, еще остававшихся в живых, с патриотической политикой и дипломатическими успехами Александра I. Однако оппозиционные тенденции не прекратили своего существования, и мы к ним еще вернемся. Здесь достаточно сказать, что после 1815 года, когда общество осознало, что ни вспышка патриотизма, ни победы над Наполеоном не привели к общей коренной либерализации системы, оппозиция захватила все общество, став, быть может, более дробной. Недовольные сначала упрекали Александра в апатии: он, казалось, все больше забрасывал внутренние российские дела, погружаясь в мистические мечтания и отсталую религиозность дурного тона². Но в то время как император еще оставался довольно популярен, главным объектом всеобщей критики, недовольства и прямо ненависти стал его фаворит и главный министр А. Аракчеев. Друг детства императора генерал Аракчеев был в гатчинские времена товарищем и правой рукой наследника, от него заимствовал и усвоил милитаристский дух. Аракчеев был талантливым организатором, немало сделавшим для подготовки русской армии до 1812 года, и в то же время карьеристом, фанатически преданным Александру, которому он безоговорочно во всем подчинялся. Его грубые манеры и ограниченный ум отталкивали образованных светских людей и всех тех, в ком горела искра идеализма, патриотизма и преданности общественному благу. Отметим мимоходом, что Аракчеев был последним временщиком того типа, какими их знала Россия XVIII века. Это выглядело анахрониз-

мом, который образованное общество XIX века воспринимало это как оскорбление своей политической и гражданской зрелости. После Аракчеева ни у одного императора не было политических фаворитов. У государей, разумеется, были их личные друзья, к сожалению, не всегда тщательно выбиравшиеся; но, несмотря на их влияние в частной жизни, они не располагали ни высшими административными должностями, ни общественной ролью, которой обладали временщики XVIII века или Аракчеев. Когда Аракчеев был устранен при вступлении Николая I на престол, государь остался один на один с общественной критикой и впредь был вынужден волей-неволей отвечать за все действия правительства. Несмотря на зачастую пагубное влияние, временщики служили громоотводом, сохраняли нетронутым восприятие власти, воплощенной в одном лице - отца-государя или матушки-государыни. В случае неудачи или катастрофы упреки доставались временщику, не задевая священного характера и благодетельного образа государя. После смерти Александра I государь остался одинок перед лицом критики. Императоры не всегда умели извлечь из этих новых обстоятельств политический урок - необходимый ради сохранения их авторитета и образа доброго царя, отца-благодетеля, арбитра социальных конфликтов. Впредь император был единственным, кто отвечал за все - за хорошее и за плохое. Больше нельзя было свалить вину на временщика, которого, в силу политической необходимости, подвергали опале, отправляли в ссылку или в заключение.

РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Однако вернемся к оппозиционным позициям и требованиям. Если они получили больше силы и значения, чем в XVIII веке, то это произошло благодаря тому, что им сопутствовало быстрое, энергичное, творческое развитие просвещенного гражданского общества в России. В правление Александра I оно прочно укоренилось и стало почвой, питавшей динамичный расцвет страны.

Течения политической мысли - как критикующие, так и обосновывающие установленный порядок - глубоко проникали в сознание верхов и начинали влиять на общественную жизнь империи. Именно в этой области правление Александра I оказалось особенно новаторским, особенно многообещающим, в то время как меры административного, экономического и даже социального преобразования, а также успехи в международной политике были недолговечны. Развитие же просвещенного гражданского общества оказалось непреходящим достижением и сыграло решающую роль в русской истории не только XIX-го, но и вплоть до XX века.

В отличие от предыдущего столетия, первая четверть XIX века характеризуется укреплением просвещенного гражданского общества вследствие его начинающейся "профессионализации". Умственная и художественная жизнь больше не находится в руках горстки любителей. Впредь все специализируется, все становится профессиональным, включая - и это огромное новшество - главное занятие верхов, государственную службу. Трудно определить, что было причиной формирования гражданского общества, не совпадающего с административным, военным и придворным establishment'ом, - специализация государственной службы или профессионализация умст-

венной жизни. Они, несомненно, друг друга дополняли и усиливали взаимное влияние.

ПРОСВЕЩЕНИЕ

В правление Александра I умственная жизнь специализируется и профессионализируется благодаря общественным учебным заведениям, которые с этого времени считаются условием *sine qua non* образования и получения общей культуры. Частное, семейное преподавание не исчезает, но роль личного (или общего для нескольких детей) наставника значительно уменьшается. В общественные (хотя и с очень строгой политикой приема) заведения посылает детей даже богатое дворянство. Это движение было начато созданием в конце правления Екатерины II Благородного пансиона при Московском университете. По его окончании молодые люди из хороших семей поступали прямо в университет. Следовательно, программа пансиона должна была быть сравнительно строго разработанной, хотя при выходе они не получали никакого аттестата или диплома. Столь же важно, что пансион, а затем университет обосновывают достойное существование - в рамках ли государственной службы или вне их - умственной жизнью и серьезным образованием. Эта эволюция усиливается благодаря созданию новых университетов (или обновлению старых), которые несут тот же дух и те же обычаи в губернские города. Многие бывшие ученики Благородного пансиона поступают в Московский университет или едут за границу для пополнения своего специального, профессионального образования в социальных и гуманитарных науках (естественные науки еще играют второстепенную роль). Большинство тех, кто сыграл главную роль на интеллек-

туальной и литературной сцене русской жизни начала XIX века (Тургенев, Батюшков, Мерзляков, Кайсаров и пр.), учились в Московском университете, некоторые получили юридическое и историческое образование в немецких университетах, в частности, в Гёттингене - у старика Шлецера и его сына. Казанский, Харьковский, Дерптский и совершенно обновленный Виленский университеты последовали примеру Московского и обеспечили формирование провинциальной умственной аристократии.

В том же направлении лежит создание новых учебных заведений, дающих более специальное и обстоятельное образование будущим чиновникам. Знаменитый Царско-сельский лицей, созданный, по первоначальному замыслу, для того, чтобы у младших братьев Александра были товарищи по учебе, стал в конце концов во второй половине его царствования питомником высших чиновников и государственных советников и активным центром интеллектуальной и литературной жизни столицы. Однако учениками лицея в большинстве были дети видных, обычно богатых семей, которым незачем было делать строго профессиональную карьеру. Царскосельский лицей больше всего обязан своей известностью и репутацией тому, что в нем учился Пушкин. Но он не был единственным в своем роде.

У других школ и лицеев были более скромные средства и цели, но еще более профессиональные программы - лицей Безбородко в Нежине (среди учеников которого был Гоголь), Демидовский лицей в Ярославле, дававший правоведческое образование; а позже и другие специализированные школы (Училище правоведения, Военно-медицинская академия), поставленные под опеку государства. Надо также упомянуть модернизацию учебных программ духовных академий и семинарий. Благодаря

высококачественному и строгому образованию, хорошо сочетавшему преподавание традиционных предметов (классических языков, риторики и логики) с преподаванием современных научных дисциплин (физики, естествознания, иностранных языков), духовные учебные заведения подготовили научные кадры середины и второй половины XIX века; из их стен вышло большинство ученых и университетских профессоров как естественников, так и гуманитариев, а также многочисленные чиновники и литераторы.

Неудивительно, что в этих условиях правительство изменило свой взгляд на государственную службу и наметило ее специализацию. Административная деятельность становилась все более сложной, уровень знаний и общей культуры, требовавшийся от чиновников, постоянно рос. Управление делами более сложного и динамичного общества, верхние слои которого становились все более образованными, требовало хорошо подготовленного персонала (*mutatis mutandis*, то же происходило и в военной администрации, которая все больше специализировалась и все четче отделялась от гражданской администрации). Просвещенный любитель и малообразованный, умственно ограниченный мелкий дворянин, заставлявшие работать государственную машину после Петра Великого, уже не годились правительству Александра I.

Делая логические выводы из такого положения вещей, следуя советам Сперанского (который сам получил образование в духовной академии), правительство издало законы 1809 года, по которым для продвижения на высшие ступени лестницы требовался определенный уровень знаний, подтвержденный дипломом или экзаменами. Законы 1809 года подняли целую бурю протестов, вследствие которых они были частично изменены, частично

смягчены. Но, в противоположность бытующему мнению, они не были отменены и применялись строго последовательно. Одним поколением позже минимальное образование, зафиксированное этими законами, стало требоваться для продвижения по службе выше должности писца. Продвижение по службе слишком старых, слишком ленивых и вялых чиновников старого поколения было остановлено, и они стали теми патетическими чинушами, которых с юмором и грустью описывал Гоголь и с несколько большей симпатией - Достоевский³. Других, составлявших большинство, законы 1809 года заставили получить хоть какие-то познания, которые превращали государственную службу в удел "специалистов". Социальные и политические последствия этого мы рассмотрим дальше.

Но еще более замечательно и еще более важно то, что в первые десятилетия XIX века, независимо от учебных заведений и университетов, расцвела профессиональная умственная жизнь. Общество - разумеется, его верхушка, хотя и тут время от времени встречаются представители низов, - с энтузиазмом предалось умственной и "академической" деятельности. Параллельно университетам, лицеям и т. д. создавались культурные общества и объединения страстных любителей древностей. Эти начинания нередко были результатом частной инициативы, обходились без покровительства государства и предпочитали уклоняться от его контроля. На средства частных лиц были основаны библиотеки, музеи и учебные кафедры. Мы уже упоминали Безбородко и Демидова, рядом с ними стоит Румянцев, основатель московской публичной библиотеки (Румянцевский музей, ныне библиотека им. Ленина), которая быстро стала центром активной библиографической, научно-исследовательской и издательской деятельности. Университетские кафедры

Москвы, Харькова и Казани многим обязаны частной инициативе и частным фондам. По инициативе частных лиц были организованы также литературные и ученые общества, и некоторым из них предстояло просуществовать долгие годы. Все это свидетельствует об интересе русского общества к культурной жизни, и все эти начинания заложили основы гражданского общества в этой особой области общественной жизни.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ФИЛОСОФСКИЕ КРУЖКИ

Эволюция, которую мы очертили, была результатом одной очень важной особенности русской культурной жизни, последствия которой будут сказываться в течение всего XIX века. Речь идет о литературных и философских кружках, основанных молодым поколением, в рамках которых проходило умственное и духовное развитие этого поколения. Мы упоминали выше о кружках, созданных в XVIII веке идейно передовыми педагогами и попечителями Московского университета и Кадетского корпуса. Этот пример не был забыт - наоборот, после мрачных лет царствования Павла I он был подхвачен с новым энтузиазмом, притом в частном порядке и совершенно ином духе. К 1800 году юношеские кружки были не просто "клубами", делавшими жизнь университета и Кадетского корпуса более приятной и полной развлечений. Но они в то же время не ставили перед собой задачи поделить достижениями и благами европейской цивилизации с более широкими кругами русского общества, соприкасающимися с государством. На заре XIX века, когда образованное юношество создавало кружки, оно хотело, чтобы они оставались полностью закрытыми, и стремилось к расцвету духовной,

художественной (или литературной) и умственной жизни только в своем кругу, среди членов этих кружков. Молодость участников, их склонность к умилению, во многом заимствованная у модных в Западной Европе сентиментализма и романтизма, делала эти кружки средоточием задушевной близости и любовной дружбы, которые играли главную роль в становлении личности их членов. Кружок вскормил самых развитых представителей русского юношества, здесь они открывали свои этические и интеллектуальные принципы, отсюда почерпнули свои духовные и социальные идеалы. Эти столь же личные, сколько духовно-нравственные привилегии имели, несомненно, и свою дурную сторону, приводя к изоляции и замыканию в себе. Участвуя в таких кружках, молодые люди оставались отрезанными и отчужденными от русского общества; все в них восставало против забот материального порядка и официальных сторон жизни страны. Отъединяясь, замыкаясь в своем кругу, они все еще были не в состоянии выполнять конструктивную и динамичную роль в развитии общества. Критикуя недостатки системы и протестуя против несправедливостей окружающей жизни, они проявляли высокое моральное достоинство и могли служить примером. Но, за редкими исключениями, они не сумели влиться в общественную жизнь и жили в замкнутом мире творческой мысли, легко впадая в соблазн идеологии, то есть выработки словесной реальности, которая заменяла действительную и которую они принимали за единственно возможную.

С другой стороны, кружки распространяли новейшие европейские формы мысли и духа. Так в начале XIX века государство перестало быть единственным носителем западных идей, концепций и методов и потеряло монополию, которой обладало со времен Петра Великого. Отбор и

приятие этих пришедших с Запада идей стало впредь делом кружков. Неудивительно, что в 1800-1820 годах это идеалистическое юношество, укрепившееся в своей духовной изоляции, было особенно восприимчиво к романтическим чувствам и идеям, а в двадцатых-тридцатых годах XIX века увлеклось метафизикой, эстетикой и философией истории, с их гностическими стремлениями, порожденными немецкой натурфилософией и философским идеализмом. Французский рационализм и английский эмпиризм остались на заднем плане интересов, забот и увлечений этой молодежи; по социально-психологическим причинам в течение всего XIX века каждая очередная молодая русская элита неустанно пребывала в состоянии увлеченности, замороженности приходившими из Германии историографией, философской антропологией и *Wissenschaftslehre*. Но до тридцатых годов, подчеркнем, кружки не ставили идеологических целей, они просто служили духовно-эстетическому обогащению своих членов и тем способствовали творческому кипению умственной жизни в России, вне рамок государственной службы и двора.

ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА

Интеллектуальные круги сплывались в горниле жизни общества - в частности, светской жизни. Она перестала быть привилегией высшего общества, избавилась от условностей этикета. В XVIII веке светская жизнь протекала при дворе, в официальных резиденциях влиятельных сановников, реже на местах постоев полков, после 1775 года - во время губернских дворянских выборов. С приходом к власти Александра I она становится частной - впредь она будет протекать в частных сало-

нах или клубах (например, в Английском клубе в Москве и Санкт-Петербурге). Для многих клуб был просто поводом развлечься (здесь играли в карты, танцевали и т. п.), но он объединил и людей с более возвышенными умственными стремлениями. Так, Чаадаев был завсегда-таем московского Английского клуба, где устраивал приемы. Клуб был местом обмена идеями и сведениями о том, что происходит в литературе и искусстве, в нем можно было встретить знаменитых путешественников.

Вновь разрешенные Александром I масонские ложи, помимо благотворительной деятельности, которая уже не была их основным занятием, как в XVIII веке, становятся местами конфиденциальных встреч, привлекая представителей светского общества, стремившихся высказать нравственную и социальную критику по адресу существующего строя. Вернувшись с полей сражений 1812-1815 годов, молодые офицеры по примеру Тугендбунда пытаются основать в гарнизонных городах и столицах дружеские общества, цель которых - подготовить своих членов к принесению общественной пользы в духе, сходном с духом дружеских объединений Новикова в XVIII веке. Короче говоря, принимая все более разносторонние формы, жизнь общества откалывается от правительственного establishment'a: представители светского общества состоят в различных объединениях и выполняют в них различные функции. Все способствует созданию гражданского общества, отделенного от правительства и двора; институциональные рамки, в которых протекает жизнь общества, позволяют ему осознать общность своих интересов и интеллектуальное родство и добиваться активной роли в открытой общественной жизни империи.

Война с Наполеоном была решающим фактором, так сказать, катализатором, который позволил граждан-

скому обществу проявиться и укрепиться. Патриотический порыв, поднявший дворянство, в первую очередь провинциальное, и призыв императора делом и достоинством участвовать в борьбе с захватчиком объединили дворянство в общем деле, в рьяном стремлении активно содействовать спасению родины. Многие пошли в армию добровольцами и в этом заново открыли для себя общественную пользу и общественное призвание. Другие постарались принести пользу, собирая из своих крестьян народное ополчение и командуя им или же организуя обозы и мешая снабжению захватчика.

Еще более важным для светских юношей стал тот факт, что они обнаружили общность своих интеллектуально-художественных интересов и культуры, даже при различии уровня знаний. Если верить дневнику А. Чичерина, впервые эти молодые люди осознали, что не каждый из них в одиночку стремится к активной духовной жизни и самопожертвованию на благо родины⁴. Война дала им возможность выйти из своей провинциальной, школярской изоляции и завязать контакт с себе подобными. Тем, кто выжил (к несчастью, с Чичериным судьба распорядилась иначе), дружба, выкованная на поле брани, дала стимул создавать клубы и общества и стремиться к общественно-полезной деятельности.

Эта деятельность привела гражданское общество в движение и способствовала прояснению его сознания после 1815 года. Небезынтересно отметить (основываясь на воспоминаниях Ф. фон Шуберта⁵), что представители двуязычной и "двукультурной" элиты из экономических и бюрократических русско-немецких кругов Санкт-Петербурга тоже сделали подобное открытие. Благодаря этому окрепли их связи с русским высшим обществом и верность империи.

ОТКРЫТИЕ НАРОДА

Быть может, еще более значительным было другое открытие, которое сделали представители высшего общества во время вторжения Наполеона и последовавшей за ним кампании в Европе. На первый взгляд, оно может показаться открытием давно известного, но это не так: они открыли для себя русский народ - крестьян и городских "маленьких людей", которые тоже участвовали в общей борьбе против захватчика. Мы не хотим рисовать здесь идиллическую картину этого открытия и "дружеских" отношений между дворянами и народом, якобы возникших в результате этого открытия. Действительность наверняка не была такой розовой и сентиментальной, какой ее изображают современники, и советские историки не устают это повторять. Но, тем не менее, остается правдой - и это-то и важно, - что привилегированная молодежь восприняла это как открытие и увидела в нем начало новых отношений с народом. Такая реакция и такой подход представляют для нас большой интерес, так как привели к самым важным историческим последствиям.

Открытие, о котором мы говорим, состояло в том, что в эти годы зримо обнаружилась человечность и патриотизм крестьян. Более того: обнаружилось, что эти простые, необразованные, часто неграмотные люди способны взять в свои руки инициативу, способны на конструктивную деятельность и самопожертвование, когда речь идет об их стране и благе их соотечественников. Дворянская молодежь начала сознавать, что народ может играть иную роль, если его поставить в условия, отличные от его повседневного удела в господских поместьях и сельских общинах. Это значило, что роль и функции высшего общества тоже должны измениться: их пред-

ставителям следовало отбросить свою позу превосходства, свой отеческий, сентиментально-покровительственный подход в слезливом стиле Радищева и Карамзина; поставить свое образование и приобретенные знания на службу народу, обеспечить его материальной и технической помощью, благоприятно влиять на его духовно-нравственное развитие. Тогда, идя по стопам новой элиты, народ сумел бы сам заниматься своими делами и приносить пользу, стал бы достоин доверия. Но высшее общество должно было также облегчить ему эту задачу, способствовать его быстрейшему развитию, разделив с ним свои идеи о том, как улучшить всю русскую жизнь. Вместо снисходительного патернализма и традиционного авторитета молодые патриоты хотели приобрести и использовать интеллектуально-нравственный авторитет, скромно и великодушно одарить народ своими познаниями и опытом других социально-экономических систем, другого образа жизни. Они думали руководить народом в роли старших братьев, а не в качестве требовательных и властных, хотя и доброжелательных, отцов, как это было в прошлом. Их чувства обращались не только к русским крестьянам; под влиянием новой романтической концепции национализма ревностно поклоняться национальной и народной культуре стало высшее и даже великосветское общество; даже в правящих кругах слышалась проповедь политики менее централизованной, более гибкой и более уважающей специфику, обычаи и традиции инородного населения, живущего на рубежах и окраинах империи. Это новое направление шло навстречу дипломатическим и военным требованиям, которые заставляли имперское правительство предоставить особый, "либеральный" статус новоприобретенным западным территориям, в частности Финляндии и Царству Польскому. Эти же идеи повлияли

на политику Санкт-Петербурга относительно управления Сибирью и Кавказом, хотя бюрократическая практика слишком часто шла вразрез с прогрессивными идеями и либеральными намерениями.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО СТРЕМИТСЯ К АКТИВНОЙ РОЛИ

В период между вступлением Александра I на престол и окончанием войны с Наполеоном "реформаторское" правительство и "гражданское общество", взятое в ограниченном смысле слова, т. е. как общественное мнение просвещенного меньшинства, желая активно участвовать в национальной жизни, испытывали ощущение - или тешили себя иллюзией - участия в общем труде ради будущего страны. Это ощущение гармонии привело к успешному сотрудничеству и общей деятельности во время нашествия Наполеона. Но оно же, это чувство глубокой гармонии между целью и средствами, побудило гражданское общество требовать для себя активной роли, в том числе роли общественной. После побед 1815 года гражданское общество не хотело больше довольствоваться тайными масонскими ложами, частными клубами и закрытыми литературно-художественными обществами. Оно хотело действовать открыто и трудиться на благо общества: расширять свой состав и готовить новые кадры. Прежде же всего, оно хотело, чтобы государство признало его новые функции, а народ сознательно принял их. Множество молодых людей имело возможность наблюдать и с завистью отметить гражданскую роль, которую играли в Германии после изгнания французов патриотические союзы; они также знали (а в некоторых случаях прямо познали на прак-

тике), что высшее общество Западной и Центральной Европы открыто участвует в политической и социальной жизни. Эти формы общественной жизни русское юношество хотело перенести в Россию. Для этого литературные общества должны были не ограничиваться больше дискуссиями о проблемах стилистики и эстетики, но послужить трамплином для мощных усилий по насаждению гражданственности. Их члены должны были взять в свои руки инициативу и руководство программой печатного распространения новых идей; активно участвовать в управлении страной в качестве добровольных специалистов и экспертов. В это направление вписываются различные проекты Николая Тургенева - одного из самых предприимчивых и образованных представителей молодого поколения. В широкой общественной деятельности Николай Тургенев видел преддверие проведения местных реформ по инициативе и при участии всего общества. Это реформаторское движение сопутствовало бы реформам, параллельно проводимым правительством в масштабах империи.

Идеи и концепции Николая Тургенева и других представителей этого поколения были осуществлены на практике в некоторых областях русской жизни. Например, состоящие на действительной службе офицеры приняли повышение культурного уровня своих солдат, организуя ланкастерские школы, что позволило довольно большому числу солдат получить начатки образования. С одобрения правительства было основано общество, направленное на проведение реформы уголовного права и улучшение положения в тюрьмах, а также организованы благотворительные учреждения и Библейское общество под покровительством императора. Молодые представители гражданского общества, участвуя в социальной деятельности, стремились также войти в состав местной

администрации и органов охраны порядка. Они надеялись благодаря этому оказать прямое влияние на разработку программы реформ, которые должны были перестроить русское общество и его экономику по западному образцу. Молодые члены литературных и гражданских обществ проникли в канцелярии генерал-губернатора и начальника полиции Санкт-Петербурга. Поэт и будущий декабрист Рылеев занимал важное положение в Русско-Американской компании, рассчитывая таким образом повлиять на торговую и колониальную политику империи. Наконец, видные представители просвещенной элиты заняли военные и гражданские служебные должности, которые они прямо использовали для осуществления стремлений гражданского общества, как, например, братья Тургеневы в министерстве внутренних дел, М. С. Лунин при великом князе Михаиле и т. д.

В последнюю очередь мы должны упомянуть еще об одном проявлении новой гражданской атмосферы, которым никак нельзя пренебречь: благодаря прессе и публичным лекциям основные вопросы устройства и преобразований общества обсуждались публично. Например, лекции юриста Куницына о естественном праве столь же привлекали все светское общество, как и активных представителей культурной элиты. В университетских диссертациях и академических изданиях был поднят вопрос о крепостном праве, его экономическом характере и его отмене. Политические системы, вопросы права и политической экономии стали предметом анализа и дискуссий в журналах и периодических сборниках. К этому надо добавить, что зарубежная печать (книги и журналы) довольно свободно проникала в Россию и находила здесь заинтересованного читателя, подготовленного к приятию ее идей. Следовательно, можно с полным правом говорить о "декабристах без декабря", то есть о

представителях просвещенного гражданского общества, стремившихся активно способствовать духовному и материальному прогрессу нации, не вступая при этом в тайные общества и не подымая знамя мятежа. Их ряды насчитывали не только таких выдающихся людей, как, например, П. А. Вяземский, М. Ф. Орлов, Николай Тургенев, но и неизвестных молодых членов многочисленных объединений, составлявших движущую силу гражданского общества. Судя по произведениям Грибоедова и материалам о жизни Пушкина и других писателей того же времени, круг этих "декабристов без декабря", или, иначе говоря, активных "диссидентов" был, должно быть, широк и блистателен.

Речь шла не только о том, чтобы гражданское общество участвовало в общественной жизни, а представители молодого поколения содействовали модернизации и материальному прогрессу империи. Столь же важно было изменить характер политической жизни страны, изменив природу и концепцию власти. Открыто вливаясь в общественную жизнь, гражданское общество надеялось заложить прочные основы институционализированной власти. На смену власти, по самой своей природе личной, своенравной и тиранической, осуществляемой самим государем или, еще чаще, его приближенными, должна была прийти институционализированная система уставов и законов, которая сделала бы Россию подобной настоящему "правовому государству". Так установился бы строй, при котором члены общества обладали бы гарантиями не только в отношении безопасности личности, карьеры, собственности и умственной деятельности, но и активного участия в управлении страной. Такая институционализация предоставила бы обществу, в частности его развитым и предприимчивым членам, большую независимость как в общественной, так и в

частной жизни. Так осуществилась бы вторая цель революции Петра: формирование энергичного и предприимчивого народа, свободно выступающего с начинаниями по оптимальному развитию ресурсов страны ради обеспечения всеобщего благополучия.

Парадокс (или противоречие) этой картины состоял в том, что она в слегка измененной форме воспроизводила традицию лично воплощаемой власти. Но не в этом ли дилемма всякой культурной элиты, всякой интеллигенции, даже до ее тотальной идеологизации? В этом смысле можно сказать, что русское гражданское общество перенимало практику "рационального конструктивизма" просвещенной абсолютной монархии, которую в России динамически воплощал Петр Великий.

Но, как и во времена Новикова и Екатерины II, правительство Александра I положило конец этому движению. Император возобновил ту политическую линию, которую сам осуждал в царствование своего отца, оставил унаследованные от Екатерины усилия по установлению атмосферы согласия и взаимопонимания между государством и просвещенным гражданским обществом, то есть общественным мнением. То, что принято называть политикой реакции, наступившей после 1815 года, вне зависимости от особенно жестокой роли Аракчеева, состояло как раз в запрещении и преследовании всех гражданских организаций, игравших полезную роль в какой бы то ни было области (просвещение, литература, благотворительность и т. д.). Разрешались, и то под строгим полицейским надзором, только чисто частные объединения - такие, как салоны и частные литературные кружки. Но для них было запретным само желание вторгаться в общественную жизнь, организация и управление которой остались монополией правительства.

ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА. МЯТЕЖИ

Не что иное, как упрямое стремление правительства помешать молодому поколению в осуществлении его надежд на гражданскую деятельность толкнуло молодых людей к учреждению тайных обществ по образцу карбонариев и военных заговорщиков в Италии и Испании. А тайное общество требует политической программы - теоретической и практической. Действительно, куда годится общество заговорщиков без представления о том, что вредит благу страны и что ради этого блага необходимо. Однако наличие теоретической и практической программы, в свою очередь, логически требует выработки более или менее полного мировоззрения, способного объяснить существующее положение и указать путь подготовки будущего. Неудивительно, что организаторы и руководители созданных около 1820 года тайных обществ посвятили много энергии и сил разработке такой системы, некоей "протоидеологии".

Но для России того времени столь же характерен факт, что они так и не сумели сформулировать цельной и всеобъемлющей идеологии. За одним исключением: Павел Пестель, основатель Южного общества, создал упорядоченную программу якобинского типа, иначе говоря, радикальную идеологию. Своей последовательностью и радикальностью идеи Пестеля оставили неизгладимый след в истории русской общественно-политической мысли. В других тайных обществах идеология была лишь зачаточной, хотя некоторые программы при благоприятных условиях могли бы стать отправной точкой для политики реформ.

В момент смерти Александра I, воспользовавшись замешательством, которое вызвал еще не урегулированный вопрос о престолонаследии, 14 декабря 1825 года

(отсюда данное им имя декабристов) в Санкт-Петербурге члены тайного Северного общества вышли на Сенатскую площадь, пытаясь произвести государственный переворот, а несколько позже тайное Южное общество развязало ряд мятежей в армейских частях на Украине. Правительство - кстати, без особого труда - подавило эти мятежи и арестовало, а затем передало суду всех вожаков. Это было, действительно, первым проявлением потенциального радикально-революционного движения; его провал и участь его вождей привели к своего рода промежутку в интеллектуально-политической эволюции образованных кругов. Тесная связь вождей декабристов с попытками гражданского общества после 1815 года вести эффективную общественную деятельность на благо страны, короче говоря, с надеждами 1815 года и глубоким чувством неудовлетворенности вследствие аракчеевской реакции, была настоящей причиной возникновения тайных обществ и неудавшейся попытки государственного переворота в декабре 1825 года. Большинство декабристов были слишком молоды для действительной службы в 1812-1815 годах и происходили не из высших кругов, поэтому у них не было прямых контактов и опыта личного общения с Западом⁶. Но они шли на смену верхушке гражданского общества и были сформированы вышеописанными течениями. Они были, если можно так выразиться, "младотурками" до появления этого термина, предшественниками всех тех младших офицеров, которые позднее стали авангардом всех националистических и антиколониальных революций XX века в "слаборазвитых" странах Азии и Африки.

Проявился ли в потерпевшем поражение мятеже 1825 года действительно наступивший разрыв между просвещенным меньшинством и государством? Между гражданским обществом и правительством царя-самодержца? Это

часто утверждалось. Лично я в этом сомневаюсь. Гражданское общество, насколько оно существовало в России, не порвало своих связей с государством (да и могло ли оно это сделать?). Их сотрудничество, напротив, продолжалось и в каком-то смысле даже стало успешней. Об этом мы еще будем говорить. Тем не менее, 14 декабря 1825 года знаменовало конец попыток просвещенного меньшинства завоевать для себя общественно-полезную роль. С этих пор социальные, экономические и административные вопросы будут обсуждаться *in camera*. Все практические решения будут предлагаться и осуществляться исключительно бюрократией без какого бы то ни было участия общественного мнения или общества. И именно в силу того, что оно уже отведало гражданской жизни, в силу того, что достаточно широкий круг людей получил доступ к умственной жизни и существовала общественная трибуна, общество восприняло последовавшие за декабрьским восстанием 1825 года репрессии как резкий возврат к деспотизму. Отчуждение было посеяно - урожай взойдет позже, когда усилия государства не принесут результатов, на которые оно рассчитывало. Между тем, у общества были свои мученики - память о них не позволяла забыть о поражении и питала надежды. Общество временно замкнулось в себе; интеллектуальная и культурная жизнь стали частным делом; единственной оставшейся формой сотрудничества с правительством было сотрудничество в личном плане или по случаю технических экспертиз.

Глава 6

РЕЖИМ НИКОЛАЯ I

Подавив восстание 14 декабря, правительство молодого императора энергично взяло в руки управление страной. Государство полностью подчинило себе управление всеми сторонами жизни империи и поставило их под строгий контроль. Это подразумевало двойную политику: с одной стороны, негативную, пресекающую всяческие поползновения к оппозиции и независимой критике; с другой - конструктивную, прокладывавшую путь экономических и социальных преобразований, которые должны были проводиться под руководством администрации. Репрессивная сторона царствования хорошо известна. Основываясь на ней, как либеральная, так и советская историография, вынося суждение именем про-

гресса и надежд на модернизацию общества, отрицательно оценивает и безоговорочно осуждает Николая I. Нельзя сказать, чтобы эта отрицательная картина была неверной; более того, она совершенно точна в применении к последнему десятилетию царствования. Но она нарисована в одних только черных тонах, в то время как следует учесть оттенки первой половины царствования, его "органические" аспекты, которые остались не замечены современниками и последствия которых сказались лишь после смерти сурового императора.

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ СТОРОНЫ СИСТЕМЫ

Начнем с отрицательных сторон "системы" Николая I, так как его стиль правления можно по праву назвать "систематическим". Его первой задачей было положить конец попыткам просвещенного меньшинства активно и открыто участвовать в административной и общественной жизни страны. Органы полиции были реорганизованы, оснащены сетью тайных агентов и успешно действующим аппаратом подавления - жандармским корпусом, подчиненным Третьему отделению Собственной канцелярии Его Императорского Величества. Учреждение этого полицейского аппарата позволило некоторым журналистам и "историкам" писать, что Николай I предвосхитил тоталитаризм - суждение анахроничное, так как Николаю недоставало основной характерной черты тоталитаризма - идеологии. Правда, правительство делало слабые и, кстати, безуспешные попытки создать нечто вроде теории или, скорее, идейного оправдания своей законности - знаменитая триада С. С. Уварова, министра народного просвещения: православие, самодержавие, народность. Но, кроме отдельных услуг, которые эта

формула оказала цензуре, она не имела влияния ни на образованные круги, ни на правящие верхи. Это доказывает - если еще нужны доказательства, - что верный традициям, консервативный режим неспособен обзавестись идеологией в современном смысле слова и что российское правительство, в свою очередь, не умело обосновывать свою политику ясными и цельными концепциями и идеями¹.

Тем не менее, правительство Николая I энергично противодействовало проникновению с Запада новых либерально-политических идей и распространению критического духа в среде образованной публики. Цензура стала крайне суровой: все подозрительные выражения, которые можно было истолковать как критику существующего в стране положения, подверглись запрету. Стало труднее ввозить зарубежные издания, но все же без возврата к нелепым эксцессам царствования Павла I. Власти также по мере своих возможностей препятствовали путешествиям русских за границу, полиция строго следила за всеми путешественниками. Студенты, напротив, регулярно отправлялись за границу (особенно в Германию) для пополнения образования; таким образом немало будущих видных представителей интеллигенции смогли путешествовать по Европе и посещать публичные лекции в университетах - достаточно вспомнить биографии Станкевича, Грановского, Бакунина, Боткина и т. д. И хотя Герцен не сразу получил разрешение отправиться за границу, в конце концов оно ему было дано (более того, с переводом капиталов). Намного более тяжелыми были последствия отказа разрешить издание новых газет и журналов. После 1848 года стало практически невозможно основать газету или журнал; а уже существующие подвергались все более жестокой, репрессивной цензуре. Атмосфера недоверия, тяготевшая над всеми

писателями (случай Пушкина - лишь самая известная тому иллюстрация), безусловно не могла не отразиться на духовной жизни вообще. Все те, кто - будь то вне establishment'a или в его рядах - участвовал в художественной, религиозной, научной и академической жизни, чувствовали себя под надзором, ощущали гнет и преследования. Дневник цензора, профессора литературы Никитенко, консерватора, человека безупречной политической лояльности, служит тому доказательством. Парадоксально и иронически можно даже прийти к выводу, что этот гнет стимулировал художественное творчество и воображение и отнюдь не помешал или, прямо наоборот, способствовал установлению золотого века русской литературы.

УНИВЕРСИТЕТЫ

Университеты, важнейшая для образованного общества сфера, особенно пострадали от политики недоверия и репрессий. Восстание декабристов, в котором была замешана значительная часть образованной верхушки дворянства, побудило правительство вновь применить и усилить введенные впервые при Александре I репрессивные меры против университетов, впрочем, лишив эти меры той доли антиинтеллектуального и реакционного мистицизма, которая в них была. Университеты были поставлены под жесткий дисциплинарный контроль, и их автономия была строго ограничена уставом 1835 года. Преподавание философии, сначала ограниченное, было впоследствии полностью отменено, что не мешало профессорам затрагивать ее на публичных лекциях, говоря о методологии естественных и точных наук. Запрет на преподавание философии и подозрительность по отношению

вообще ко всем гуманитарным наукам толкнули молодежь, как это можно было предвидеть, к естественным наукам (которые были очень популярны и переживали большой творческий подъем на Западе). Еще более тяжелым для молодежи было, хоть и временное, ограничение числа студентов факультетов словесности, сведенное к 300 по всей империи. Но, вопреки этим полицейским мерам, словно доказывая заложенную в их природе неэффективность, университетские аудитории стали общественными трибунами, и юношество ожидало, что с этих трибун будут звучать речи высокого идейно-нравственного содержания, какими были, например, лекции Грановского в Московском университете.

Повторим еще раз: именно это больше всего способствовало созданию картины особенно репрессивного и антиинтеллектуального царствования; надо сразу же добавить, что это было лишь одной из сторон того, как действительно выглядело просвещение и образование при Николае I. Отрицательно относясь к общей культуре и гуманитарному преподаванию, особенно философии и словесности, правительство опекало и поощряло профессиональное образование. Это направление стало решающим для последующего развития России, и о нем надо сказать несколько слов.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Имперское правительство было готово приложить максимум усилий для развития технического преподавания. Конечно, встает вопрос: был ли этот максимум достаточным, не было ли возможности и необходимости увеличить эти усилия? Как бы то ни было, учитывая условия и возможности России того времени - не будем

забывать, что социальная политика оставалась чрезмерно консервативной, - Николай заложил основы важных преобразований в глубинах общества. В этом направлении, как и в прочих, он завершал начинания Петра Великого, притом в его духе. По примеру своего предка, он выдвинул на первое место создание профессиональных кадров во многих специальных областях - в первую очередь, в медицине и хирургии. Кстати, к медико-хирургическому образованию легко допускались представители низших классов (как всегда, за исключением крепостных крестьян, разве что со специального разрешения или после получения вольной). Так, большинство военных врачей вышло из народа или из крещеных нерусских (например, из евреев). Кроме того, были основаны высшие учебные заведения, дававшие юридическое и технологическое образование, в то время как при университетах расширялись или создавались новые технические кафедры и даже факультеты. Следует отметить также создание большого числа средних школ (реальных училищ), направленных на воспитание среднетехнических кадров. При Николае же по немецкому образцу была создана по всей империи сеть общеобразовательных школ - гимназий, что потребовало большого числа новых преподавателей по всем учебным дисциплинам². Так как для выполнения этой задачи иностранцев не хватало, под покровительством и при поощрении Академии наук этим занялись университеты.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В царствование Николая I начинается быстрое развитие научной жизни в России. Она принимает большой размах в университетах, в Академии наук, в специали-

зированных институтах; закладываются прочные основы для образования ученых - как естественников, так и гуманитариев; роль русской науки ощущается во всем мире с начала шестидесятых годов XIX века (приведем в доказательство имена Лобачевского и Менделеева). Развиваются не только общественные науки и физика - от них не отстает источниковедение. В сороковые-пятидесятые годы оно расцветает в таких областях, как история, археология, литература, изучение древностей, - начала и методология источниковедения пришли из Европы, но его применение и успехи в России необычайно плодотворны. Это принесло исследователям славу и популярность, что, в свою очередь, помогло им получить моральную и материальную поддержку общественного мнения. Одновременно расширялся круг людей, интересующихся научной жизнью. Этот круг складывался, по крайней мере отчасти, под влиянием "толстых журналов", которые, несмотря на существовавшие ограничения (общего числа выходящих журналов и тиража каждого из них), прочно укоренились и оказывали все растущее влияние, распространяя новые идеи и научные знания вплоть до глухой провинции.

Учитывая жесткость социальной структуры империи, особенно нерушимость крепостного права, задаешься вопросом, откуда бралось это постоянно нараставшее число молодых людей, предназначавших себя к профессиональной карьере в области науки, техники или исторических исследований. Кроме дворянства, для которого государственная служба, как мы это увидим, все еще составляла некоторую привлекательность, существовали городские классы. Но они были либо малочисленны, застыли в летаргической неподвижности, либо полностью захвачены перспективами, открывающимися в текстильной промышленности (производство хлопчатобумажных и

шелковых тканей), в строительстве, на железных дорогах и в вывозе зерна за границу.

Оставался еще один класс или, скорее, "сословие" в смысле слова Stand, - духовенство. Студенты, заполнявшие университетские аудитории, научные лаборатории и библиотеки, набирались, в основном, из детей духовенства, так как, в силу демографического давления в строго расслоенном обществе, их перспективы продолжать отцовское призвание были весьма ограничены. Как об этом свидетельствуют имена видных представителей науки и техники России того времени, этот профессиональный круг был прежде всего духовного происхождения. Причина этого очень проста: как мы уже упоминали, после реформ Александра I учебные программы семинарий были особенно хорошо приспособлены к подготовке будущих академиков и университетских профессоров. Несмотря на их недостатки: тяжелые материальные условия, строгая дисциплина, тираническая, сухая педагогика, - которых не выдерживали наименее талантливые и энергичные, эти школы хорошо готовили к научной карьере тех, кто обладал способностями и стремлениями, необходимыми для выживания в этой среде. Таким образом увеличивался запас образованных людей, которым могла располагать страна. Империя была готова встать на путь быстрой и полной модернизации общества и внедрения крупной промышленности. Можно поставить Николаю I в вину, что он не захотел или не смог сделать первый конкретный шаг в этом направлении, но его заслуга в том, что он расчистил путь и подготовил кадры.

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ

Надо добавить несколько слов о косвенных последствиях интенсификации профессиональной жизни и активного в ней участия духовенства. Одновременно с доступом детей духовенства к наукам, сама религиозная жизнь подверглась значительным переменам. Мы отмечали, что начиная со второй половины XVIII века все сильнее ощущались пагубные последствия подчинения Церкви государству. Русское образованное общество жаждало религии, духовности и более успешного нравственного руководства, чем то, которое предоставляли ей официальная Церковь и духовенство. В конце XVIII века эта жажда привела многих образованных русских к заинтересованности пиетистскими и мистическими течениями, отчасти протестантского, отчасти отечественного происхождения. В начале XIX века протестантский пиетизм и мистицизм (Ардт, Бёме и т. д.) и иллюминизм (Сен-Мартен) господствовали в духовной жизни влиятельных кругов образованного общества. Другой формой этой жажды религии стало, как мы это видели, спиритуалистское и филантропическое масонство. Что касается простонародья, то его духовно-нравственная жажда утолялась возрождением православных мистических традиций (исихасты, Филокалия), которые оставались особенно живучими в некоторых раскольничьих и деревенских кругах. Возрождение народной религиозности, сопровождаемое многочисленными паломничествами, распространение набожных книг и картинок, популярность юродивых - все это проявлялось одновременно с растущим интересом и любопытством просвещенного меньшинства к духовной жизни и религиозным традициям страны. Общий опыт войны 1812 года тоже, несомненно, спо-

собствовал этой встрече дворян и народа в религиозном плане.

Реформы церковного преподавания должны были также удовлетворить растущую потребность народа в более успешном религиозном, умственном и нравственном руководстве. Западное влияние на интеллектуально-духовную жизнь способствовало возрождению интереса к метафизике и истокам религиозно-нравственной мысли западного мира. Это объясняет популярность натурфилософии и философского романтизма в России 1830-40-х годов. Вследствие потрясения, вызванного восстанием декабристов и особенно ошутимого среди образованных кругов светского общества, и отчуждения представителей мыслящего слоя остро и настойчиво вставали вопросы, близко касавшиеся как религиозного, так и исторического сознания, а также возникающего религиозного и национального самосознания русской элиты. Эти чувства, эти поиски самоопределения и осознание исторической традиции нашли поддержку в трудах по истории, словесности и богословию. Жажду богословских познаний удовлетворяли как образованные миряне, обращавшиеся к западным, а также византийским и отечественным истокам современной русской цивилизации, так и получившие образование в духовных академиях богословы-священники. Усилия мирян и духовенства совпали в правление Николая I и привели к богословскому возрождению как в салонах Москвы и Санкт-Петербурга, так и в церковных кругах. Среди мирян мы должны отметить мыслителей и богословов - славянофилов Хомякова, Киреевского, Самарина, а также Гоголя. Что касается духовенства, то здесь надо подчеркнуть роль московского митрополита Филарета и Духовной Академии Троице-Сергиевой лавры, управление которой Филарет решительно взял в свои руки. Кроме того, все

больше ощущалось влияние богословских журналов и книг, кафедр и курсов лекций, в то время как завязывались и укреплялись отношения между богословами и образованным миром светского общества. Так начиналось первое религиозно-богословское возрождение в России. Это, естественно, стало периодом выработки и распространения основных познаний по истории Православной Церкви и по православному вероучению. Это было также временем создания на прочной основе богословских факультетов и духовных академий и сети научно-религиозных изданий. В землю было брошено семя, которое в конце XIX - начале XX веков принесет урожай в виде целой эпохи духовного, философского и религиозного творчества.

ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Эти течения пересекались с теми, которые проявлялись среди служилого дворянства и помещиков. В некотором смысле возрождение духовно-религиозной жизни шло в ногу с переходом к частному образу жизни некоторых секторов высшего общества, которые и стали ее социальной базой. Кроме того, в царствование Николая I завершилась эволюция русского правящего класса, то есть служилого и земельного дворянства, продолжавшаяся весь XVIII и первую четверть XIX века; одновременно осуществлялось то, к чему стремился Петр Великий: государственная служба становилась профессией. Следуя в этом политике, начатой Александром I, правительство Николая требует от своих чиновников, особенно от тех, кто находится на среднем и немного выше среднего уровне, профессиональной компетентности. Это не всегда ка-

салось высших сановников империи, но и на этом уровне ясно проявляется тенденция к профессионализации. Напротив, на низшей ступени - среди писмоводителей и писцов - о профессионализме говорить не приходится, хотя эти бедняги и были профессионалами пера - в том смысле, что не имели ни других занятий, ни других источников дохода. Но при Николае I "средне-высшие" ступени администрации были полностью заняты людьми, которые по своему выбору посвятили все свое существование службе, зависели от своего жалованья, не имея никаких других источников дохода, и готовились к своей карьере с самого юного возраста, получая более или менее профессиональное образование. Кроме того, наблюдается бóльшая специализация функций: губернские чиновники остаются в губернии пожизненно - продвижение или перемещение в столичные канцелярии производится крайне редко; отныне губернские чиновники составляют особую подгруппу, перед представителями которой стоит одна-единственная перспектива - карьера в местной администрации. В то же время те, кто начинает службу в столице, даже со сравнительно низких должностей, и далее служат в столице. Так растет разрыв между столичным и губернским чиновничеством, разгорается служебное соперничество, которое станет впоследствии дополнительной преградой на пути исполнения воли центральных властей. Кроме того, еще больше специализируются некоторые службы - например, министерства внутренних дел и финансов, органы правосудия и т. д. Несмотря на то, что другие министерства и центральные учреждения постоянно обмениваются служащими, число чиновников, способных выполнять сложные задачи, для которых требуются эрудиция и компетентность, невелико. Зато гораздо более отчетлива граница между военными и гражданскими службами, и

переход из одной в другую происходит лишь на самых высоких уровнях (генерал-губернаторы, сенаторы, министры) или в прямом окружении государя (жандармерия, флигель-адъютанты с особыми полномочиями).

Такая профессионализация и специализация предполагают, что чиновники обладают соответствующим образованием или проходят специальное обучение. Минимальный уровень образования, требовавшийся от всех чиновников, подразумевал проведение в жизнь указов 1809 года. Чтобы повысить свое служебное положение, претендент должен был быть сведущ в бюрократических методах и обладать определенными специальными познаниями в своей области. Предъявление подобных требований было в значительной степени результатом согласованной политики императора и его советников. Действительно, две группы общества вызывали их особое недоверие: прежде всего, аристократия - из ее рядов, по их мнению, вышли вожди восстания декабристов, а экономическая и культурная независимость аристократии была для них подозрительна. Во-вторых, образованные люди из простого народа, которые напоминали им адвокатов-цареубийц 1793 года, радикальных антимоноархических вожakov всех европейских революций XIX века. Николай I предпочитал доверять той части дворянства, доходы которой были недостаточны, чтобы можно было обойтись без государственного жалованья, классу профессиональных, состоящих на жалованье чиновников - потомственных или личных дворян. Такая концепция служилого дворянства полностью совпадает с концепцией Петра, с той лишь разницей, что теперь ее стало возможно осуществить без принуждения.

И так уже не слишком блестящее в XVIII веке, экономическое положение дворянства теперь еще ухудшилось из-за наполеоновского вторжения и застоя сель-

скохозяйственного производства в центральных областях Европейской России. Самые бедные дворяне и те, кому не хватало энергии и амбиции, удалились в свои отдаленные деревенские владения, где влачили жалкое существование, поставив себя "вне игры". Зато их дети, получая какое-то образование в общественных учебных заведениях, поставляли ценные кадры: в их лояльности, основанной на материальной зависимости и классовой традиции службы, нельзя было усомниться. Что касается дворян со скромным состоянием, в том числе младших сыновей многодетных семей, которые не могли их как следует обеспечить, то они были тем резервуаром, из которого можно было пополнять "средне-высшие" кадры. Большинство из них избирало военную карьеру - пока что мы их оставим в стороне. Что до тех, кто не хотел или не мог пойти в офицеры, то они являлись идеальными "новобранцами" для административной службы. Тут-то и вмешивается государство, так как только оно в состоянии предоставить бесплатное специальное обучение в одном из многочисленных учебных заведений, основанных в правление Николая I. Надо добавить, что эти льготы предоставлялись не только дворянам, хотя им и отдавалось предпочтение, особенно в продвижении по службе. Немало людей, которые сами вышли из народа или отцы которых происходили из простонародья и выполняли низшие функции в государственном аппарате (например, сыновья унтер-офицеров), смогли таким образом получить подготовку, необходимую для вступления в должность и продвижения по службе вплоть до высших ступеней.

Фактор выработки характера новой службы был еще важнее, чем требование профессиональной подготовки. Идеалом дворян без состояния или с небольшим состоянием (вспоминаются прежде всего братья Милютины)

было служение не только государю и государству, но и народу, всей нации. Сознание нравственно-профессионального долга по отношению к нации (и государю) было господствующей чертой лучших чиновников, воспитанных при Николае I. Это хорошо выявил Р. Уортман, говоря о появлении правосознания, отправной точкой и основой которого явились труды Сперанского по законоуложению³. После Училища правоведения, Демидовского лицея в Ярославле или университета, где закладывались основы образования, молодых чиновников министерства юстиции отправляли в Берлинский университет, где они получали подготовку к будущей работе. Они приобретали высокое чувство профессиональной ответственности на службе права и чувство долга, диктовавшее им преданность общему делу прогресса и благополучия русского народа. Именно эти чиновники министерства юстиции разработают и будут осуществлять великую судебную реформу следующего царствования. Аналогичная ситуация создавалась в других министерствах и специализированных службах Санкт-Петербурга.

Кроме уровня знаний и широкого умственного кругозора, поразительной чертой высших чиновников социальной и экономической администрации было сознание того, что необходимо хорошо знать реальное состояние дел для того, чтобы своим трудом принести действительную пользу развитию и благоденствию страны. В. Брюс Линкольн подчеркивает, что такой подход порожден как университетским и иным специальным образованием, так и активным участием в научных обществах⁴. Так, в рамках Императорского географического общества были проведены перепись ресурсов страны и глубокое изучение основных черт крестьянского общества - эти труды подготовили успешное решение вопроса об отмене крепостного права. В этих научных предприя-

тиях активно участвовали высшие чиновники министерства внутренних дел и министерства финансов, и службы, к которым они принадлежали, облегчали проведение статистических, экономических и социальных научных исследований. Так создавались технические и административные кадры, которым предстояло подготовить великие реформы Александра II. Первые попытки законодательства в этом направлении были предприняты бюрократией отраслевых департаментов центрального правительства при режиме, который традиционная историография описывает погрязшим в беспрецедентном застое и ретроградстве.

СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Правительство Николая I резко пресекло попытки культурных элит участвовать в общественной деятельности, но не помешало социально-культурной жизни развиваться в рамках салонов и частных кружков. Даже напротив, быть может, вследствие некой обратной реакции, светская жизнь - то есть широкое общение людей - была особенно бурной и цветущей; в изобилии возникали салоны, клубы, товарищества, стремящиеся к распространению знаний, науки и благотворительности. Наличие этих мест встречи способствовало повышению влияния той новой бюрократической верхушки, о которой мы говорили выше. Может быть, в первый и чуть ли не в последний раз установился настоящий интеллектуальный контакт между образованным обществом и правящими верхами. Сближение в XVIII и начале XIX вв. произошло, главным образом, благодаря родственным и социальным контактам: интеллигенты и чиновники принадлежали к одному и тому же кругу. В этом кругу,

очень ограниченном, все знали друг друга лично. Однако, судя по письмам и воспоминаниям, которыми мы располагаем, нельзя сказать, чтобы эти контакты привели к чему бы то ни было, имевшему значение, - кажется, что в салонах, при дворе и в загородных поместьях не обсуждались ни дела страны, ни вопросы общественного и культурного значения. При Николае I все пошло совершенно иначе. В московских и петербургских салонах высших сановников и знатных дам встречались крупные чиновники и видные представители культурной жизни (писатели, журналисты, мыслители, критики). Так, одним из самых заметных и влиятельных был салон великой княжны Елены Павловны, сестры Николая. Ее окружал цвет административного и политического мира, а также знаменитые писатели. Разговоры вращались вокруг политических, социальных и религиозных вопросов. В этом кружке Николай Милютин впервые проверил реакцию на предлагаемые им меры по подготовке освобождения крестьян. Кружок великого князя Константина интересовался политикой; споры в салонах князя Одоевского или князя Вяземского, в которых участвовали чиновники, писатели, художники и т. п., принимали скорее литературно-философское направление.

Встречи высших сановников и видных представителей литературы и искусства происходили постоянно. Все они принадлежали к одному и тому же светскому обществу, и, что еще важнее, все они считали, что им предстоит сыграть важную роль в конструктивном труде на благо страны - будь то в области экономики, управления или культурно-социального развития народа. Они делились информацией, мнениями, планами и идеями, критическими замечаниями и восторженными репликами. Литераторы, ученые и мыслители сталкивались с реальностями русской жизни и в то же время делились с выс-

шими чиновниками и администраторами философскими идеями, нравственными понятиями, а также последними научными открытиями.

Взгляды на настоящее России, высказывавшиеся в салонах и кружках, и обсуждавшиеся здесь проекты относительно ее будущего расходились по стране, как круги по воде. Не только благодаря тому, что завсегда этих кружков и салонов были в постоянном контакте с большим количеством людей в провинции и столицах, но и вследствие того, что литераторы излагали идеи и дискуссии в "толстых журналах", с жадностью читаемых всей империей. Короче говоря, несмотря на открытое официальное обуздание, как правительственные, так и культурные элиты сумели подготовить страну к тому времени, когда политика реформ станет возможной. Вопреки цензуре и надзору, царствование Николая I было одним из самых динамичных периодов русской умственной жизни - и именно тогда были заложены основы будущего влияния и первостепенной роли интеллигенции.

ПОМЕСТНОЕ ДВОРЯНСТВО

Форма, которую приняли отношения между правительственными и культурными верхами, а также создание профессиональной чиновничьей верхушки привели к последствиям, которые завершали довольно долгую эволюцию. Начиная с 1762 года, когда служба перестала быть обязательной, началось отдаление дворянства от государства, хотя служба все еще оставалась его основным занятием и главным центром притяжения. Это отдаление проявлялось чаще всего не в полном отказе от службы, а в преждевременной отставке. У вышедшего в

отставку и ставшего частным лицом дворянина появилась тенденция замыкаться в более или менее праздном "культурном" существовании, соответствовавшем тем интеллектуальным средствам, которыми он располагал. К концу XVIII века появился тип мелкого помещика, живущего в своем поместье и изредка навещающего губернский город ради выборов предводителя дворянства. Интересы такого помещика ограничивались сменой времен года, охотой и рыбной ловлей, выдачей замуж дочерей, отправлением сыновей в школу или на службу, наблюдением за дисциплиной крепостных. Наполеоновские войны, особенно вторжение 1812 года, побудили этих помещиков возобновить службу и против воли заставили их влиться в общий поток культурно-политической жизни столиц. Однако они возвращались к довоенному образу жизни - многие дворяне вернулись в свои края, к оставленным привычным занятиям. Тем не менее, они сохранили чувство принадлежности к служилому дворянству, считали себя представителями одного класса, отличающегося от других классов империи своими традиционными ценностями и интересами.

Это чувство солидарности, принадлежности к общему классу дворян было разрушено в правление Николая I. Причины тому многочисленны. Прежде всего, несмотря на малое число участников, восстание декабристов откололо от правительства часть дворянства и оживило старый призрак самодержавной тирании. Во-вторых, благодаря расширению производства зерна на юге и интенсификации экономической жизни в деревне и городах многие дворяне, жители динамически развивавшихся областей, соблазнились новыми занятиями и интересами. Возросшие ресурсы позволили им вести более интересную и напряженную культурную и светскую жизнь - в ущерб отношениям с establishment'ом. И, наконец, самым

важным фактором, по нашему мнению, было образование категории бедных профессиональных чиновников, для которых первостепенную роль играла служба и нравственный долг по отношению к народу, что отделило их от класса, из рядов которого они вышли. Общественные интересы и благоденствие страны и империи они считали главными. Этим они воплощали идеал Петра Великого и просвещенных абсолютных монархов, так как не представляли частных интересов одного класса или "сословия" и не служили им. В действительности, они были готовы пожертвовать или пренебречь интересами своего класса (а его связи с крепостничеством они стыдились) ради общего блага, как они себе его представляли. Это привело к расколу дворянства как класса, к нарастанию у дворян, живущих в своих поместьях, чувства отрезанности и изоляции от правительства, замкнутости в кругу своей семьи и своей губернии. Кроме того, среди помещиков средней руки укоренилось острое ощущение конфликта между несовместимыми интересами - более того, уверенность в том, что часть дворянства предала их ради государства. Конфликт между бюрократией и дворянством, подспудный и жестокий, как тот, что на короткий отрезок времени разгорелся в начале века (особенно по поводу реформ Сперанского), наложил свою печать на отношения между административным аппаратом и провинциальными дворянами, владеющими землей (и крепостными). Это означает, что реформы будут проводиться вопреки сопротивлению провинциального дворянства, что приведет к последствиям, к которым мы еще вернемся.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Что же было с интеллигенцией - этой группой дворянского происхождения, которая начала вырисовываться в конце XVIII века и нашла одну из форм своего выражения в декабристах? Все учебники подчеркивают первостепенную роль окончательно сформировавшейся в правление Николая I интеллигенции в идейном развитии России. Рисуемая традиционной историографией картина того времени впервые появилась в воспоминаниях А. Герцена - самого показательного и влиятельного представителя великого поколения интеллигенции тридцатых-сороковых годов XIX века. Тем более, что спор славянофилов и западников господствовал на сцене русской общественной мысли не только при Николае, но вплоть до XX века. Пора, однако, напомнить несколько фактов, глубоко позабытых историками, которые едва ли не входили в роль апологетов, проповедуя ценности либеральной и радикальной интеллигенции XIX века.

При пристальном рассмотрении, с учетом духа отношений между бюрократией и миром образованных людей и литераторов, встает вопрос: много ли их было, и кто они были? Прежде всего, в сравнении с общей численностью не только населения, но и образованного дворянства они представляли ничтожное меньшинство. Их было поначалу едва десятка два молодых людей ("горячих дюжина голов", как хвастается Репетиллов в "Горе от ума"), самое большее тридцать-сорок человек, если включить друзей и родных. Во-вторых, это меньшинство отказывалось от участия в деятельности establishment'a, не принимало ни частной производительной деятельности в провинции, ни государственной службы. Оно отказывалось принять правила игры правительства, которое желало бы сделать из него компетентную, профессио-

нальную бюрократию. В действительности, представители этого меньшинства были последними из могокан просвещенного гражданского общества, выросшего при Александре I и попытавшегося играть активную роль в общественной деятельности после 1815 года. Так как ему было в этом отказано, оно замкнулось в умственной и социальной изоляции молодежных кружков, университетских и иных учебных заведений. Идеино-нравственная жизнь интеллигентов поколения Герцена проходила в рамках романтических кружков молодежи начала XIX века. Здесь они страстно обсуждали вопросы истории и самобытности России. Их главной заботой было осознать и выразить себя лично и в качестве членов российского общества. Самосознание было для них необходимостью, как оно было необходимостью для членов кружка Андрея Тургенева в начале века. Эта необходимость была вызвана расстоянием, отделявшим их от предыдущего поколения - поколения их отцов, которые, по их мнению, в материальных и социальных условиях реакционной России, где царили крепостничество и административный произвол, не сумели сохранить ни своих этических идеалов, ни своей духовной свободы. Поиски самоопределения возможны лишь в защищающей от всякого внешнего вмешательства изоляции и при полном незнании подлинной деятельной жизни. Только в таких условиях можно отдаваться метафизическим рассуждениям и *Schöngeisterei* в романтической традиции расплывчатого и мистического эстетизма, берущего свои истоки в натурфилософии.

Эти рассуждения имели целью определить, я бы даже сказал, почти сотворить некую действительность, способную стать настоящим продолжением того чувства самосознания, которое создали тесные идейные и дружеские связи между молодыми членами кружка. Таким

образом, поиски прочных метафизических основ и устойчивых этических принципов требовали дать определение не только отдельной личности, но и всей России. Они пытались ответить на вопрос: что такое Россия? Откуда она пришла и куда она идет? Отличается ли она от Запада и чем именно? Это было попыткой определить внешний мир по отношению к внутреннему миру интеллигенции. Ей была важна плодотворность этой попытки, а не реальное существование той действительности, по отношению к которой она проводилась. Они составили себе образ России, не существовавшей реально ни в настоящем, ни в прошлом, - мифической, а у славянофилов прямо выдуманной Московии. Процесс исторического развития тоже представлял для интеллигенции интерес лишь постольку, поскольку способствовал формированию ее самосознания. Это было формой идеологизации: молодые члены кружков создали для себя разные идеологии, которые, в свою очередь, творили для них действительность, - с единственной целью жить и действовать в гармонии с понятием о собственной личности.

Какой бы ни была чистота его идеализма и моральных устремлений, случай Станкевича в этом смысле типичен. Он прожил недостаточно долго для того, чтобы строго сформулировать созданную им идеологию существования, послужившую образцом его друзьям из московского кружка, вдохновителем и *magister ludi* которого он был. Тот факт, что он почерпнул некоторые элементы в немецкой идеалистической философии, особенно у Шеллинга и Гегеля, был хронологической случайностью второстепенного значения. Следующее поколение будет искать и черпать свое интеллектуальное наследие у материалистов пятидесятых годов XIX века и тоже превратит его в идеологию, выполняющую те же

задачи, которые ставили перед собой кружки Станкевича или Герцена.

Своим подозрительным, недоверчивым подходом ко всем проявлениям солидарности и дружбы среди молодых дворян (усматривая в них воскрешение тайных обществ - колыбели декабристов) имперское правительство способствовало усилению чувства изоляции дворянской молодежи и обособлению в узких, теснящих рамках кружков. В среде этой молодежи определено были и такие, кто при первом удобном случае устремлялся мыслью к политическим вопросам. Неопровержимым доказательством этого служит случай Герцена: закрытие его кружка, его арест и административная высылка в провинцию (где он служил в местном бюрократическом аппарате) привели его к мятежу, который носил равно политический и религиозно-метафизический характер. Та же участь постигла Бакунина и Огарева. Герцен является очень важной фигурой, так как *mutatis mutandis* он провел работу, подобную более поздней работе Ленина (с совершенно иными политическими, экономическими и философскими концепциями). Он политизировал эстетические и философские построения кружковой интеллигенции. Он превратил ее интеллектуальные заботы и моральное неприятие существующей действительности в активную политическую идеологию, направленную против режима. В условиях николаевской России практические результаты были невелики, и, только уехав из России, Герцен приобрел значительное влияние. Кроме того, в своих воспоминаниях он задним числом придал идейно-политическое значение спорам и дискуссиям, отправной точкой и целью которых было желание молодого идеалистического поколения самоопределиваться. Что касается славянофилов, то они прошли тот же путь с одной лишь разницей: их толкование современной им России как

извращения подлинной (былой и грядущей) позволило им вернуться в общество после смерти Николая I и участвовать в движении реформ при его преемнике.

Интеллигенцию, сформировавшуюся из нескольких десятков молодых людей, достигших духовной зрелости к тридцатым годам, отталкивали и материальные ценности общества. Прежде всего, ценности новых элементов, вышедших на общественную сцену империи: заводчиков, купцов, чиновников. С одной стороны, это было проявлением аристократического презрения со стороны сыновей богатых дворянских родов, для которых материальные ценности никогда не были главными, к мелочности экономической жизни. С другой стороны, по сходным причинам они отказали в своей симпатии и сотрудничестве новой административной верхушке, поскольку для профессиональных чиновников основной задачей было материальное развитие страны.

Отрекшись от своего социального происхождения, не желая иметь ничего общего ни с сектором экономического предпринимательства, ни с правительством, интеллигенция определила себя через отношение к народу. Молодые представители образованного меньшинства, отчужденного от своей естественной реальности, жаждали слияния с народом, с русским крестьянством прошлого и настоящего (а также будущего, как, например, в случае Бакунина). Однако это слияние могло осуществиться только при условии, что выявится та особая роль, которую им предстоит сыграть в участи крестьянства, брошенного на произвол судьбы цивилизацией современной России. Интеллигенция нашла свое действительное призвание и конструктивную задачу в современном ей мире в качестве носителя идеологии преобразований, которая должна была направлять будущее народа. Применять же на практике принесенную интеллигенцией

идеологию и преобразовывать ее в конкретную действительность будет сам народ. Ясно, что такая концепция своей роли носителя новой истины и нового откровения была для интеллигенции несовместима с участием в "органической работе" (используя выражение, ставшее популярным после 1863 года в Польше) или в программе действий, нацеленной на частичные результаты в ближайшем будущем и лишенной телеологического понятия начатых преобразований. Даже без цензурных нелепостей и преследований со стороны правительства интеллигенция была органически неспособна участвовать в производственной деятельности общества под руководством и с поощрения административных верхов империи. Следовательно, она автоматически поставила себя в стороне от реформ. Умея принять только те перемены, которые были присущи ее идеологии, интеллигенция стала оппозиционной. К этому привела сама ее природа, а не обдуманый выбор или реакция на нападки имперского режима.

На этих страницах мы пытались показать, что методы и объем реформ Александра II были выработаны в правление Николая I. Некоторые реформы или попытки конкретных реформ были предприняты уже в это время. Они широко известны: это реформы, касающиеся министерства государственных имуществ и административной реорганизации государственных крестьян, описанная нами политика народного просвещения, реформа городской администрации Санкт-Петербурга, которая послужит образцом для реформ 1864 года, "кодификация" законов, оздоровление финансов, поощрение начинающейся индустриализации. Кажется, что николаевское правительство было даже готово увенчать свои усилия преобразованием основ социального и экономического режима страны: отменой крепостного права и коренным

переустройством основных аспектов местной жизни - администрации и правосудия. Однако такая программа реформ сильно запаздывала - она напоминала анахроническую программу реформ Гарденберга и Штейна. Чтобы достичь успеха, эта программа должна была осуществляться незамедлительно. Сделать Россию европейской страной второй половины XIX века и осуществить стремления Петра Великого в изменившемся с его времен мире было поистине титаническим трудом. Унаследованную Александром II от Николая I политику реформ иногда называют бисмарковской до Бисмарка, но, надо сказать, она была радикальней. С помощью обновленной и профессионализировавшейся бюрократии государство могло заложить основы современного общества и оставить порожденному им гражданскому обществу достаточное поле деятельности, чтобы оно прочно и глубоко укоренилось.

РЕФОРМЫ АЛЕКСАНДРА II

Именно на этом гигантском проекте сразу после окончания Крымской войны сосредоточились все внимание и вся энергия Александра II и его советников, принадлежавших к новым бюрократическим кругам, которые сформировались в царствование его отца. Задача была не из легких. Главная реформа - отмена крепостного права, хоть и поддерживалась подавляющим большинством, вызвала как немалое сопротивление, так и критику форм, в которых осуществлялась. Это сопротивление надо было сломить, что было возможно только путем обращения к самодержавной власти самого императора. Следовательно, требовалось сохранить и даже усилить лично воплощенную самодержавную власть

- так сказать, возродить эту старую русскую политическую традицию. Уничтожая сопротивление своей программе реформ, самодержавие заимствует инструменты и методы у просвещенного, но все же бюрократического государства. Это приводит к тому, что те же противоречия и парадоксы, которые во все времена характеризовали этот правительственный метод, проявляются еще более резко в середине XIX века. Действительно, речь шла уже не только о начале преобразований традиционного общества, но и об установлении современного гражданского общества и экономической системы, основанной на индустриализации и международном обмене в широких масштабах. Форма, в которой проводились эти реформы при Александре II, не может не напомнить патернализм французского "старого режима" и Disziplinierung камералистского образца XVIII века. Совершенно естественно, что эти реформы проводились почти исключительно профессиональной бюрократией, к которой присоединились новоиспеченные выпускники университетов и технических институтов, то есть технократическая элита с дидактическими и авторитарными тенденциями.

Проводивший реформы establishment сталкивался с двойным сопротивлением. С одной стороны, находящаяся в меньшинстве интеллигенция относилась враждебно и к программе и к методам государства, так как сама заявляла права на руководство народом. С ее точки зрения, сразу же за реформами должны были последовать радикальные преобразования всего общества, правительственного аппарата и системы производства. Интеллигенция не только стремилась получить активную роль, но и строила идеологию радикального преобразования общества, и отправной точкой этой идеологии было неприятие действительности, которой интеллиген-

ция, к тому же, не знала. Эта идеология (или, скорее, эти идеологии), которую она формулировала и выработывала, проистекала из почти религиозной веры в материальный прогресс и преклонения перед народом, стремления раствориться в народных массах.

С другой стороны, бюрократическое государство оказывалось в конфликте с теми элементами образованного общества, которые чувствовали свое призвание к созданию основ и форм настоящего гражданского общества. Представители этого последнего, занимавшиеся производственной деятельностью, требовали максимальной внутренней автономии, чтобы успешнее выполнять поставленные себе цели, найти защиту от злоупотреблений властью со стороны бюрократии и иметь дело с администрацией, соблюдающей законы. Но, с точки зрения государства, разрешить этому зарождающемуся гражданскому обществу стать независимой прослойкой означало ни больше ни меньше, как отречься от самодержавной власти государя и уничтожить ее. Это было невозможно, так как только она была в состоянии осуществлять и продолжать начатую программу реформ. Следовательно, с самого начала между верхушкой гражданского общества и государственным бюрократическим аппаратом стояло недоразумение.

В действительности, ни интеллигенция, ни бюрократия не хотели, чтобы общество страны эволюционировало независимо от них. Ни та, ни другая не желали, чтобы оно развивалось органически, вследствие роста производства и материального благополучия. Парадоксально, но два заклятых врага: радикальная интеллигенция и царская бюрократия - объединялись в своей враждебности к настоящему гражданскому обществу, к русскому обществу, обладающему развитой структурой и уважающему принципы плюрализма, административную автоно-

мию, гражданское право и либерализм в области политических убеждений и культурных норм. Глубокая причина этого несознательного объединения крылась, может быть, в подозрительности, а то и страхе обеих сторон перед тем, что было в России "великим неизвестным", - перед народом, перед крестьянской массой. Тут проявилось обратное действие европеизации верхов, которая привела к культурной изоляции народа и отсутствию связей между двумя не понимающими друг друга "нациями".

После 1861 года интеллигенция и государство проявляли постоянную заботу о народе в страхе перед его анархическим и разрушительным потенциалом. Их общий страх (родившийся из их невежества) мешал им составить объективную картину народа, основанную на знании конкретной действительности. В результате, обе они были раздавлены народной стихией начала XX века.

Глава 7

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ?

Последние полвека существования Российской Империи были отмечены быстрыми и глубокими преобразованиями. События как бы стремительно развиваются, приводя к окончательному крушению. При чтении документов, воспоминаний и истории того времени создается ощущение, что русское общество захвачено в водоворот, который бешено несет его в пучину войны и революции. Это ощущение, несомненно, является следствием того, что благодаря близости во времени и разрастанию средств передачи информации (пресса, огромные, собранные администрацией архивы) о множестве событий этого

периода сохранилась память. Но этот водоворот, породивший бурю, произошел в океане, глубины которого нам еще плохо известны. Есть ощущение, что социальные слои, а также нормы русской культуры испытывают изменения и сдвиги геологического характера. Однако все это лишь впечатления, интуитивные догадки. Только теперь исследователи источников пытаются понять природу, динамику и причины этих событий.

РАЗЛИЧНЫЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НА РЕВОЛЮЦИИ 1905 и 1917 гг.

Относительная временная близость событий и большое количество сохранившихся документов позволяют установить подробную хронологию. Ими же объясняется разнообразие толкований. Эти толкования отражают, само собой разумеется, различные подходы к назреванию событий, формированию течений и жестокой развязке в революциях 1905 и 1917 годов. Эта развязка неизбежно заставила рассматривать происшедшее телеологически, причем положительный или отрицательный знак телеология получает в зависимости от политических и идеологических взглядов историка. Историки предреволюционного периода, вынося суждение о революции 1917 года и ее последствиях, идут по пути, аналогичному пути французских историков, писавших о революции 1789 года, - естественно, не в отношении фактов и их конкретного толкования, а в общей динамике мысли.

Не стоит задерживаться на консервативно-монархической историографии. Для нее все просто: Россия пользовалась растущими благами быстрого прогресса почти во всех областях благодаря тому, что народ и правительство сохранили нетронутыми принципы и традиции

монархии, патриотизма и религиозности. Революция - несчастный случай, который был спровоцирован заговором врагов России - как внешних, так и внутренних, - подорвавшим социальные структуры и развратившим дух и душу народа.

Либеральная историография, со своей стороны, дала "оптимистическое" истолкование этой эпохи. Согласно этому толкованию, быстрые социально-экономические перемены превратили бы Россию в конституционно-демократическую, индустриальную и процветающую страну, если бы они шли своим естественным ходом и если бы не вмешалась злополучная Первая мировая война.

Радикально-социалистические историки, напротив, уверены в том, что глубокие перемены ни в коем случае не могли привести Россию к свободе и процветанию, даже если бы не было Первой мировой войны или если бы Россия осталась нейтральной. По их мнению, естественная эволюция, благоприятная для тех тенденций, которые отмечены и либералами, была заблокирована. Отчасти это произошло в силу имманентной динамики капиталистического и империалистического мира, отчасти - в силу неспособности правящих классов понять эту динамику и, наконец, ввиду существования самодержавия, остававшегося анахроническим, несмотря на отдельные псевдоконституционные уступки. Некоторые либералы тоже считают этот последний фактор самым важным. Они приписывают ответственность за революцию имперскому режиму, который не сумел или не захотел допустить активное участие здоровых и прогрессивных элементов страны в политической жизни.

Эти два вида историографии, несомненно, расчистили почву и заложили солидные основы. Они стимулировали размышления и дискуссии, осветили не только фактическую сторону события, но и многочисленные интеллекту-

альные и методологические грани, необходимые для понимания того времени. Однако не вызывает сомнения, что взгляд этих историков - как "оптимистов", так и "пессимистов" - недостаточно широк. Прежде всего, их соображения и анализ касаются только периода до 1917 года (как часть французской историографии останавливается на 1789-м). Следовательно, у них выборочный, ограниченный взгляд на рассматриваемые ими глубокие тенденции. Во-вторых, они не учитывают других возможных вариантов динамики преобразований, что заставляет их обвинять исключительно историческую случайность - будь то Первая мировая война или влияние на императора его окружения. Вопрос заключается не только в том, способна ли была начатая в 1861 году эволюция избежать того, что произошло в 1917-м. Вопрос еще и в понимании динамического процесса в его полноте, с рассмотрением различных возможных вариантов хода событий¹.

Со своей стороны, советская историография представляет не больше интереса, чем консервативно-монархическая: революция здесь предопределена существовавшим соотношением сил и непреложными законами - и сама победа большевизма становится оправданием такого анализа. Советская историография интересна только тем, что возбудила любопытство западных историков и побудила их к исследованиям. Эти историки - в первую очередь, американские, в целом положительно относящиеся к большевистской революции, - смотрят на события со стороны; они обладают достаточным рассудком и интеллектуальной свободой, чтобы не следовать за упрощениями, навязываемыми советской правотоверностью. Отыскивая глубокие причины, предопределившие революцию 1917 года, они не упускают из виду ни политических событий, ни культурных и административ-

ных факторов, которые могли повлиять на неизбежную, по их мнению, развязку. Этот историографический подход родился недавно, результаты предпринятых архивных разысканий еще не полностью опубликованы. Тем не менее, основываясь на предварительных публикациях, можно заметить, что вмешательство правительственного аппарата и реакция некоторых слоев общества (в частности, дворянства и торгово-промышленной буржуазии) были сложными и многообразными, а следовательно, возможных вариантов дальнейшего развития было больше. Было бы совсем не удивительно (и такое случилось бы не впервые), если бы, по иронии судьбы, историки, начинавшие с уверенности в том, что большевистская революция была неизбежна в силу непреложных исторических законов, пришли - при условии интеллектуальной честности и профессиональной компетентности - к признанию других причин и иных возможностей. Как бы то ни было, они расчистили почву и были первопроходцами социально-политического анализа, который позволяет уточнить характер отношений между государством и гражданским обществом. Это последнее в России стояло только на пути формирования, и надо попытаться выявить его структуру и его отношения с духовными и интеллектуальными факторами, которые тоже нуждаются в новых исследованиях. Особенно важно, что такая программа исторических исследований и размышлений заставляет нас пересмотреть этот период в рамках присущих ему понятий, приняв за точку отсчета восприятие этой эпохи современниками. Речь идет не о том, чтобы оставить в стороне события 1917 года: без них ни суждения о предшествующем периоде, ни его анализ были бы невозможны. Но эти события не должны преподноситься как телеологически предопределенная развязка. Пытаясь провести предварительный анализ и синтез

этого периода, мы начнем с краткого хронологического описания основных событий и только затем перейдем к выявлению постоянных и переменных элементов социального, политического и культурного порядка.

ЭПОХА ВЕЛИКИХ РЕФОРМ

Последнее пятидесятилетие императорского режима началось отменой крепостного права 19 февраля 1861 года, открывшей эпоху великих реформ. Благодаря раскрепощению свыше 20 миллионов крепостных, принадлежавших частным владельцам, получили личную свободу. Во избежание немедленной пролетаризации они получили минимальные земельные наделы. Одновременно их бывшие господа, землевладельцы, были освобождены от обязанности нести охрану порядка в деревне, и начала устанавливаться новая система охраны порядка. Земская реформа 1864 года перестроила местную администрацию. На основании закона 1864 года в уездах и губерниях были созданы более или менее автономные учреждения: представители основных категорий населения, составляющие земства, должны были заниматься поддержанием общественного порядка, социальной опекой и здравоохранением. Собственно говоря, полномочия земств и их инициатива были весьма ограничены, так как только центральные власти решали вопросы бюджета и через своих местных представителей (губернаторов и т. д.) определяли величину налогового обложения. Кроме того, управлявшие земствами дворяне стремились использовать земства как сеть политической коммуникации, предназначенную - по крайней мере, таковы были их надежды - стать прологом и инфраструктурой нацио-

нального конституционного движения. Это вызвало конфликт, имевший тяжелые последствия.

Перестраивая местную администрацию, правительство одновременно учреждало новую судебную систему, более прогрессивную и либеральную, чем судоустройство в странах Западной Европы. Не вдаваясь в детали, отметим введение суда присяжных, несменяемость судей и перво-степенное значение, отдаваемое при их выборе критериям компетентности и порядочности. Кроме того, в судах стало обязательным уважительное обращение с обвиняемым, проведение очных ставок между ним и свидетелями обвинения, предоставление адвоката для его защиты. Создание адвокатуры способствовало улучшению судебной процедуры и гласности суда, а также тому, что уголовная юриспруденция стала принимать во внимание соображения социального и психологического порядка. Для завершения судебной реформы недоставало только полной системы законов. В начале XX века было предпринято ее составление, но оно так и не было закончено до 1917 года. У судебной реформы был еще один важный недостаток: крестьяне не обладали тем же статусом, что все прочие подданные императора. Их тяжбы разбирались особыми судами и только в отдельных случаях попадали в обычный суд. Ввиду отсутствия соответствующего эпохе гражданского кодекса и из-за того, что сельские суды основывались на обычном праве, крестьяне не пользовались той неприкосновенностью собственности, какая была дана другим подданным империи. Эта юридическая дискриминация не только умаляла значение реформы, но и увеличивала недовольство и враждебность как крестьян, так и имевших с ними дело интеллигентов - либерально и народнически настроенных земских служащих. Таким образом, прочное правосознание развилось быстро и успешно только среди представителей

средних образованных классов, оставив вне своего влияния подавляющее большинство населения.

Последней фундаментальной реформой царствования Александра II было введение обязательной и краткосрочной всеобщей воинской повинности. Эта реформа положила конец насильственному, практически пожизненному набору рекрутов исключительно из крестьян и дала начало национальной армии, состоящей из всех граждан страны. В будущем это привело к демократизации и профессионализации офицерского корпуса. Таким образом накануне Первой мировой войны Россия располагала национальной армией, хорошо обеспеченной офицерским составом, но посредственный уровень верховного командования привел ее к катастрофе. Несомненно, что огромное социальное значение военной реформы еще не было серьезно изучено, так что я коснусь ее лишь мимоходом. Всеобщая воинская повинность стала мощным инструментом включения крестьянства (русского простонародья и инородцев) в гражданское общество империи и хорошим приводным ремнем культуры в деле модернизации народа. Необразованный солдат учился читать и писать (правда, неизвестно, насколько успешно). Крестьянин-новобранец нередко впервые встречался с современным снаряжением и техникой, не говоря уже о том, что он получал возможность общения с людьми, происходившими из самых разных местностей и слоев населения. Так как служба длилась всего несколько лет, солдат мог по возвращении принести в родной круг свой военный опыт. Социальные и культурные последствия этого феномена заслуживают широкого и глубокого изучения.

Если не заглядывать далеко, можно оценить четыре великие реформы правления Александра II как чрезвычайно успешные, тем более, что они были проведены

консервативным правительством в довольно отсталой и бедной стране. Благодаря этим реформам Россия сделала огромный скачок вперед, чтобы стать наравне с индустриализирующимся западным миром. Без потрясений, насилия и немедленного серьезного кризиса они поставили страну на путь глубоких социальных перемен. Но рассмотрение результатов, проявившихся в течение нескольких следующих десятилетий, приводит к более сдержанному суждению: за первоначальными успехами последовали тяжелые затруднения. Основываясь на этих позднейших последствиях, многие из которых нельзя было предусмотреть, как советская, так и радикальная историография вынесли отрицательное и, по нашему мнению, несправедливое суждение о совокупности реформ, начало которым, напомним, было положено при Николае I.

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ

Не вдаваясь в детали, которые уже достаточно описаны в большом числе монографий, отметим отрицательные последствия и недостатки, проявившиеся к концу XIX века. Основным из них была ошибочная оценка новых условий, основанная на статическом подходе, не учитывающем подспудных динамических сил быстро модернизирующегося общества. Самая тяжелая задача была поставлена самими условиями раскрепощения. Неверно говорить, как это делают советские и радикальные историки, что площадь земельных наделов, предоставленных в 1861 году освобожденным крестьянам, была совершенно недостаточна (если мы будем рассматривать данные в целом, так как существовало множество исключений в ту и другую сторону). Несомненно, наделы редко выделялись щедро, но, в общем, земли было достаточно для

удовлетворения непосредственных нужд. Однако лет десять спустя ее стало недоставать в силу двух факторов, и по крайней мере один из них предусмотреть было невозможно - демографический взрыв. Предоставленные первоначально наделы больше не удовлетворяли нужд непомерно выросшего крестьянского населения (рост же его отчасти был вызван традиционной концепцией и организацией крестьянской экономики). К этому надо прибавить нехватку капиталов и практику периодического перераспределения общинных земель, что вредило развитию сельскохозяйственной техники и оставляло как пользование земель, так и рентабельность на примитивном уровне. Земля возделывалась плохо, что приводило к постоянному недовольству крестьян, которым ее не хватало. Крестьянское недовольство в конце концов привело к мятежам и бунтам первых лет XX века. И для крестьян, и для большинства вождей общественного мнения усугубляющийся аграрный кризис можно было разрешить лишь одним способом: справедливым разделом земли, так чтобы крестьяне получили большую часть сельскохозяйственных угодий.

Однако встает вопрос: была ли эта жажда земли основной причиной аграрного кризиса и главным недостатком реформы 1861 года? Не претендуя на звание эксперта (и оставляя специалистам заботу об объективном анализе экономической ситуации), выскажу свое мнение: мне кажется, что истинная причина лежала в ограничениях на свободу передвижения крестьян. По налоговым и административным (или полицейским) причинам манифест об освобождении крестьян поручил задачу охраны общественного порядка и сбора налогов сельской общине (миру). Ни один крестьянин не мог уехать из деревни без согласия других членов общины, а согласие это давалось с трудом, так как выбывание

одного крестьянина приводило к распределению налогов между всеми оставшимися, а следовательно, к увеличению доли каждого из них. Контролируя паспорта, выдаваемые крестьянам, временно работающим вне ее, община обеспечивала их участие в уплате налогов и, мешая слишком большой мобильности крестьян, поставляла довольно дешевую рабочую силу промышленникам, а также крупным землевладельцам, нуждавшимся в ней для сбора урожая. Короче говоря, отсутствие мобильности привело к перенаселенности сельскохозяйственных областей центра России (где земли были менее плодородными); в первую очередь, по этой причине возник аграрный кризис и не создался постоянный городской пролетариат (а также не были заселены отдаленные области, прежде всего Сибирь). Когда в начале XX века правительство наконец принялось проводить политику большей мобильности, условия уже не были такими благоприятными, а идейно-политическая атмосфера выдвинула на первый план требование передела земли. Ни открытие Сибири для крестьянских переселенцев, ни ослабление контроля общины не были в состоянии быстро привести к желаемым результатам.

Что касается реформы местной администрации (земства), ее недостатки вписывались в логический порядок вещей: ведущие земские деятели, призванные сотрудничать с персоналом просвещения и здравоохранения, статистиками и техниками, рассматривали себя как ядро выборного, представительного органа нации. Поэтому они рассчитывали на то, что будут координировать и проводить земскую деятельность в масштабе всей страны. В этом они натолкнулись на сопротивление правительства, которое отказывалось принять эту логику. Земствам было отказано даже в совещательном представительстве при центральных властях. Прави-

тельство изо всех сил препятствовало эволюции, которая могла привести к конституционной монархии и положить конец личной самодержавной власти государя. Но это равнялось также отказу признать гражданское общество и созданию помех в его внутреннем формировании. Таким образом, земская реформа в конечном счете привела к тяжелому конфликту между государством и местными верхами рождающегося гражданского общества, который парализовал любые попытки оздоровить и модернизировать все стороны сельской жизни России (гигиена, сельскохозяйственно-техническое образование).

Наконец, все реформы царствования Александра II обладали общим - и неизбежным в условиях тогдашней России - важнейшим недостатком: они полностью зависели от воли самодержца. Даже высокопоставленные реформаторы при дворе или в административных органах зависели от императора, когда желали противостоять частным интересам и преодолеть преграду апатичной, продажной и плохо работающей бюрократии. Реформы, направленные на введение современных экономических отношений и на институционализацию общественной жизни по европейскому образцу, парадоксальным образом усилили власть и авторитет государя-самодержца, подорванные поражением в Крымской войне.

Неудивительно, что широкая программа реформ правительства Александра II не смогла долго продолжаться в том же ритме. Ее политический успех зависел от решимости и упорства государя - они ослабли, когда он столкнулся с возникшими практическими трудностями. Внимание императора и общественного мнения было отвлечено от долгой и тяжелой задачи осуществления реформ польским восстанием 1863 года. Восстание испугало русские власти и поставило под сомнение обо-

снованность всех усилий, направленных на либеральные реформы. В результате различных международных и внутренних отголосков польское восстание остановило прогрессивные устремления реформаторов, принадлежащих к establishment'у. Работа над реформами, тем не менее, не прекратилась. Действительно, земская и судебная реформы были проведены в 1864 году, а военная реформа - в 1874-м. Но в них уже не было первоначального порыва, оптимистической уверенности в результатах. После 1866 года вялость бюрократии и отсутствие твердости со стороны императора замедлили ход преобразований. Правительство все больше прислушивалось к советам консерваторов и умеренных вестей политику осторожности и выжидания, в то время как возникли новые затруднения, в основном экономического порядка. Многие дворяне-землевладельцы, не сумевшие приспособиться к последствиям отмены крепостного права, разорились. Не обладая инициативой и практическим опытом, они не сумели найти успешного применения капиталу, полученному ими от государства в качестве компенсации за потерю крепостной рабочей силы и части земель. С другой стороны, недостаточность наделов, предоставленных крестьянам в центральных областях, ограничения мобильности сельского населения тоже начинали давать себя знать. Недовольство крестьянства, а также интеллигенции, особенно провинциальной, создало атмосферу подспудной оппозиции, который побудил правительство к осторожности и умеренности в проведении уже принятых реформ и к отказу от их расширения.

Но разве реформы не могли продолжаться независимо от правительства? Может быть, но только при условии быстрого становления гражданского общества, обладающего хорошей внутренней структурой. Но, как мы

уже отметили, ни запертые в общинах и подчиненные особому статусу крестьяне, ни верхи земского дворянства, которым было отказано в праве объединиться и совместно действовать в масштабах всей страны, не могли образовать независимое, инициативное гражданское общество. Что касается городских социально-экономических верхов, не принадлежащих ни к бюрократии, ни к дворянству, то они только недавно начали формироваться. В таких условиях трудно удивляться появлению радикального и прямо революционного движения. Оно поддерживалось и поощрялось многочисленными течениями прогрессивной общественной мысли, отражавшими недовольство осуществлением великих реформ. Ален Безансон хорошо показал, как брожение среди студентов, разочарованных в своих надеждах на быстрое и радикальное преобразование русского общества, привело их к принятию нигилистической, материалистической и социалистической идеологии и к созданию нелегальных революционных организаций². После неудачи их попыток пропаганды, прямого просвещения народа и сближения с ним, направленных на то, чтобы взять в свои руки культурно-нравственное руководство над ним, радикальная интеллигенция и студенчество ушли в полную оппозицию. Они целиком отвергли существующую систему и всяческую программу реформ и обратились к революции как пути полного и немедленного преобразования России. Мы не будем здесь описывать историю революционных движений и кружков - это превосходно сделано в работах Франко Вентури³ и других историков. Но надо подчеркнуть, что появление революционного движения, отдельные группы которого занимались политическим террором, могло только укрепить консервативную, реакционную направленность правительства. Порыв к реформам был сломлен, недоверие, которое ис-

пытывала администрация по отношению к гражданскому обществу, возросло, тем более, что революционеры и радикальные интеллигенты явно пользовались покровительством и помощью университетских, академических, профессиональных и даже экономических кругов. Ставшая радикальной интеллигенция (лишенная, напомним, средств самовыражения) служила и предлогом и ширмой; установился "диалог глухих" между правительством и общественным мнением, то есть образованным гражданским обществом, сформированным из групп с общими профессиональными или экономическими, художественными или благотворительными интересами, которые стремились к расширению своего поля деятельности, к независимости и участию в политическом управлении страной.

Внешние события - такие, как Балканская война и завоевание Средней Азии, - способствовали воспламенению общественного мнения и снабдили его лозунгами и организационными средствами⁴. Насколько польское восстание оживило пламя шовинистического патриотизма, настолько же Балканская война и захват Средней Азии стимулировали империалистическую лихорадку и агрессивный панславизм. Националистическая и империалистическая агитация нашла себе выражение в прессе, развернулась в благотворительных обществах (Красный Крест и Славянское общество) и добровольных организациях. Так как это чаще всего шло вразрез с правительственной политикой (осторожной дипломатией, умеренной колониальной экспансией), мы наблюдаем любопытную картину: убежденные консерваторы выступают против правительства при самодержце, настоящими идеологическими защитниками которого они себя считают. Каков бы ни был ее практический успех, "правая" консервативная агитация в большой мере способствует

подрыву морального авторитета самодержавной власти. С другой стороны, она усилила интерес и любопытство к религиозным, метафизическим и националистическим (или традиционным) аспектам русской культуры, при этом не поддерживая режим, но противостоя материализму и позитивизму радикальной интеллигенции.

После Балканской войны революционная агитация усилилась, а с образованием группы "Народная воля" сделала ставку на политический террор. Народовольцы приговорили Александра II к смерти, и 1 марта 1881 года, после года безуспешных попыток цареубийства, в момент, когда Александр, казалось, был готов предоставить гражданскому обществу право ограниченного совещательного участия в разработке и издании законов, террористы-народовольцы убили его. Отклик в стране был далеко не таков, на какой рассчитывала радикально-революционная интеллигенция. Правительство арестовало и казнило участников цареубийства, а в течение следующих лет полностью разгромило народовольцев. Террору на время был положен конец. Общественность отвернулась от террористского радикализма и отошла от активной политической деятельности к "малым делам", направленным на улучшение материального благосостояния и условий жизни населения. Правительства Александра III и его сына Николая II, воспользовавшись этим, затормозили либеральное проведение в жизнь и расширение реформ, а после нескольких лет проволочек и сомнений повернули вспять, вводя то, что советская историография называет контрреформами восьмидесятых и девяностых годов.

КОНТРРЕФОРМЫ

Контрреформы особенно затронули две области: университеты и земства. Прежде всего ужесточение цензуры и контроля интеллектуальной жизни проявились в насаждении суровой дисциплины в университетах и студенческом быту. Во-вторых, было ограничено поле деятельности земств, а деятельность их, благодаря учреждению поста земского начальника, который назначался министерством внутренних дел из числа местных помещиков, была поставлена под прямой контроль центрального правительства. В этих мерах отразилась твердая решимость остановить развитие гражданского общества и ограничить его участие в общественной жизни; сельское и городское население было поставлено под контроль. Ужесточился и полицейский надзор, направляемый произволом и тиранией. Одновременно правительство Александра III, стремясь опереться на население империи, вступило на путь воинствующего великорусского шовинизма, носившего православную окраску. Привилегии и автономия, которыми пользовались инородцы не православного вероисповедания, и прежде скромные, теперь были драконовски урезаны или совсем отменены. В остзейских губерниях, в Польше, на Кавказе, даже в Финляндии началась политика беспощадной русификации. После короткого периода благосклонного нейтралитета, который стимулировал движение Просвещения (Хаскалла) и культурную ассимиляцию многочисленных молодых евреев, еврейское население стало жертвой особенно тяжких и мучительных административных ограничений и преследований, сопровождаемых ужасами погромов и экономическим обнищанием быстро растущего населения черты оседлости - назначенных для его проживания местностей империи.

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ

Зато экономическая политика, которую проводили правительства двух последних царей, благоприятствовала развитию промышленности, правда, ценой нарастания и обострения аграрного кризиса. Меры, предпринятые министрами, в частности Витте, с одной стороны, стабилизировали финансы и дали толчок экспорту сельскохозяйственных продуктов и сырья, с другой - поставили Россию, чей экономический потенциал к 1895 году невероятно вырос, в ряд мировых промышленных держав, но при этом нанесли серьезный удар сельскому хозяйству. Шаткость и бездействие в области социальной политики трагически проявились в большом голоде 1891-1892 годов. Правительство несправедливо обвиняли в том, что оно не приняло всех необходимых мер ради уменьшения страданий народа и ради того, чтобы такое бедствие не могло повториться. Но, вследствие конфликта между правительством и общественным мнением, голод и административные меры по борьбе с голодом послужили катализатором, оживившим социальную и гражданскую деятельность мыслящего общества. Вновь начались университетские волнения, а вслед за ними более явно и резко проявились признаки недовольства различных профессиональных, социальных, национальных и религиозных групп.

Экономические и социальные трудности, обостренные появлением многочисленного промышленного пролетариата, нищего и малоквалифицированного, национальные и религиозные конфликты - все это способствовало созданию атмосферы острой политической напряженности, ожидания серьезного открытого кризиса. Идеальная жизнь тоже внесла свою лепту в формирование этой атмосферы: споры между марксистами и народниками,

волна символизма в литературе и искусстве, возрождение религиозной мысли и идеалистической метафизики, наконец, дух *fin de siècle* (распространявшийся произведениями Ницше, Ибсена и др.). Буря разразилась в самые первые годы XX века. Аграрный кризис вызвал жестокие крестьянские бунты, волнения в городах, конфликты между государством и нерусскими народностями и привел к всеобщему протесту общественности против правительства. Крестьянские бунты и рабочие забастовки сопровождались актами политического терроризма, не менее выразительными и впечатляющими мирными манифестациями либеральной и прогрессивной общественности, а также публичными речами на банкетах и с университетских кафедр. Важно подчеркнуть, что в профессиональных объединениях общественность располагала удобными официальными рамками и формами для открытого проявления своего недовольства; ежегодные съезды этих объединений давали общественности трибуну для распространения ее идей и мнений. Здесь нашли прибежище бывшие вожди земского движения, отодвинутые на задний план контрреформами Александра III, - именно они организовали идеологическую и политическую кампанию против консервативного режима.

В надежде разрядить атмосферу, грозящую революцией, правительству Николая II, где главную роль тогда играл Плеве, пришла злополучная мысль вовлечь Россию в войну против Японии - предполагалось, что война будет краткой и победоносной. Правительство рассчитывало, что патриотический порыв положит конец социальному протесту и политическим выступлениям, но этот расчет оказался совершенно ошибочным. Война стала катастрофой, выявившей всю моральную и материальную слабость режима, а экономически дорого обошлась как населению, так и государству. Отнюдь не успокоив об-

щественного мнения, война обострила недовольство и прямо привела к революции. Мятежи в армии и на флоте, серия митингов, забастовок и крестьянских бунтов в октябре 1905 года привели к всеобщей забастовке, заставившей правительство отступить. Николай был вынужден пообещать, что будут проведены выборы в законодательную палату и дана конституция. Эта фундаментальная уступка привела к желаемым результатам: волнения утихли, и с подписанием Портсмутского договора в стране восстановилось спокойствие. Весной 1906 года были проведены выборы в законодательную Государственную Думу, и режим России приобрел конституционный характер. Здесь нет смысла разбирать часто обсуждаемый вопрос, был ли установленный в 1906 году режим по-настоящему конституционным или нет. Формально самодержавие не было отменено, и император фактически сохранил высшую власть. Однако создание выборной Государственной Думы (хотя и осуществленное при ограниченном избирательном праве) позволило гражданскому обществу открыто организоваться (первые были разрешены политические партии) и систематически участвовать в общественной жизни страны.

Первая Государственная Дума имела явное, хотя довольно умеренное с точки зрения социально-экономической, либерально-конституционное направление. Ее задачей - по крайней мере, в ее глазах - было, скорее, дразнить и беспокоить императорское правительство, чем сотрудничать с ним. Конфликт, в котором она выступила против правительства, быстро привел к роспуску первого русского выборного собрания. После долгих месяцев кризиса премьер-министр А. Столыпин предпринял серию мер, которые общественность оценила как государственный переворот. Он изменил избирательную процедуру, в результате чего в 1907 году

была избрана умеренная, примирительная Государственная Дума. Столыпин предпринял также энергичные меры для подавления вспышек насилия в городах и селах; установив в стране военное положение, он в конце концов усмирил ее. Между 1907 и 1914 годами (собственно говоря, почти вплоть до революции 1917 года) период затишья позволил России встать на ноги, возобновить индустриализацию и модернизацию страны и провести меры по преобразованию ее сельскохозяйственной структуры⁵. Умственная и культурная жизнь получила второе дыхание и познала период ослепительного творческого расцвета почти во всех областях. Впервые западный мир следовал за Россией, перенимая ее стиль, ее вкусы и ее духовные ценности.

Растущая бездарность исполнительной власти, фрондерство влиятельной части гражданского общества и с новой силой начавшаяся революционная агитация создали атмосферу подспудного кризиса и конфликта. Тем не менее, решающим оставался социальный вопрос. Пролетариат и крестьянство по-прежнему страдали от своего неустойчивого материального положения - оно, правда, медленно улучшалось, но за счет отказа от многовековых народных традиций и обычаев, поскольку бóльшая часть пролетариата происходила из крестьян и не утратила связи с деревенской жизнью. Подвергаясь полицейским репрессиям, не пользуясь доверием правительства, образованные классы, т. е. упрочившаяся интеллигенция, не могли честно и успешно сотрудничать с государством. В поисках социальной опоры Столыпин и его преемники обратились к русским имущим классам в расчете на их националистическое и патриотическое чувство - это породило конфликты и раскол в верхах нерусских народностей. Выставляя напоказ великорусский национализм внутри страны и империалистический шовинизм

за рубежом, режим прилагал все силы, чтобы втянуть Россию в международные и дипломатические конфликты в надежде на то, что при этом затемнятся, забудутся или отодвинутся на задний план внутренние проблемы. Именно так Россия была вовлечена в Мировую войну, поражения в которой и их катастрофические последствия способствовали если не неизбежности, то, по меньшей мере, огромной вероятности революции. Когда правящие элементы гражданского общества и оставшиеся верными петровскому государству верхи увидели в придворной клике, в личности Николая II и его окружении, а также в бездарности бюрократии преграду к внутреннему обновлению и мобилизации ресурсов страны для ведения войны до победного конца, настал последний час режима. Прекращение снабжения городов и выродившаяся в бунт демонстрация против нехватки хлеба в столице стали толчком, спровоцировавшим падение режима. Покинутое всеми элементами общества, императорское правительство внезапно прекратило свое существование.

После этого сжатого описания событий, последовавших за 1861 годом и послуживших определению формы отношений между обществом и государством, пришло время пристальней исследовать основные факторы, определившие эти отношения.

ДВА ПОЛЮСА

С одной стороны, существуют постоянные элементы, с другой - факторы, подверженные изменениям. Следовательно, можно говорить о некоем эллипсе социальных и политических сил. Два элемента, которые, по нашему мнению, оставались постоянными, оказались на двух противоположных полюсах, в состоянии вечного конф-

ликта, постоянной борьбы не на жизнь, а на смерть. Эта вражда в большой мере продиктовала расположение остальных элементов общества.

Образ царя. На одном из полюсов находился самодержавный государь - император (и его непосредственное политическое окружение). Он был основой русской социальной, политической и идеологической системы. Выше мы не раз отмечали решающую роль личной власти самодержца. В лице Николая I она воплотила систему, которая, несмотря на свой принципиально консервативный и нединамичный характер, подготовила информацию и кадры, необходимые для реформ следующего правления. Та же самодержавная власть в лице Александра II победила сопротивление поместного дворянства, бюрократов и старых сановников и позволила разработку, а затем проведение реформ. Но опять-таки в лице Александра II она сошла с реформистского пути прогресса и отказалась предоставить формирующемуся гражданскому обществу активную общественную роль и преобразить страну по образцу умеренного правового государства. Наконец, на личной власти двух последних самодержцев, Александра III и Николая II, лежит ответственность за ретроградную политику контрреформ. На эту политику, упрямо проводившуюся Николаем II, в большой мере ложится вина за то, что октябрьский манифест так и не смог превратить Российскую Империю в настоящий либерально-конституционный режим и, защитив власть самодержавия и его бюрократии, привел Россию к революции 1917 года.

Ситуация парадоксальная: в XIX веке чисто личная власть царя ослабляется. Все больше растет разрыв между императором и обществом, страной. Правда, кажется, вплоть до Кровавого воскресенья 9 января 1905 года простой люд видит в императоре благосклонного отца. Но это лишь дело привычки - сам монарх не наделяет свой

"политический миф" никаким зримым, символическим или ритуальным подтверждением. Все прочее население: образованные классы, городской пролетариат, инородцы - теряет всякую веру в отеческую роль и благие намерения государя. Сознывая влияние, которое может оказывать личность самодержца, оно приходит к требованию превращения его в конституционного монарха. Само собой разумеется, трудно подтвердить на фактах эту трансформацию народного мифа и политического (монархического) чувства. Как о том свидетельствует деятельность Гапона и попытки Зубатова, до 1905 года можно было верить, что для простого рабочего люда родом из крестьян император сохранил отеческий образ. Приказ Николая II стрелять по безоружной толпе, которая шла к нему с жалобами и мольбой о помощи, одним махом разрушил традиционный миф.

Но вернемся к этой парадоксальной ситуации. Ее особенность состоит в том, что в XIX веке государь сам брал на себя инициативу модификации своего традиционного образа. Императоры и императрицы XVIII века, одеваясь по-европейски и называя себя "государями императорами", согласно римской традиции своих западных собратьев, оставались относительно доступными, не порвали связи с народом, по крайней мере, с населением столиц. Встреча невесты Гринева с императрицей в публичном саду отнюдь не является плодом воображения сентиментального литератора - она была совершенно возможна. К величайшему удивлению иностранных дипломатов, Александр I в одиночестве прогуливался пешком по улицам столицы. В XVIII веке, особенно во времена Петра Великого, Елизаветы и Екатерины II, публичными были многочисленные праздники и церемонии с активным участием государя, который в ходе их прямо общался с населением. Так же обстояло дело при рели-

гиозных церемониях - коронации, крещении, бракосочетании или похоронах членов императорской фамилии. Все дворяне, даже самые обездоленные и безвестные, имели доступ ко двору.

С приходом к власти Николая I произошла радикальная перемена, уже намечавшаяся во второй половине царствования Александра I, который все же еще следовал публичной традиции XVIII века, да, к тому же, не вел настоящей домашней жизни⁶. Как и его отец, Павел I, Александр обожал военные учения и парады. С тех времен пошла "парадомания" русских государей, свидетельствующая о многозначительной перемене. Военные парады (смена караула Зимнего Дворца и прочие церемонии такого типа) сменили собою публичные праздники и торжества, даруемые государем всему населению. Пришел конец публичным балам, праздничным салютам, триумфальным выездам и т. д., которые всегда были для монарха случаем показаться публике и соприкоснуться с праздничной толпой. Военный парад разделяет монарха и зрителей; вытянутые колоннами полки вырастают живой стеной между императором и его народом - и берегись нарушивший границу и вышедший на предназначенное полкам место. Николай не отменил этого обычая; более того, он утвердил это разделение, замыкаясь в своей частной семейной жизни. Сама придворная жизнь становится не такой открытой и публичной, доступ на приемы и церемонии не так легок, как некогда. Повседневная жизнь двора все больше подстраивается под жизнь монарха, принимает в себя его семейные заботы; государь и государыня, следуя своим идеалам и темпераменту, посвящают себя воспитанию детей и пристально следят за их образованием. Само собой разумеется, этикет остается важной стороной их существования; церемонии обязывают императора и его семью регулярно

появляться на публике: воскресное шествие в церковь и возвращение из нее; торжественный прием в Светлое Воскресение; с большой пышностью и великолепием обставленные появления по случаю некоторых праздников (водосвятия, юбилеев и т. п.); наконец, внушительная церемония коронации в Москве. Но, повторим, торжества устраиваются впредь таким образом, чтобы помешать общению народа с его государем; увидеть монарха можно только издали, от него отделяют марширующие полки (то же самое отчасти происходит и в случае "публичных" церемоний при дворе). Приходит мысль, что привилегированное место, которым государь наделяет свою семью и свою частную жизнь, удаляет его от народа. Исчезает традиционный образ батюшки-царя, стирается еще более старый московский образ представителя Христа, сошедшего на землю и несущего благоденствия. Секуляризация XVIII века, "приватизация" XIX-го уничтожили традиционную народную концепцию русского государя. Традиция лично воплощенной власти ослабевает и в конце концов рушится как раз в тот момент, когда призвана сыграть первостепенную политическую роль. Велик соблазн поставить прямо в вину императору все неудачи и катастрофы страны, обвинить его в самоизоляции, неведении и незаинтересованности проблемами страны - ведь все должно происходить под его управлением и по его приказам. В результате, преувеличивают роль его личных друзей и членов императорской фамилии. Любимцы последних императоров - уже не общественные фигуры, как это было в XVIII веке, но просто друзья или сотрапезники, которых обвиняют или подозревают в неясном и поэтому пагубном влиянии. Кстати, если говорить о Вырубовой и Распутине, то эти обвинения небезосновательны. Вследствие своих личных склонностей Николай II как

можно больше избегал придворных и публичных церемоний. В конечном счете, последний самодержец теряет свой политический авторитет, уходя в свою личную жизнь, которая изолирует его от страны и народа. Он хочет выглядеть буржуазным отцом семейства по образцу Луи-Филиппа или короля Вюртембергского - таким, какими и в наше время являются конституционные монархи. Но этим он подрывает всякое доверие к своей личной политической власти, нанося окончательный удар традиции и мифу, на которых основывалась имперская система.

Бюрократия или бюрократы? Естественно, что каким бы могущественным и независимым ни был самодержец, какой бы личной властью он ни обладал, он не может править без советников и чиновников. Он может также обращаться к помощи своих придворных, одни из которых одновременно являются чиновниками, другие же не принадлежат ни к какому административному учреждению империи. В его распоряжении существует Третье отделение канцелярии Е.И.В. и жандармский корпус (которому в конце XIX века пришло на смену пресловутое Охранное отделение, или охрана, в действительности тайная политическая полиция). Функции двух последних, в их собственном понимании, были прямой иллюстрацией личностного характера власти монарха. Именно служба лично императору, они собирали сведения, посылали инспекторов (своего рода *missi dominici*) и флигель-адъютантов для немедленного выполнения воли государя через голову бюрократической иерархии, иногда вопреки ее решениям.

Однако рассмотрение обычного аппарата чиновников - назовем его просто бюрократией (хотя это определение для Российской Империи требует учета всех оттенков) - приводит к выводу, что он отнюдь не монолитен. В

очень интересном исследовании американский историк Тарановский различает две сети чиновников, "две бюрократии", борющиеся за расположение монарха, чтобы управлять страной. Отметим, что эти две сети дожили до конца империи, вступая в союзы с различными кругами общества, когда те начали формировать настоящее гражданское общество. С одной стороны, образовалась сеть либеральных реформаторов, с другой - консерваторов (мы предпочитаем говорить о сети, а не о партии, так как последний термин подразумевает гораздо бóльшую идейную и институциональную цельность). Но нельзя довольствоваться ярлыками. В первой половине правления Александра II самая динамичная и влиятельная группа состояла из высших чиновников, сформировавшихся и начавших свою деятельность в администрации Николая I. Там выработалась их профессиональная этика, следуя которой они были должны служить не только императору, но не в меньшей степени также стране и народу, чтобы расчистить путь для материального и духовного развития нации. И они совершенно отчетливо сознавали, что государь - их главная опора в деле как разработки реформ, так и наблюдения за их осуществлением ради освобождения творческих сил всех "сословий" нации. Либеральные реформаторы хотели довести до конца программу начатых реформ, иначе говоря, они стремились развернуть динамичный процесс, который привел бы к мирному, гармоничному переустройству общества, основанному на "буржуазной" и либеральной социально-экономической системе. Они стояли за умеренное *laissez-faire*, способное позволить духу предпринимательства и личной инициативы проявиться во всех областях русской жизни. По их мнению, отмена крепостного права должна была привести к росту мобильности и независимости крестьянства, а земская реформа - к настоящему местно-

му самоуправлению. В области экономики либеральные реформаторы рассчитывали на растущую индустриализацию и модернизацию страны, не оставляющую в стороне интересы сельскохозяйственного сектора. Их политика в области культуры, просвещения, цензуры и т. д. была настолько либеральной и прогрессивной, насколько это было возможно в условиях того времени. Они, безусловно, не желали ни конца империи, ни конца самодержавия (на которое они опирались) - их лояльность была вне сомнений. Преобразования страны, по их мнению, могли проводиться только под руководством государя и при доброжелательном, отеческом покровительстве государя.

Вторая сеть, или "партия" имела более ограниченный состав: в нее входили высшие сановники, чаще всего "аристократического" происхождения, сформировавшиеся при дворе. Они руководствовались модными в двадцатых годах XIX века принципами реакционного консерватизма, а их практический опыт часто был опытом военным. Военные тоже были тесно связаны со двором, что придавало их группе некоторый дух "камарильи". Любопытно, что в семидесятые-восемидесятые годы они часто становились союзниками губернаторов, которые рассматривали себя как личных представителей императора и уполномоченных центрального правительства и были сильно настроены против деятельности земств, подозревая их в республиканском радикализме. Самодержавие было для консерваторов священным, и консервативные чиновники считали, что реформы пошли настолько далеко, насколько это было необходимо; страна должна сначала принять их, переварить, дальше будет видно. Они пользовались сочувствием и поддержкой не только части двора (а иногда и самого Александра II), но и зажиточного дворянства, которое

чувствовало себя ущемленным в правах своей собственности и не хотело даже слышать о земствах или с представительном совещательном органе.

При рассмотрении социального происхождения чиновников этих двух сетей наблюдается некоторый парадокс. Либеральные чиновники, в своем большинстве, принадлежали к мелкому дворянству и своим положением были полностью обязаны государственной службе. Если верить исторической логике, они, подобно своим предшественникам - служилой шляхте 1730 года, должны были бы стать безусловными защитниками не только самодержавной монархии, но и всей существующей политической системы, которая позволила им достигнуть "степеней известных" и влиятельного положения. В понятиях XVIII века, в силу своего происхождения, они должны были бы противиться всему, что открывало дорогу полуконституционному режиму, который предоставлял гражданскому обществу больше автономии, независимости и влияния. Консерваторы, напротив, часто были "аристократического" происхождения, наследниками верховников 1730 года. По той же логике, им следовало стать носителями и защитниками политики, которая предоставила бы их узкой группе совещательный голос и - в духе сенатской партии, существовавшей при Александре I, - привела бы к конституционному устройству под управлением олигархической элиты (основанной на происхождении, ранге и богатстве). Однако, как мы уже отметили, они рассуждали далеко не так - наоборот, они больше всего боялись, что земства под управлением представителей зажиточного провинциального дворянства приведут империю к конституционной монархии.

Существование этих двух тенденций в рядах бюрократии привело к тяжелым последствиям. Либеральная группа лучше знала нужды страны, и ее представители

обладали ощущением объективной реальности, которое сопровождалось знанием и пониманием интеллектуальных и материальных факторов, составлявших движущую силу прогресса в Европе, и желанием приобщить к нему Россию. Их склонности были на стороне динамичного, плюралистического общества, на стороне гражданского общества, которому правительство и могло бы, и обязано было доверять. Кажется, что, если бы Россия последовала их советам, она гораздо быстрее и основательней встала бы на путь модернизации. Из их рядов вышли государственные деятели и чиновники, которые храбро, хотя и не всегда умело, старались предотвратить конфликты и крах, поглотившие в конце концов страну в XX веке. Но их деятельность не могла быть достаточно успешной без полной поддержки государя, так как русское общество еще не обладало достаточно развитыми структурами, чтобы стать фундаментом этой деятельности. В этом-то и была их слабость. Когда требовалось затронуть политическую систему, руки либеральных реформаторов были связаны. Для энергичного осуществления своей программы культурного и материального обновления им требовалась поддержка самодержавного государя. Путь конституционализма был для них закрыт, так как они не могли открыто объединиться с теми элементами общественности и гражданского общества, которые обладали аналогичными устремлениями, но требовали конституционного переустройства политической системы.

Консервативные чиновники тоже опирались исключительно на государя, прерогативы которого они защищали с помощью придворных кружков и друзей императорской фамилии. Они отдавали предпочтение возврату к деспотическому и централистскому патернализму в стиле Петра Великого и Николая I, но при этом, кажется,

оставляли в стороне положительный аспект такой системы - построение могущественной и благоденствующей Российской Империи, так как в XIX веке эта задача подразумевала наличие плюралистической, динамичной нации и творческого, независимого гражданского общества. Однако гражданское общество, участие которого было необходимо для достижения материальных и военных целей, неизбежно должно было вступить в конфликт с самодержавием и бюрократическим контролем.

В обоих случаях, учитывая, что обе группы провозглашали себя защитниками самодержавия, судьей положения был государь, державший в руках весы с обеими "партиями" и принимавший решения то в пользу одной, то в пользу другой. Пока государь проявлял достаточную прозорливость для проведения гибкой, реформаторской и благоприятствующей прогрессу политики, дела шли более или менее хорошо. Так было в первый период царствования Александра II. Во второй половине его царствования, в силу непредвиденных причин (влияние окружения на чудаковатую личность монарха) и вследствие растущих социально-экономических затруднений, положение стало ухудшаться. Но, когда стал царствовать государь посредственного ума, ограниченного и реакционного духа, каким был Александр III, а затем почти патологически безвольный и слабый Николай II, система быстро дошла до катастрофы. Не было никакого запасного выхода, никакого способа без насильственных потрясений прорвать заколдованный круг, возникший в результате негибких отношений между тремя господствующими элементами Империи. Самодержавие выжило даже после того, как перестало выполнять свою историческую функцию, и тем способствовало ослаблению режима; его инерция, его

несостоятельность перед лицом войны и социально-политических конфликтов была одним из основных факторов его полного и окончательного крушения в февралемарте 1917 года.

Радикальная интеллигенция. Радикальная интеллигенция представляла собой второй устойчивый полюс социально-политической конфигурации Империи между 1861 и 1905 годами. Мы видели, как замкнувшаяся в себе молодая культурная элита отказалась от участия в практической жизни и государственной службе при Николае I. В поисках самоопределения она начала формировать свою идеологию, основанную на историсофии России, ее прошлого и ее будущего, а также на моральном представительстве русского народа и предстоящей ей роли. В общем, эта идеология - скорее, поиски идеологии - свидетельствовала о потребности самоутверждения интеллигенции (о потребности самоопределиться по отношению к ходу истории и к русскому народу). В этом смысле интеллигенция характеризовалась осознанием некоего специфического момента исторической и эсхатологической эволюции России - момента, когда она укажет путь народу, приведет его к участию в этой эволюции и позволит ему содействовать построению общества будущего. Предлагаемые ею позиции и пути были различны - существенным оставалось осознание исторического момента и отношений с народом, что подразумевало особую концепцию как исторического процесса, так и природы (или характера) народа. Интеллигенция стояла перед выбором: либо пассивность, основанная на представлении о неотвратимом ходе исторического процесса, либо волюнтаризм, опирающийся на рационалистические конструкции действительности с целью преобразовать общество и его материальную жизнь.

Младшие поколения интеллигенции были волонта-

ристскими, а следовательно, более радикальными. В то время как "отцы", люди тридцатых-сороковых годов XIX века, были идеалистами, "дети" обратились к философскому материализму. Они легко превратились в революционеров, вели активную борьбу, прибегли даже к террору, чтобы сместить центр тяжести исторического развития России; они приложили все силы для разрушения существующей системы, чтобы на совершенно иных основах построить новое общество. Как объяснить такую эволюцию? Мне кажется, к этому привели три основных фактора. Во-первых, изменение коллективной психологии целого поколения: оно отвернулось от философского идеализма старшего поколения и с энтузиазмом приняло довольно упрощенческий материализм, слепо поклонялось науке и выставляло напоказ твердую волю, порывавшую с традициями *Schönseelerei* и мечтаниями предыдущего поколения. Это превращение часто объясняли тем, что интеллигенция нового поколения - нигилисты пятидесятых-шестидесятых годов - формировалась из представителей иной социальной среды, в основном разночинцев, чаще всего детей духовенства, в то время как люди тридцатых-сороковых годов принадлежали к поместному дворянству. Но это не совсем верно: большинство представителей нового поколения также были дворянами. Однако, как свидетельствуют воспоминания участников, здесь мог сыграть свою роль психологический фактор. Отцы нигилистов, часто получившие дворянство благодаря служебным заслугам отцов и дедов, играли активную роль на высоких или средних постах в царствование Николая I, при режиме, который был закрытым и негибким, строился на века и был основан на безусловном подчинении отцовской власти, которая навязывала дисциплину семье и деревне точно так же, как император, воплощение этой отцовской власти, на-

вязывал дисциплину правительству и стране. Поражение в Крымской войне, вскрыв глубокие разногласия и сорвав маску с бездарности, продажности и беспорядка, подорвало или прямо уничтожило патриархальный авторитет режима. Последний удар по нему был нанесен отменой крепостного права: в один день власть дворян, слуг государства, над крестьянами рухнула, испарилась, лишая отцов их роли, подрывая их моральный авторитет. Следовательно, они больше не могли служить примером своим сыновьям, и те отреклись от них. Бунт против всего, что несло старшее поколение тридцатых-сороковых годов, - против их системы ценностей и идеалов - был всеобъемлющим. Молодежь во всем пошла другим путем.

Это социопсихологическое объяснение, само по себе, может быть, и достаточное, - не единственное. Надо учитывать еще один объективный фактор русской действительности - университетскую жизнь. Специализированное высшее образование стало условием *sine qua* поп всякой заслуживающей такого названия карьеры, будь то на государственной службе или в профессиональной жизни. Все молодые люди из хороших семей (дворянских и не дворянских) и честолюбивая молодежь скромного положения стекались в университеты. Они впервые оказывались в незнакомой среде (а иногда и в незнакомом городе), без семьи, с сознанием своей отрезанности от народа. Студентам, лишенным не только комфорта, но и самого существенного - хорошего общества, - оставалось лишь участвовать в деятельности уже существующих кружков или создавать новые. Верные традиции XVIII - начала XIX веков, кружки источали эмоционально-напряженную атмосферу, создавали затягивающий микроклимат и требовали от своих членов идейной и духовной ортодоксальности. Эта форма соци-

альной жизни облегчила плодотворное проведение пропаганды среди новичков со стороны старших и тех, кто обладал идейным, социальным и нравственным влиянием. Вследствие того, что чувство самосознания и моральной устойчивости студентов расшаталось или прямо было уничтожено крахом моральных, социальных и экономических устоев отцов, кружки, созданные студентами для студентов, сыграли решающую роль в радикализации молодежи и в усвоении ею философской и политической пропаганды. И так как до самого конца Империи университеты остались местом умственного и профессионального формирования русской молодежи (их влияние проникло даже в гимназии), сохранялась и традиция кружков вместе с их тиранической властью над умами.

Однако, если бы не правительственная политика народного просвещения, университетская среда и кружковая радикальная идеология не так легко и не столь полно оказали бы влияние на студентов. Поведение университетской администрации по отношению к студентам, шаткость материально-бытовых условий, в которых жило большинство из них и средств к улучшению которых власти не были способны найти, - все это укрепляло восприимчивость студентов к моральному влиянию кружков. Нелепая (чтобы не сказать хуже) политика в области цензуры и дисциплины, упрямое сохранение правительством преподавания, лишённого практического смысла, шедшего вразрез с основными течениями европейской интеллектуальной жизни, оживили и обострили недовольство. Еще серьезнее было то, что правительство запрещало или препятствовало гражданскому обществу развивать и применять познания, которые оно приобрело, на земской работе. Студент чувствовал, что он не нужен ни своей стране, ни себе подобным, если не поступал на государственную службу

(где предпочтение отдавалось обладателям дипломов специализированных технических институтов, прямо зависящих от некоторых министерств, в частности Военного и Морского). Большинство же студентов, желая сохранить свою духовную свободу и независимость, не хотело туда поступать. Таким образом, радикальный или прямо революционный дух передавался в университете от поколения к поколению. Вышеописанные обстоятельства вызывали симпатию развитой среды, профессиональной и образованной верхушки, - именно там радикальные элементы кружков находили финансовую помощь и защиту от полиции, даже когда занимались террористической и революционной деятельностью.

Начерченная нами схема относится прежде всего к нигилистам и радикалам семидесятых годов. Однако в основных чертах она осталась в силе и для последующих десятилетий. Надо все же подчеркнуть, что радикальная интеллигенция была именно той частью образованной (или полуобразованной) элиты, которая отказалась от активного участия в жизни правительственного и социального establishment'a; она постоянно держалась в стороне, иначе говоря, обособилась в непреходящем ожидании радикально-революционных преобразований. С этой целью ей пришлось обзавестись не только политической программой, но и той или иной идеологией (научный позитивизм, марксизм, романтическое народничество). По идеологическим причинам или, что случалось реже, в силу реального сознания убогих условий жизни в стране, радикальная интеллигенция стремилась к тому, чтобы реформы, начатые в 1861 году отменой крепостного права, стали отправной точкой полной перестройки социального, экономического и политического устройства Империи. Вне этого пути она была против всех компромиссных мер, против любой постепенной програм-

мы умеренных реформ и отказывалась от участия в деятельности формирующегося гражданского общества. Так, она отбрасывала политические программы земств, стремившихся к конституционному политическому режиму, но не решавших при этом вопроса о социальном устройстве.

Радикальная, замкнутая в себе интеллигенция неизбежно видит в самодержавии, императорском режиме, который преследует и подвергает гонениям ее представителей, своего основного врага. Ее ненависть к самодержавию беспощадна, жестока и тотальна - только уничтожение режима, чем бы за это ни поплатилось общество, может эту ненависть утолить. В этом смысле ее образ мыслей в большей степени, чем ее деятельность, уже приобретает тоталитарно-идеологическую структуру. Крайняя нетерпимость и догматизм, которыми характеризуется коллективное умонастроение радикальной интеллигенции, зеркально отражают ограниченность и жестокость самодержавия, против которого эта интеллигенция борется с достойными восхищения яростью и самоотречением. Так же, как самодержавие остается неизменным и недвижимым вследствие своих политических функций в системе, которую мы описали выше, радикальная, отчужденная интеллигенция всегда остается похожей на самое себя (какова бы ни была ее идеология и тактика) и образует второй недвижимый полюс социально-политической сферы империи. Все это происходит по той простой причине, что факторы, породившие эту интеллигенцию в пятидесятых-шестидесятых годах, не прекратили своего существования и *mutatis mutandis* оставались все теми же. При необходимом для дальнейшего существования самодержавия отсутствии сильного и хорошо устроенного гражданского общества и независимой общественной жизни, отчужденная интеллигенция неиз-

бежно выживала, возрождаясь из пепла, обновляя свои ряды в той же университетской среде и готовила профессиональных революционеров - тех дипломированных пугачевых, которых предвидел Жозеф де Местр.

ПОМЕСТНОЕ ДВОРЯНСТВО

На одном полюсе - самодержавие, на другом - отчужденная радикально-революционная интеллигенция. Между ними располагались элементы быстро развивавшегося общества, и каждый полюс хотел привлечь их на свою сторону. Рассмотрим их внимательнее. Начнем с дворянства - со времен Петра Великого самого видного класса русского общества, по крайней мере, в правовом и культурном плане. При Николае I завершился раскол между придворной "аристократией", классом все более профессиональных чиновников, и поместным дворянством, более или менее участвующим в экономической и культурной жизни провинции. Говоря о самодержавии, мы уже упоминали тех, кто составил класс профессиональных чиновников. Здесь мы будем говорить только о поместном дворянстве, ушедшем в частную жизнь или стремившемся выполнять общественную роль в земствах. Для большинства дворян отмена крепостного права была тяжелым ударом - не очень богатые дворяне были практически разорены. Многие из них, пройдя через это испытание, так или иначе устроились в бюрократических учреждениях, на профессиональных или технических постах и приняли этику и интересы этих сфер. Недавние исследования показали, как формирование и укрепление особой этики внутри профессиональных объединений привели эти объединения к активному участию в экономическом развитии страны, в усилиях, направленных на то,

чтобы оделить благами прогресса все классы общества, и как они в конце концов получили право совещательного голоса в делах, находящихся в их компетенции. Из-за того, что самодержавие и бюрократия упрямо сопротивлялись участию профессиональных кругов в общественной жизни, конфликт между ними и режимом был неизбежен. Сначала это был конфликт чисто технического порядка (например, разногласия по поводу здравоохранения или просвещения в деревнях). Но под давлением правительственных мер по цензуре и контролю этот конфликт быстро вышел за чисто профессиональные рамки, и профессиональные объединения приняли радикальную политику. Такая политизация могла быть направлена только против режима, даже если каждый отдельный член объединения оставался лояльным подданным и горячим патриотом. Когда голод 1891 года, русско-японская война и революция 1905 года взволновали общественность, эти объединения не только оказались в оппозиции к режиму, но иногда даже вступали в союз с революционными партиями.

Мы оставим в стороне тех, кто впал в нищету и утратил свое социальное положение (например, разорившиеся дворяне, описанные Достоевским, - такие, как семья Раскольников). Остальные дворяне попытались превратиться в класс землевладельцев. Доходы от их хозяйства должны были позволить им выжить и дать сыновьям хорошее образование, чтобы они могли сделать карьеру в профессиональной или университетской среде, в администрации или хозяйственных предприятиях. Дворяне-землевладельцы часто работали в земствах, притом не всегда на ключевых постах. На первый взгляд, может показаться странным, что государство не очень благопринятно смотрело на их попытки сформировать деревенские верхи, прочно закрепившиеся в области сельскохо-

зяйственного производства и в земской администрации. Однако главной заботой государства было крестьянство, а не дворяне, так как оно считало, что достаточно защитило дворянские интересы в акте об отмене крепостного права. В частности, политика Витте, начало которой было положено Бунге и Вышнеградским, его предшественниками в министерстве финансов, давала приоритет промышленности и приносила ущерб сельским хозяевам, будь то дворяне или крестьяне. Эта политика только укрепила недоверие и вражду между поместным дворянством и бюрократией, возникшие еще при Николае I и разгоревшиеся в результате отмены крепостного права.

Сознавая, что оно толкает поместных дворян к фронде и что в силу экономических условий это может создать социальную опасность, самодержавие в 1880-90-х годах изменило свою позицию по отношению к нему. Предоставив классу дворян-землевладельцев ответственность за поддержание общественного порядка в деревнях и контроль над земскими учреждениями и одновременно дав им более широкие экономические возможности, самодержавие стремилось сделать их своей социально-политической опорой. Оно попыталось помочь им выйти из затруднений, основав специально для дворян сельскохозяйственный банк и предоставив льготные тарифы на их продукцию. Этими мерами Александр III и Николай II надеялись вернуть себе политическую базу и "восстановить дворянство". На этот раз оно должно было стать в основном сельским, а его интересы - экономическими. Но время ушло: значительная часть дворянства уже отошла от занятий сельским хозяйством, и утопично было рассчитывать на остающееся меньшинство, в то время как сельскохозяйственные угодья все быстрее переходили в руки купцов и богатых крестьян. Кроме того, поощрение дворян-землевладельцев, чей эконо-

номический вес был относительно небольшим, ущемляло крестьянство и наносило гораздо больший вред не принадлежащим к дворянству владельцам различных предприятий. Наконец, индустриализация была в полном расцвете и шла ускоренными темпами - она-то и занимала все внимание правительства, в то время как с политической и социальной точки зрения главной заботой администрации должно было стать крестьянство и его кризис. В действительности, политика поощрения помещного дворянства была опасной и двусмысленной. Это ясно показали кризисы 1905 и 1907 годов. Пытаясь примирить интересы помещиков, крестьян и промышленности, правительство не сумело заручиться безусловной поддержкой дворянства и получило в лице Совета объединенного дворянства группу натиска. Этот Совет, особенно сильный и влиятельный в южных и юго-западных областях, где русские дворяне-землевладельцы находились в конфликте (или конкурировали) с поляками, украинцами и евреями, поставил условием своей поддержки правительства Столыпина великорусскую шовинистическую политику, которая оттолкнула прочие национальности и способствовала авантюрной дипломатии.

Позиция помещного дворянства осталась двусмысленной: оно исповедовало честную лояльность по отношению к царю - это было основной чертой его психологии и политических взглядов. Но эта лояльность сильно пошатнулась после 1911 года под влиянием облика, поведения и окружения Николая II. С другой стороны, оно сохраняло свое недоверие и даже вражду к бюрократии, которая отнюдь не оделяла своими щедротами исключительно дворян, да и не могла этого делать. Этот конфликт с бюрократией поставил думские правительства в затруднительное положение и помешал самодержавию найти безусловную поддержку в среде помещного дворянства, чье

политическое значение сильно преувеличивалось царем и его непосредственным окружением.

КРЕСТЬЯНСТВО

У истоков этой ситуации стоял естественный долг всякого ответственного правительства в первую очередь сосредотачивать свое внимание на самом многочисленном классе русского общества - на крестьянстве. Как мы это уже отметили, суть этой проблемы заключалась в отсутствии мобильности и особом правовом статусе крестьян - факторах, которые вызвали тяжелый аграрный кризис конца XIX - начала XX веков. Такое положение было результатом взаимодополняющих позиций правительства и образованных классов. Произошло то, чего следовало опасаться: правительство обращалось с крестьянами так, как хозяева обращались с крепостными. Образованные классы, со своей стороны, относились к ним, как к ребенку, недорослю, нуждающемуся в воспитании и руководстве для того, чтобы достичь высшего уровня культуры и цивилизации. Мы наблюдаем здесь вызванный разными соображениями, но общий для правительства и образованных классов, прежде всего интеллигенции, подход к энергичному, способному обогащаться крестьянину, которого деревенские жители (а затем и все остальное общество) прозвали кулаком. Может быть, под влиянием помещиков, для которых он был опасным конкурентом, или же земских чиновников, но правительство относилось к кулаку подозрительно, так как он сеял раздор в общине. Что касается интеллигентов, то им кулак мешал по двум особым причинам. Для славянофилов он представлял собой чуждый элемент, мешающий гармонии и любви, которые, как предполага-

лось, царят в сельской общине. Кулак символизировал индивидуализм и материалистический эгоизм, несовместимые с концепциями соборности общинного устройства, которую проповедовала часть интеллигенции, увлеченная славянофильством и аграрным социализмом. Марксисты, делавшие ставку на разрушение общины ради ускорения перехода к капитализму, напротив, считали кулака носителем прогресса, но в то же время отвергали его систему ценностей как противоречащую их человеческому идеалу. Наконец, русские сторонники идеалистической этики равенства считали предосудительным всякий эгоизм и погоню за прибылью: обогащение как таковое было достойно осуждения, а кулак был тому самым ярким примером, так как обогащался за счет своих родных, соседей и других членов общины.

Неудивительно, что аграрный вопрос - как в социальном, так и в экономическом плане - рассматривался с точки зрения крестьянина-бедняка. Именно он был объектом сочувствия и озабоченности интеллигенции и правительства. Никак нельзя было ослабить мир, общину, которая гарантировала бедняку минимальные средства к существованию (то есть землю), одновременно тормозя производительность и динамизм богатых крестьян-кулаков. До начала XX века мир остался в глазах государства (по административно-налоговым соображениям) и интеллигентской элиты (по причинам этическим) единственной системой, в рамках которой было позволено разрешать аграрный кризис. Только после крестьянских восстаний и революции 1905 года Столыпину и его правительству достало смелости взять быка за рога, сделать ставку на богатого крестьянина, на кулака, позволить раскол и роспуск общины.

В правовом и культурном плане крестьянин стоял в стороне от формирующегося в конце XIX века граждан-

ского общества. Как представителям образованных классов, так и правительству следовало бы понять, что, не включив крестьянина в гражданское общество, Россия не сможет стать либеральной, прогрессивной и благодевающей страной (не надо упускать из виду, что крестьянство составляло по меньшей мере 80-85% населения). Однако всеми силами, даже ценой отчаянной бедности, крестьянина удерживали в стороне от капиталистических отношений. Это было вдвойне несправедливо. Крестьянину не давали пользоваться благами (какими бы незначительными они ни были) прогресса, пройденного остальным обществом во всех областях, и не подпускали его к новейшей русской цивилизации, связанной с достижениями индустриализации и капитализма. С этой точки зрения, положение России резко отличалось от того, что происходило в Европе. И, когда крестьянство начало волноваться, оно пошло традиционным путем анархического бунта, сопровождаемого грабежами и поджогами имений и захватом земель. Крестьянство не требовало "современных" реформ, которые обеспечили бы ему мобильность и предоставили право собственности, оно не добивалось ни субсидий, ни прямой финансовой помощи, которая позволила бы крестьянам приобрести новые сельскохозяйственные навыки, заботиться о здоровье и дать детям образование. Как сказано выше, Столыпин сделал из этого практические выводы и вступил на путь политики, отбрасывающей традиционные концепции и традиционный подход к крестьянину. Он первым решил обращаться с крестьянином как с гражданином, таким же, как все прочие граждане империи, и как с предпринимателем. Потребовалась бы более или менее "нормальная", а также более длительная ситуация, чтобы вынести положительное суждение о его политике по отношению к крестьянину и стране⁷.

ГОРОДСКОЙ ПРОЛЕТАРИАТ

Промышленный пролетариат, выступивший на сцену в последние двадцать пять лет имперского режима, был тесно связан с крестьянством. По правде говоря, в качестве массового феномена, получившего большое численное значение, городской пролетариат появился в России только в последние годы XIX века и стал быстро развиваться в десятилетие, предшествовавшее Первой мировой войне. Как и повсюду, образование пролетариата в России было мучительным и породило многочисленные конфликты. Для настоящего труда достаточно нескольких слов, поясняющих ситуацию нового класса в русском обществе. Первое замечание: даже около 1905 года пролетарии еще были тесно связаны с деревней и крестьянством. Многие промышленные рабочие нанимались не на полное время и возвращались в деревню для сбора урожая и других полевых работ. В правовом и налоговом отношении они по-прежнему зависели от общины. Их жены и дети в большинстве случаев оставались в деревне, где обрабатывали свою делянку либо участвовали в работах семьи под управлением деда или старшего брата. Рабочие оставались крестьянами по своей психологии, поведению и суждениям. Но даже если они еще не включились в городскую жизнь в культурно-социальном плане, их связи с деревней постепенно стирались, и им грозила опасность окончательно утратить эти связи, притом не влившись ни в какую иную группу русского общества. Тем не менее, их политические взгляды и интересы, насколько они их проявляли, кажется, не отличались от крестьянских (об этом свидетельствуют выборы в первые Государственные Думы).

Вскоре после 1905 года можно уже обнаружить настоящий, "потомственный" городской индустриальный

пролетариат, то есть класс рабочих, родившихся в городах и не имевших иного пути. Этот феномен особенно заметен в тяжелой промышленности, которая нуждалась в квалифицированной рабочей силе (металлургия, паровозо- и вагоностроение). Рабочие и особенно мастера приняли ценности индустриальной системы. Их поведение, привычки и обычаи еще больше, чем у купцов, лавочников и приказчиков, носят печать Запада. Они пытаются как можно выше подняться по социальной лестнице и еще полнее включиться в современный мир западного типа, создаваемый промышленностью. Но радикальная интеллигенция, которая нашла в них благоприятную почву для политической организации, взяла над ними идейное руководство, которому они подчинились вследствие своего "объективного" социально-политического положения. В условиях России того времени уровень жизни и материально-духовное благосостояние даже квалифицированных рабочих не достигли того, что было в более промышленно развитых европейских странах. Не такие нищие и недовольные, как крестьяне, они, тем не менее, пользовались лишь малой частью тех материальных и социальных преимуществ, которые уже начала приносить населению Европы капиталистическая промышленность. Тем более, что экономическое развитие России (было ли это результатом сознательного планирования или естественным ходом вещей?) отдавало приоритет тяжелой промышленности, производящей машины и основное оборудование, в то время как производство предметов потребления оставалось в загоне. В таких условиях революционерам было просто убедить рабочих, что капитализм - их враг. Благодаря также тому неопровержимому факту, что их доля все еще была весьма плачевной, к революционному радикализму склонялась даже элита пролетариата. Это показали

лавина экономических конфликтов и волна забастовок после 1912 года. Кажется, в России не было места ни для фабианства, ни даже для ревизионистской социал-демократии немецкого типа. Здесь радикализм марксистской и революционной интеллигенции нашел благоприятную почву для своей идеологической монополии.

БУРЖУАЗИЯ

Оставался еще один класс, только формировавшийся накануне революции, - буржуазия, в том значении, в котором этот термин толковался в XIX веке, то есть класс богатых купцов, промышленников и финансистов. Она недостаточно известна, и мы мало что знаем о чертах, присущих ей в 1900 году, когда она вступает на общественную арену, стремится к активной общественной деятельности и политическому влиянию. Мы надеемся, что ряд проводящихся сейчас исследований представит нам более верную картину буржуазии и поможет лучше ее понять. Пока что придется довольствоваться указанием на некоторые особые черты этой социальной категории. Русская буржуазия не объединяла строго определенные профессии и не обладала собственным правовым статусом. Звание купца обозначало определенные занятия и особый правовой статус, чего нельзя сказать о промышленнике (или банкире). Этому последнему попросту приходилось самому выбирать категорию, к которой он хотел принадлежать. Кроме того, еще больше, чем на Западе, расходились интересы разных представителей буржуазии: например, интересы купцов и текстильных промышленников были в конфликте с интересами людей, управляющих тяжелой промышленностью и планирующих ее развитие. Существовала

постоянная напряженность между тем, как понимали свою роль традиционные купцы и заводчики старого поколения, и духом предпринимательства финансистов и новых, современных воротил промышленности. Позиция государства в этом конфликте далеко не была ясной и определенной. С одной стороны, государство стремилось поощрять современные предприятия, с другой - отступало назад, когда купцы и традиционные заводчики вступались за себя, используя патриотические и националистические аргументы. Правда, после 1880 года современная промышленность стала достаточно могущественной, чтобы защищать свою точку зрения и свои интересы, но это лишь обостряло ее конфликты с поместным дворянством и пролетариатом. И даже тут государство колебалось. Оно хотело и не ущемить поместное дворянство, и защитить интересы промышленности, не питая при этом особых симпатий к буржуазным предпринимателям. Кроме того, государство старалось обращаться с пролетариатом, на крестьянское происхождение и религиозно-патриотические чувства которого оно рассчитывало, с благосклонным патернализмом, повторявшим его отношение к крестьянству. Раньше многих более развитых стран, в том числе Франции, Россия получила трудовое (промышленное) законодательство, которое, однако, применялось не строго. Бывало также, что правительство учитывало интересы промышленного пролетариата, несмотря на требования буржуазии, как это было, например, в случае распоряжений, касавшихся градостроительства, что не мешало ему энергично защищать интересы промышленников, особенно крупных анонимных обществ, вращающихся иностранными капиталами. Эти колебания правительственной политики слагались под действием двух факторов: стремление к сохранению социального мира, которому угрожала концентрация многочисленно-

го угнетенного пролетариата в городах, - с одной стороны, и традиционное недоверие и антипатия, испытываемые образованными классами и чиновниками по отношению к буржуазно-капиталистическим ценностям и материализму, - с другой.

Любопытно, что наследники крупных капиталов, сыновья промышленно-торговых воротил, приняли эту точку зрения и обратились против интересов и ценностей своих отцов. Объявив себя противниками материализма и капитализма, они кинулись в художественно-артистическую жизнь и даже пустились в радикально-революционную агитацию. Только накануне мировой войны несколько представителей высшей торгово-промышленной буржуазии решились активно участвовать в общественной жизни и попытались сформировать объединения и партии не для защиты одних своих экономических интересов, но и для преобразования и оздоровления системы, крах которой они, страшась, начинали предвидеть. Первая мировая война предоставила им случай конкретно оформить эту инициативу (так были основаны Земгор и Торгово-промышленный союз). Несмотря на развернутую ими энергию и влияние, которое они приобрели в ходе событий, их попытки наступили слишком поздно, чтобы предотвратить конец системы. Позицию имперского правительства характеризует одна черта: оно ничего не сделало, чтобы поощрить эту столь значительную в экономическом развитии страны часть элиты к формированию промежуточного слоя, способного выполнять конструктивную роль в общественной жизни.

НЕРУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ

В последние пятьдесят лет имперского режима национальный вопрос, то есть положение нерусского населения империи, принял новые формы, а в XX веке стал решающим. Эта тема слишком широка даже для схематичного обзора. Мы можем только выяснить ту ее черту, которая наиболее полно раскрывает отношения между государством и обществом. С самого своего образования Российская Империя более или менее сознательно проводила политику культурной и социальной ассимиляции. Пока она применялась к народам, чей уровень цивилизации можно было считать более низким, чем у русских, эта политика оказывалась довольно успешной. Но после завоевания и включения в империю народов с равной или высшей цивилизацией стали появляться проблемы. Инородные верхи по материальным, социальным и политическим причинам приняли ассимиляцию, в то время как не ожидавшие от этого выгод низшие классы отреагировали совершенно иначе. Так было, когда местные язык, культура и религия оказывались достаточно сильными для установления развитого чувства этнического самосознания.

Во второй половине XIX века традиционная политика культурной и социальной ассимиляции потеряла свой престиж и свою эффективность. Участие нерусских народов в более развитой экономике и активном обмене привело к формированию класса, образование и образ жизни которого определялись национальными традициями, религией и языком. Представители этих новых слоев, которые через русских познакомились с ценностями западного романтического национализма, естественно, подняли голос, требуя практического и политического признания их культурной самобытности путем предо-

ставления им большей административной автономии. Имперское правительство ответило политикой исключительного шовинизма и культурно-религиозной русификации. Эта недальновидная политика только обострила конфликты и усилила недовольство инородных верхов, которые, получая образование в России, усвоили нормы интеллектуальной, просвещенной, независимой жизни, уважающей традиции и гордящейся своими прошлыми и нынешними достижениями. Представители национальных элит стали пропагандистами нового национализма, который не останавливался на требования признания культурной самобытности своего народа, но добивался автономии своих национальных учреждений. Конфликт серьезно обострился в конце XIX века, и иступление достигло своей высшей точки после 1905 года, когда под давлением русских элементов, боявшихся потерять престиж и первостепенную роль на местном уровне, усилилась политика дискриминации и русификации. Это оказалось дополнительным центробежным фактором, которому, может быть, своевременное образование автономного национального промежуточного слоя не позволило бы стать угрозой для цельности системы и целостности Империи.

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

Последняя четверть века Российской Империи ознаменовалась необычайным расцветом искусства, литературы и различных проявлений духовной жизни. Первые произведения русского духа прокладывают себе путь за границу, и Россия начинает вносить свой вклад в созидание современной мысли и цивилизации, причем благодаря эмигрантам это не прекратилось и после

революции. Этот расцвет нельзя забывать при рассмотрении отношений между обществом и государством в период, предшествовавший окончательному краху империи. Самой своей напряженностью и плодотворностью русская культурная жизнь внесла динамические элементы, повлиявшие на участь системы. Для нашего исследования мы можем разделить культурные элиты на две категории или группы: профессиональные верхи и независимые представители литературы и искусства. Это вовсе не значит, что у этих двух групп не было общих точек. Напротив, такие точки существовали в области гуманитарных наук и литературы. Тем не менее, их концепции и взгляды на общественно-политическую жизнь были различными, хотя они и разделяли общее глубокое отвращение к самодержавному режиму.

Представители так называемых свободных профессий, а также многочисленные техники (инженеры, химики и т. д.) раздирались душой между двумя пониманиями своей миссии. Они отчасти вели свое происхождение из рядов интеллигенции, ею были сформированы, усвоили ее этические и социальные ценности, но в то же время не принимали присущей ей идеологизации. Вследствие этого они обладали сильно развитым чувством своей социальной миссии и ответственности перед народом и считали своим главным долгом помогать ему (и прежде всего самым обездоленным его элементам) достичь достойного уровня цивилизации и благополучия, облегчать его участь, лечить и просвещать. В то же время, в отличие от радикальной интеллигенции, они на практике познали русскую действительность и стремились улучшать ее и незаметно, без потрясений изменять. К ним относится удачный термин Мартина Малия: "коренная" интеллигенция.

Однако эти люди в большинстве случаев были также

государственными чиновниками или земскими служащими, то есть находились, по меньшей мере косвенно, под контролем правительственного аппарата. Между их долгом по отношению к народу и обязанностями по отношению к правительству постоянно возникали конфликты, не говоря уже о трениях, вызываемых налоговым давлением государства. Правительство требовало от своих служащих повиновения и дисциплины, а также подчинения техническим и налоговым решениям, которые, если верить специалистам, ограничивали поле их деятельности и способность принимать решения по вопросам, находящимся в их технической компетенции. Особенно часто возникали конфликты между администрацией и медиками; между учителями и Священным Синодом, который вел агрессивную политику в области религиозного образования на приходском уровне и посылал миссионеров к не православному населению (а также к старообрядцам); между министерством юстиции и адвокатами, которые в своих защитительных речах нередко критиковали социальные условия и обсуждали психологические предпосылки, вместо того чтобы просто придерживаться буквы закона. Как мы уже отметили, эти конфликты политизировали профессиональные объединения коренной интеллигенции, что не способствовало успешному сотрудничеству между администрацией и социально-общественными службами. Благодаря поддержке принадлежащих к аристократии меценатов, делового и промышленного мира - в основном после 1905 года и главным образом в городах - возникли частные благотворительные заведения, подменявшие собой государственные службы и учреждения, занимавшиеся здравоохранением и просвещением.

Легко можно понять, что профессиональные круги предоставляли государству свою поддержку только при

условии, что правительственная политика позволит им с пользой выполнять свою роль, улучшать материальные условия народной жизни и гарантирует им право заниматься своей профессией, не примешивая сюда посторонних соображений. Но так как при Александре III, в первые годы правления Николая II и после 1907 года правительство продолжало относиться с подозрением ко всякой частной личной инициативе и не зависящим от него решениям в области общественной деятельности, конфликты оставались неизбежными. Политические симпатии профессиональной элиты и коренной интеллигенции легко переходили на сторону радикальной, а то и прямо революционной интеллигенции, в той мере, в какой она, стремясь к народному благу, поддерживала их усилия. Случаи эффективного сотрудничества между профессиональными кругами и чиновниками для разрешения кризисов и конкретных вопросов, разумеется, были нередки, но в целом, особенно в том, что касалось общей правительственной политики, высшие чиновники и главные представители профессионального слоя находились в противоположных, практически непримиримых лагерях.

Около 1900 года в России впервые появились профессионалы искусства, словесности и мысли (философы, миряне-богословы, источниковеды). Они посвящали себя исключительно своей отрасли знания или искусству, не занимаясь ничем другим, не выполняя общественной роли и живя, в основном, на доходы от продажи своих произведений. Таким образом, они тоже были частью коренной интеллигенции. Наибольший интерес для нас представляют интеллектуальные, философские и моральные (или политические) позиции, на которые они стали в этих новых условиях. Апофеоз русской культуры начала XX века был ослепительным, необычайным феноменом, охватившим все области художественной, литературной,

философской и научной жизни и характеризовавшимся своей решимостью утвердить независимость каждой области. Так, искусство утверждало самоценность эстетики, наука исповедовала знания и логику как цель в себе, философия - критику критериев ценности и истины. Что касается метафизики и онтологии, тут наблюдалось возвращение к философскому идеализму: подвергся критике и был окончательно оставлен материалистический позитивизм, который держал под своей опекой радикальную интеллигенцию с пятидесятих-шестидесятих годов XIX века и которому еще продолжали поклоняться революционеры. Наконец, поднялся бунт против всепроникновения социально-политических вопросов, против закрепощения всякой интеллектуальной и художественной деятельности социальным утилитаризмом и политическими целями. Кончилась эпоха, когда мыслитель или художник должен был уделять в своих трудах первостепенную роль политическому, экономическому и социальному прогрессу народа. Одним словом, новое поколение отслужило панихиду по кающемуся интеллигенту, заменившему в свое время кающегося дворянина. Оно начинало укореняться в русском гражданском обществе (даже тогда, когда его произведения не следовали никаким эстетическим законам, а метафизика была всего лишь следствием помешательства разума).

Происходит четкий раскол между новаторской (коренной) художественной, литературной, научной и философской элитой и традиционной политизированной, радикальной, отчужденной интеллигенцией. Публикация сборника "Вехи" и развернувшиеся вокруг него страстные споры служат тому неопровержимым доказательством, если это вообще нуждается в доказательствах. Антиполитическая позиция мыслителей и художников равняется декларации независимости, освобождению от

идеологического засилья, возврату к действительности и решимости встретить ее конструктивно. Освободившись от политического засилья, философия, богословие и науки стали бурно развиваться и совершили открытия, которые до сих пор побуждают интеллектуальную жизнь западного мира.

Энтузиазм в отношении философских спекуляций и логики, приоритет, отдаваемый духовной и метафизической ценности творческого акта - как художественного, так и научного или литературного (какими бы ни были конкретные достижения), - знаменовали собой освобождение духа. Прежде всего поражает многообразие творческого кипения, жажда эксперимента в области форм, идей, материи и теорий. За многогранным изобилием мы вновь обнаруживаем двойную идею абсолютного отрицания как философского позитивизма, так и буржуазного материализма - как средств создать обществу приемлемые рамки для его дальнейшего развития. Так же, как в Западной Европе символизм, неокантианство, эстетика и дух *fin de siècle* отразили отказ от буржуазных уродств промышленной цивилизации, мыслители и художники русского Серебряного века отвергли гражданское общество из-за того, что его основы в России были исключительно капиталистическими и материалистическими. Они с нетерпением, хотя и с некоторым трепетом, дожидались конца "буржуазного" общества. Эсхатологическая атмосфера ожидания гибели всей современной материальной, политической и моральной цивилизации захватила, казалось, все умы. Ожидался Апокалипсис - или религиозный: явление Христа, предшествуемое явлением Антихриста; или политический: революция, которая поставит у власти народ - крестьян и пролетариев, откроет новую эру, породит иную цивилизацию. В ожидании этого конца все стало возможным,

все стало дозволенным. Анархизм вырос в доктрину и стал образом жизни большей части творческой элиты, чем ограничил ее возможности укоренения.

Восставая против традиций радикальной интеллигенции, видные новаторы духа, тем не менее, не были защитниками современной им цивилизации и существующей системы. Они, в лучшем случае, да и то с оговорками, друзья, а еще чаще - враги гражданского общества, стабилизирующегося в России параллельно экономическому, социальному и интеллектуальному прогрессу, порожденному индустриализацией и "модернизацией". Их позиция по отношению к имперскому режиму - лишь ненависть и презрение, так как он поддерживает буржуазно-материалистические аспекты культуры, преследуя при этом свободные и иконоборческие умы. Показательно, что возврат к более строгой цензуре в 1907 году не помешал чисто литературным и художественным изданиям, несмотря на их социально-политические тенденции, без особых затруднений достичь образованной публики. Кроме того, вступление на сцену пролетарских и крестьянских поэтов и писателей могло только ожесточить отрицательную позицию творческой элиты по отношению к режиму. Наподобие радикально-революционной интеллигенции, она рассчитывала на падение режима, чтобы получить полную творческую свободу и возможность навязать свои критерии и свои эстетические ценности новому обществу, порожденному революционной бурей и эсхатологическим концом современного мира.

Все это привело к тому, что русское гражданское общество не создало своей собственной "идеологии", то есть цельной системы принципов, ценностей и приемов, способной создать строгие рамки его активного участия в политической жизни и материальном прогрессе

страны. Не успев достичь апогея, оно уже раздробилось и не сумело создать независимые корпоративные структуры. Гражданскому обществу не хватало крепкой духовно-интеллектуальной опоры, оно все еще занималось поисками присущих ему норм и принципов, присущего ему целостного теоретического мышления. Не обладая собственной интеллектуальной и культурной платформой, оно оставляло свободу деятельности сторонникам идейной и политической *tabula rasa*. По иронии истории, новаторское изобилие, пестрящее плодами художественного творчества, идейное, философское и литературное кипение начала XX века лишили русское гражданское общество направляющих идей. Анархические течения, эсхатологические тревоги, нравственный эклектизм лишили его равновесия. В конце концов гражданское общество было брошено на произвол сторонников радикальных и нигилистических идей как в политическом, так и в культурном плане. А политический и экономический развал в своем падении увлек за собой интеллектуальную жизнь, оставив свободное поле для идеологизации - единственного пути, который, казалось, давал систему и цельность всему, что было необходимо сделать.

В заключение скажем, что отношения между социальными группами и движущими политическими, социальными и культурными силами представляют собой некую чехарду, которую можно описать одной схемой. Эта схема будет, конечно, деформированной, так как она не может воспроизвести ни перемещения во времени и пространстве, ни их динамику. Перемены, испытываемые каждым элементом и влияющие на его отношения с другими, шли с полным ускорением, но так и не привели к новой стабильной конфигурации. Все это происходило в обществе, структуры которого еще достаточно не окрепли

и которое не было готово выдержать удар, наносимый столь быстрыми переменами. Гибкость и приспособляемость всех действующих сил "эллипса" были с двух сторон ограничены неподвижными полюсами - самодержавием и отчужденной радикальной интеллигенцией, которые оказывали давление, поддерживавшее раздробленность социального целого и не позволявшее создать равновесие вокруг устойчивого центра, которым могло бы стать настоящее, сильное и независимое гражданское общество⁸. Слабость социального мира, с одной стороны, и растущая неспособность самодержавия и интеллигенции вести за собой общество - с другой, стояли у истоков развивающегося загнивания системы и выкопали яму, в которую рухнул имперский режим.

ПРИМЕЧАНИЯ

К ГЛАВЕ 1

1. Правда, царь Алексей Михайлович был любителем охоты и охотился в окрестностях Москвы, конечно, в малонаселенной местности. Он участвовал также в нескольких походах против Польши. Эти разъезды как бы предвещают неистовое увлечение путешествиями его сына, Петра Великого.

2. Напрашивается аналогия с затворнической жизнью советской элиты.

3. Знаменитый Новоторговый устав 1667 года не содержит, собственно говоря, ни одного позитивного положения. Он поощряет торговлю системой тарифов и пошлин и устанавливает шкалу наказаний за всякое нарушение торговых порядков.

4. Hans-Joachim Torke. *Die staatsbedingte Gesellschaft im Moskauer Reich: Zar und Zemlia in der alt-russischen Herrschaftsverfassung. 1613-1689.* Leyden, Brill, 1974. В этой работе Торке показал слабость социальных организмов на местном уровне. Классические работы Чичерина и Богословского о местной администрации XVII века основываются главным образом на материале районов Северной Двины.

5. Таким образом, термин "феодализм" неприменим к Московской Руси, что бы ни утверждали советские и соревнующиеся с ними марксистствующие западные историки.

6. Понятие "второго крепостного права", которым с горем пополам истолковываются социальные и экономические явления XV-XVI веков в Польше, Восточной Пруссии, Чехии, может быть применено к Московской Руси лишь с бесчисленными оговорками, лишаящими его всякого смысла.

7. "Виновный" должен был предстать перед жилищем оскорбленного, принести публичное покаяние и дать побить себя челяди последнего. Рабский характер изъяснения покорности и сопутствующее ему телесное наказание показывают отсутствие кодекса чести и понятия личного достоинства у дворянского класса Московского государства.

8. Камералистика - учение о финансах, экономике и управлении, преподававшееся в средневековых университе-

тах и окончательно сформировавшееся в Германии в XVII веке. Относится к ведению "камерального" (дворцового и в широком смысле государственного) хозяйства. - Прим. пер.

9. Отметим здесь роль неостонцизма, драматическое возрождение которого наблюдается во Франции и Нидерландах в конце XVI - начале XVII веков. Отсюда он распространился в германские страны, особенно в Пруссию. См.: L. Zanta. *La Renaissance du stoicisme au XVII siecle*. Paris, 1914; G. Abel. *Stoizismus und frühe Neuzeit: Zur Entstehungsgeschichte modernen Denkens im Felde von Ethik und Politik*. Berlin-New York, De Gruyter, 1978; статьи Герхарда Эстрайха (Gerhard Oestreich), собранные в книге: *Geist und Gestalt des frühmodernen Staates: Ausgewählte Aufsätze*. Berlin, Duncker und Humblot, 1969; его же: *Calvinismus, Neustoizismus und Preussentum*. - In: "Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands", V, 1956, стр. 157-181, и *Die Bedeutung des niederländischen Späthumanismus für Brandenburg-Preussen*. - In: "Humanismus und Naturrecht in Berlin-Brandenburg", Berlin, De Gruyter, стр. 16-27.

10. См.: A. Gerschenkron. *Time Horizon in Balzac and Others*. - "Proceedings of the American Philosophical Society", 122, 2, 24 апреля 1978.

11. См.: R. Lenoble. *Mercenne ou la naissance du mécanisme*. Paris, Vrin, 1943, 2 éd.; Ch. Webster. *The Great Instauration: Science, Medecine and Reform. 1626-1660*. London, Duckworth, 1975.

12. О Франции, например, см.: R. Mousnier. *Les institutions de la France sous la monarchie absolue. 1598-1789*. Paris, PUF, 1974, 2 тома.

13. Ernst H. Kantorowitz. *Gods in Uniform*. - In: *Selected Studies*. New York, Augustin, 1965, cc. 7-24.

14. См.: E. Winter. *Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert*. Berlin-Ost, Akademie Verlag, 1953, и библиографическую статью М. Раева: *Les Slaves, les Allemands et les Lumières*. - "Revue canadienne d'études slaves", I, 4, 1967, стр. 521-551.

15. См.: Claes Peterson. *Peter the Great's Administrative and Judiciary Reforms. Swedish Antecedents and Process of Reception*. Stockholm, A. B. Nordiska Bokhandeln, 1979.

К ГЛАВЕ 2

1. Н. А. Воскресенский. Законодательные акты Петра I. I: Акты о высших государственных установлениях. М.-Л., 1945; Claes Peterson, ук. соч.

2. Н. J. Torke, ук. соч.; см. также P. Bushkovitch. The Merchants of Moscow. 1580-1650. Cambridge University Press, 1980; J. Michael Hittle. The Service City. State and Townsmen in Russia. 1600-1800. Harvard Univ. Press, 1979.

3. Достаточно вспомнить описание деревенских нотаблей в произведениях Ретифа де ля Бретона или в автобиографии Юнга-Штиллинга.

4. См. исследование о солдатских детях Элизы Кимерлинг в "Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte".

5. Brenda Meehan-Waters. Social and Career Characteristics of the Administrative Elite: 1689-1761. In: W. McK. Pintner, D. K. Rowney (сост.). Russian Officialdom. The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century. Univ. of North Carolina Press, 1980, стр. 77-105.

6. J. P. LeDonne. Appointments to the Russian Senate, 1762-1796. - "Cahiers du monde russe et soviétique", XVI, 1, 1975, стр. 27-56.

7. См. особенно недавние работы: R. Wittram. Peter I. Czar und Kaiser (Peter der Grosse in seiner Zeit). Göttingen, Vandenhoeck und Ruprecht, 1964, 2 тома; Н. Павленко. Петр Первый. М., "Молодая гвардия", 1975; R. Portal. Pierre le Grand. Paris, Club francais du livre.

8. Любопытно прочесть суждения французских авторов XVIII века. Привожу три характерных примера:

"Легкость и быстрота, с которой эта нация просветилась, хорошо показали, что этот князь (Петр Великий) был о ней не слишком плохого мнения и что эти народы вовсе не скот, как он это говорил. Насильственные средства, которые он употреблял, были не нужны, он и мягкостью достиг бы своей цели" (Монтескье. О духе законов. Книга XIX, гл. 14).

"Русские никогда не будут по-настоящему просвещены, потому что их просветили слишком рано. Гений Петра был подражательным, это не был настоящий гений, который создает все из ничего. Некоторые вещи, которые он сделал, были хороши, большинство же - неуместны. Он увидел, что русские - варвары, и не увидел, что они не

готовы к просвещению, он захотел их цивилизовать, когда их только следовало к этому подготовить. Он хотел сначала сделать [из них] немцев, англичан, когда надо было прежде всего делать русских; он отнял у своих подданных возможность стать тем, чем они могли бы стать, убедив их в том, что они - то, чем вовсе не являются" (Ж.-Ж. Руссо. Об общественном договоре. Книга II, гл. 9).

"Российскую или Московскую империю пятьдесят лет назад считали одною из варварских наций: ее смешивали с татарами и казаками. Единственный человек вытщил ее из этого состояния и поставил в ряд значительных, грозных держав, весьма заслуживающих обуздания их чрезмерной власти, ибо эта держава, вдруг став просвещенной, оказалась необъятно великой; этой необъятностью пренебрегали из презрения к варварству. Петр Великий был одновременно законодателем и завоевателем, что делает его одним из величайших людей мира... Петр Великий, будучи настоящим хозяином своих народов, сделал из них то, что захотел, и не потерял времени даром. Прогресс просвещения, может быть, еще не очень велик, но его принципы так хорошо укоренились, что оно изо дня в день делает новые успехи без способных князей, под властью меньшинств и недостойных женщин" (Рене Вуайе д'Аржансон. Рассуждения о бывшем и настоящем правительствах Франции. René Voyer d'Argenson. Considerations sur le gouvernements ancien et present de la France. Yverdon, 1764, гл. 3, п. XIX).

9. См. Simone Blanc. Un disciple de Pierre le Grand dans la Russie du XVIII siècle: V. N. Tatiščev (1686-1750). Lille, 1972, 2 тома; Conrad Grau. Der Wirtschaftsorganisator, Staatsman und Wissenschaftler Vasilij N. Tatiščev (1686-1750). Berlin-Ost, 1963; неопубликованную диссертацию Герберта Левентера: Tatishceev: Science and Service in 18th-century Russia. Columbia Univ., 1971.

10. Указ от 23 марта 1714 года (Полное собрание законов Российской империи, том V, № 2789) дает право назначать единственного наследника всего недвижимого имущества, что возмещалось другим наследникам (братьям и сестрам) деньгами. Петр думал обеспечить таким образом нужные кадры для службы (сыновья, не наследующие поместий) и в то же время сохранить материальную базу дворянства, избегая разделов, вредных для производительности поместий.

К ГЛАВЕ 3

1. W. R. Augustine. Notes toward a Portrait of the Eighteenth century Russia Nobility. - "Canadian American Slavic Studies", V, 4, осень 1970, стр. 373-425.

2. Michael Confino. Domaines et seigneurs en Russie vers la fin du XVIII siècle. Paris, Institut d'études slaves de l'université de Paris, 1963; того же автора: Systèmes agraires et progrès agricoles. Paris - La Haye, Mouton, 1969.

3. В. Тетерятников. Старообрядцы - создатели русского народного искусства. - "Новый журнал", кн. 126, 1977, сс. 128-145.

4. Arcadius Kahan. The Costs of 'Westernization' in Russia: the Gentry and the Economy in the Eighteenth Century. - "Slavic Review", XXV, 1, март 1966, сс. 40-46.

5. Автобиографический роман С. Т. Аксакова "Семейная хроника" хорошо это иллюстрирует.

6. Brenda Meehan-Waters. Elite Politics and Autocratic Power. - In: A. G. Cross, сост. Anglo-Russian Relations in the Eighteenth Century. Newtonville (Mass), Oriental Research Partners, 1979, стр. 229-246.

7. R. Portal. Pugacev: une revolution manquée. - "Etudes d'histoire moderne et contemporaine", I, 1947, сс. 68-98; M. Raeff. Pugachev's Rebellion. - In: R. Forster and Jack P. Greene, сост. Preconditions of Revolution in Early Modern Europe. Baltimore-London, Johns Hopkins Univ. Press, 1970, стр. 161-202.

К ГЛАВЕ 4

1. F.-X. Coquin. La Grande Commission legislative (1767-1768). Les cahiers de doléances urbaines. Paris-Louvain, Nauwelaerts, 1972.

2. Кстати, большинство опубликованных документов касается дворянства и городов.

3. Paul Dukes. Catherine the Great and the Russian Nobility. Cambridge Univ. Press, 1967; R. E. Jones. The Emancipation of the Russian Nobility. 1762-1785. Princeton Univ. Press, 1973; J. Michael Hittle, ук. соч.

4. Почти тот же ход событий повторится во время земских реформ 1864 года.

5. Г. Барц. Очерк происхождения и постепенного за-

тем упразднения в России совестных судов и суда по совести. - "Журнал гражданского и уголовного права", XXIII, 3, март 1893, стр. 1- 40.

6. См. исследование К. А. Папмела: К. А. Papmehl. Freedom of Expression in Eighteenth-century Russia. Den Haag, Nijhoff, 1971.

7. I. de Madariaga. Catherine II and the Serfs: Reconsiderations of some Problems. - "Slavonic and East European Review", 1974; Jean-Louis van Regemorter. Deux images de la paysannerie russe à la fin du XVIII siècle. - "Cahiers du monde russe et soviétique", IX, 1, 1968, стр. 5-19.

К ГЛАВЕ 5

1. C. Scharf. Staatsauffassung und Regierungsprogramm eines aufgeklärten Selbstherrschers. Die Konstruktion des Grossfürsten Paul von 1788. - "Studien zur Europäischen Geschichte", 1968.

2. Вспоминается пушкинское:

Урал в Россию скачет кочующий деспот...

3. H. A. McFarlin. "The Overcoat", as a Civil Service Episode. - "Canadian American Slavic Studies", XIII, 3, осень 1979, стр. 235-253.

4. Дневник Александра Чичерина. М., "Наука", 1966.

5. F. von Schubert. Unter dem Doppeladler: Erinnerungen eines Deutschen in russischem Offiziersdienst. 1789-1814. Stuttgart, Köhler, 1962.

6. W. B. Lincoln. A Reexamination of Some Historical Stereotypes: an Analysis of the Career Patterns and Backgrounds of the Decembrists. - "Jahrbücher für Geschichte Osteuropas", XXIV, 3, 1976, стр. 357-368.

К ГЛАВЕ 6

1. О цензуре см.: S. Monas. The Third Section - Police and Society in Russia under Nicolas I. Harvard Univ. Press, 1961. О "триаде Уварова": N. V. Riasanovskii. Nicolas I and Official Nationality in Russia. 1825-1855. University of California Press, 1959.

2. Для исчерпывающей картины образования при Нико-

лае I см.: Alain Besançon. Education et société en Russie dans le second tiers du XIX siècle. Paris - Den Haag, Mouton, 1974.

3. См.: R. S. Wortman. The Development of a Russian Legal Consciousness. Univ. of Chicago Press, 1976.

4. См.: W. Bruce Lincoln. Nicolai Miliutin: an Enlightened Russian Bureaucrat of the 19th Century. Newtonville (Mass.), Oriental Research Partners, 1977; того же автора, того же изд-ва: Petr Petrovich Semenov-Tian-Chanskii: The Life of a Russian Geographer; и, главное, того же автора: Nicholas I, Emperor and Autocrat of all the Russia. London, A. Rane - Indiana Univ. Press, 1978.

К ГЛАВЕ 7

1. Такой подход предлагает Мартин Малия (Martin Malia) в книге "Comprendre la revolution russe" (Paris, Ed. du Seuil, coll. "Points-Histoire", 1980); русский перевод: К пониманию русской революции. Overseas Publ. Ltd, 1985.

2. A. Besançon. Education et société, того же автора: Les origines intellectuelles du leninisme. Paris, Calmann-Levy, 1977, особенно глава VI (по-русски в кн.: Алан Безансон. Русское прошлое и советское настоящее. Лондон, Overseas Publ. Ltd., 1981).

3. F. Venturi. Les Intellectuels, le Peuple et la Revolution. Paris, Gallimard, 1972, 2 тома; A. Ulam. In the Name of the People. New York, The Viking Press, 1977.

4. Резюме и обильную библиографию см. в: Dietrich Geyer. Der russische Imperialismus. (Studien über den Zusammenhang von innerer und auswärtiger Politik 1860-1914.) Göttingen, Vandenhoeck und Ruprecht, 1977.

5. См. М. Малия, ук. соч.; M. Szeftel. The Russian Constitution of April 23, 1906. Political Institutions of the Duma Monarchy. Bruxelles, 1976.

6. Тому, что следует, я обязан отчасти беседам с Ричардом Уортманом (Принстонский университет), который готовит исследование о природе самодержавия в XIX веке.

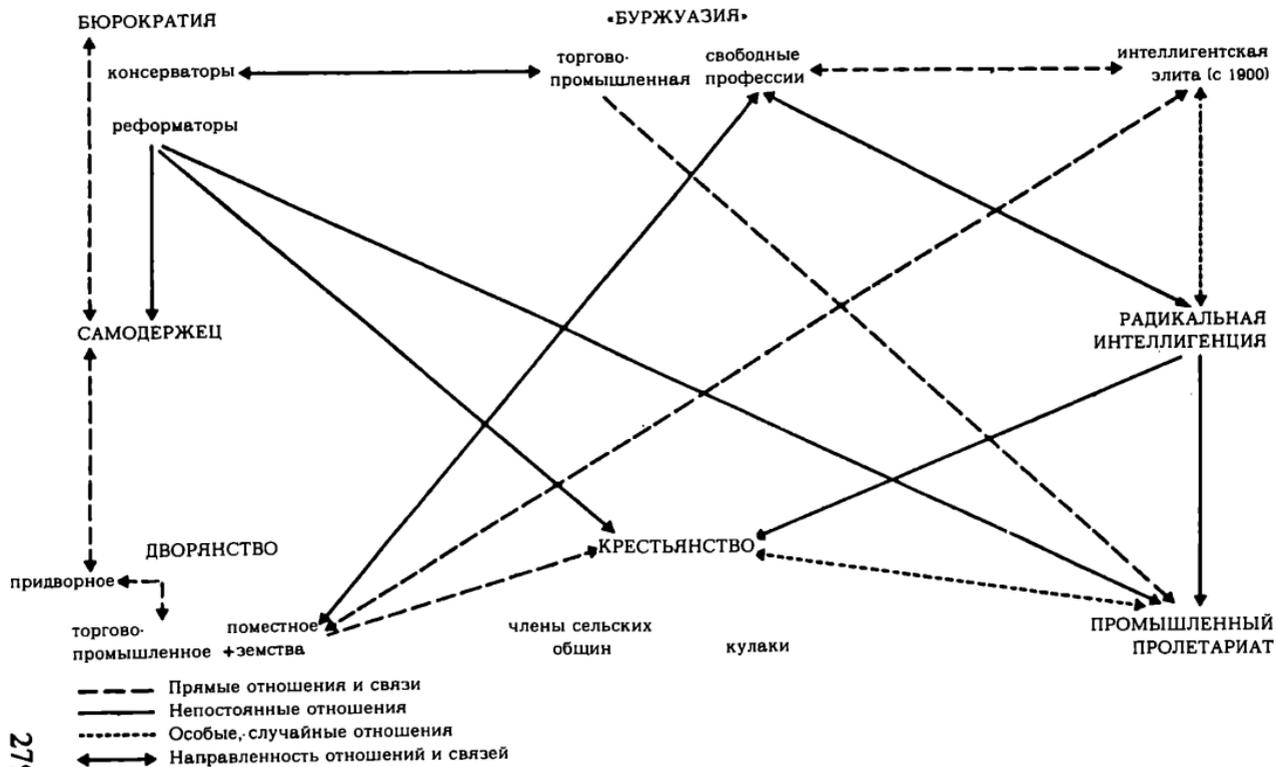
7. Последствия аграрной реформы Столыпина до сих пор являются объектом разногласий, и немало проводя-

щихся ныне исследований рассматривают его под разными углами. Интересное направление и толкование можно найти в: T. Shanin. *The Awkward Class. Political Sociology of Peasantry in a Developing Society. Russia 1910-1925.* Oxford, Clarendon Press, 1972.

8. Ситуация в России хорошо соответствует формулировке "безальтернативного кризиса", употребленной Христианом Майером по поводу конца Римской республики (Ch. Meier. *Respublica amissa. Eine Studie zur Verfassung und Geschichte der später römischen Republik.* Frankfurt-am-Main, Suhrkamp Verlag, 1980, 2-е изд.).

Приложения

ОБЩЕСТВЕННЫЕ СИЛЫ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИЯ

1645-1676	Царствование Алексея Михайловича.
1649	Соборное уложение.
1682	Регентство Софьи.
1694	Начало личного правления Петра.
1698	Стрелецкий бунт.
1700-1721	Северная война, окончившаяся Ништадтским миром.
1703	Основание Санкт-Петербурга.
1711	Создание Сената.
1714	Закон о "майорате".
1720	Генеральный Регламент о коллегиях.
1722	Табель о рангах.
1724	Основание Академии наук.
1725	Смерть Петра Великого.
1729	Рождение Софии Ангальт-Цербстской, будущей Екатерины II.
1730	Восшествие на престол Анны Иоанновны. "Конституционный" кризис.
1731	Основание Кадетского корпуса.
1744	Отъезд Софии в Россию, православное крещение под именем Екатерины. Свадьба с Петром Гольштинским, племянником императрицы Елизаветы и наследником престола.
1762	Освобождение дворян от обязательной службы. Дворцовый переворот и восшествие Екатерины на престол.
1767-1768	Комиссия об Уложении.
1775	Учреждение для управления губерний.
1785	Жалованные грамоты дворянству и городам.
1796	Смерть Екатерины II.
1796-1801	Царствование Павла I.
1801-1825	Царствование Александра I.
1802	Создание министерств.
1803	Указ о вольных хлебопашцах.
280	

1804	Первый университетский устав.
1809-1810	Проекты реформ, разработанные Сперанским.
1811	Учреждение Государственного Совета.
1812	Наполеон I вторгается в Россию.
1813-1815	Продолжение войны с Наполеоном.
1816-1818	Земельная реформа в остзейских губерниях.
1819	Основание Санкт-Петербургского
университета.	
1821	Создание будущими декабристами тайных обществ - Южного и Северного.
14 декабря 1825	Восстание декабристов.
1825-1855	Царствование Николая I.
1826	Новый цензурный устав. Создание Третьего отделения Собственной Канцелярии Е.И.В.
1833	Публикация Полного собрания законов, составленного Сперанским.
1835	Университетский устав.
1855-1881	Царствование Александра II.
19 февраля 1861	Освобождение крестьян.
1861	Крестьянские бунты в разных губерниях. Студенческие волнения в Санкт-Петербурге, Москве и других городах.
1863	Восстание в Польше, Литве и Белоруссии. Новый университетский устав.
1864	Реформа местной администрации, учреждение земств. Судебная реформа. Школьная реформа.
1874	Военная реформа. Введение всеобщей воинской повинности.
1876	Основание общества "Земля и Воля".
1 марта 1881	Убийство Александра II.
1881-1894	Царствование Александра III.
1889	Учреждение института земских начальников.
1891	Голод в Поволжье.
1893-1899	Скачок в промышленном развитии России.
1894-1917	Царствование Николая II.

1898	Основание РСДРП.
1901	Основание партии социалистов-революционеров.
1901-1904	Подъем революционного движения.
1904-1906	Русско-японская война.
1905	Первая русская революция.
9 января 1905	"Кровавое воскресенье".
17 октября 1905	Октябрьский манифест.
1906	Первая Государственная Дума. Аграрный указ Столыпина.
1910-1911	Аграрная реформа Столыпина.
1912	Убийство Столыпина. Выборы в 4-ю Государственную Думу.
1914-1918	Первая мировая война.
1917	Февральская революция.
2 марта 1917	Отречение Николая II.

Основная библиография (западные издания)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ И СЕРИЙНЫЕ ИЗДАНИЯ

Clendenning, P. and R. Bartlett. *Eighteenth Century Russia: A Select Bibliography of Works Published from 1955-1980*. Newtonville, Mass., ORP, 1981.

Crowther, P. A., ed. *A Bibliography of Works in English on Early Russian History to 1800*. Oxford, Blackwell, 1969.

Shapiro, D. *A Select Bibliography of Works in English on Russian History, 1801-1917*. Oxford, Blackwell, 1962.

Simmons, J. S. G., ed. *Russian Bibliography. Libraries and Archives (A Selective List of Bibliographical References for Students of Russian History, Literature, Political, Social and Philosophical Thought. Theology and Linguistics)*. Oxford, Hall, 1973.

НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

"Cahiers du monde russe et soviétique". Париж.

"Canadian American Slavic Studies". Приложение: "Russian History. Soviet History". США.

"Forschungen zur Geschichte Osteuropas". Западный Берлин.

"Jahrbücher für Geschichte Osteuropas". ФРГ.

"Oxford Slavonic Papers". Великобритания.

"Slavic Review". США.

"Slavonic and East European Review". Великобритания.

ОБЩАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Auty, Robert and Dimitrii Obolensky, eds. *Companion to Russian Studies, vol. 1: An Introduction to Russian History*. Cambridge Univ. Press, 1976.

Florinsky, M. T. *Russia: A History and an Interpretation*. 2 vols. New York, Macmillan, 1954.

Miliukov, Paul, Charles Seignobos, and L. Eisenmann. *History of Russia*. Trans. by Charles Lam Markmann. 3 vols. New York, Funk & Wagnalls, 1968.

Pipes, Richard. *Russia Under the Old Regime*. New York, Scribner's, 1974.

Seton-Watson, H. *The Russian Empire, 1801-1917*. Oxford, Clarendon Press, 1967.

Stählin, Karl. *Geschichte Russlands von den Anfängen bis zur Gegenwart*. 4 vols. Berlin, 1930-1939.

Stökl, Günther. *Russische Geschichte*. 3d ed. Stuttgart, A. Kröner, 1973.

СБОРНИКИ СТАТЕЙ

Black, C. E., ed. *The Transformation of Russian Society*. Cambridge, Harvard University Press, 1960.

Blackwell, W. L. *Russian Economic Development from Peter the Great to Stalin*. New York, New Viewpoints, 1974.

Cherniavsky, M., ed. *Structure of Russian History*. New York, Random House, 1970.

Geyer, D., ed. *Wirtschaft und Gesellschaft im vorrevolutionären Russland*. Köln, Kiepenheuer und Witsch, 1975.

Haimson, L. H., ed. *The Politics of Rural Russia, 1905-1914*. Bloomington, Indiana Univ. Press, 1979.

Harcave, S. *Readings in Russian History*. 2 vols. New York, Crowell, 1962.

Lederer, I. J., ed. *Russian Foreign Policy*. New Haven, Yale Univ. Press, 1962.

Nichols, R. L. and T. G. Stavrou, eds. *Russian Orthodoxy Under the Old Regime*. Minneapolis, Univ. of Minnesota Press, 1978.

Pintner, W. McK. and D. K. Rowney, eds. *Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century*. Chapel Hill, Univ. of North Carolina Press, 1980.

Pipes, R., ed. *The Russian Intelligentsia*. New York, Columbia Univ. Press, 1961.

Ransel, D. L., ed. *The Family in Imperial Russia*. Urbana Univ. of Illinois Press, 1978.

Simmons, E. J. ed. *Continuity and Change in Russian*

and Soviet Thought. Cambridge, Harvard Univ. Press, 1955.

Treadgold, D. W., ed. The Development of the USSR: An Exchange of Views. Seattle, Univ. of Washington Press, 1964.

Vuchinich, W. S., ed. The Peasant in Nineteenth Century Russia. Stanford Univ. Press, 1968.

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Besançon, A. Le tsarevitch immolé. Paris, 1967.

Cherniavsky, M. Tsar and People. New Haven, Yale Univ. Press, 1961.

Crummey, Robert O. The Formation of Muscovy 1300-1613. London & New York (Longman's History of Russia) 1987.

Crummey, Robert O. Aristocrate and Servitors. The Boyar Elite in Russia 1613-1689. Princeton Univ. Press, 1983.

Kliuchevsky, V. Course in Russian History. The Seventeenth Century. New York, Times Books, 1972.

Vernadsky, G. and M. Karpovitch. A History of Russia. Vol. 5: G. Vernadsky. The Tsardom of Muscovy. 1547-1682. 2 vols. New Haven, Yale Univ. Press, 1969.

ЦАРСТВОВАНИЯ

ПЕТР I

Cracraft, James. The Petrine Revolution in Russian Architecture. Univ. of Chicago Press, 1988. (Гораздо более широкое исследование, чем можно судить по заглавию.)

Kliuchevsky, V. Peter the Great. New York, Vintage Books, 1961.

Summer, B. H. Peter the Great and the Emergence of Russia. London, English Univ. Press, 1950.

Wittram, R. Peter I, Czar und Kaiser. 2 vols. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1964.

ЕКАТЕРИНА II

De Madariaga, I. Russia in the Age of Catherine the Great. New Haven, Yale Univ. Press, 1981.

Raeff, M., ed. *Catherine the Great: A Profile*. New York, Hill and Wang, 1972.

ПАВЕЛ I

Ragsdale, H., ed. *Paul I: A Reassessment of His Life and Reign*. Pittsburgh, Univ. Intern. Center, 1979.

АЛЕКСАНДР I

McConnell, A. *Tsar Alexander I. Paternalistic Reformer*. New York, A.H.M., 1970.

НИКОЛАЙ I

Lincoln, W. Bruce. *Nicholas I, Emperor and Autocrat of All Russia*. Bloomington, Univ. of Indiana Press, 1978.

АДМИНИСТРАЦИЯ, ПРАВИТЕЛЬСТВО

Amburger, E. *Geschichte der Behördenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917*. Leyden, Brill, 1966.

Ascher, Abraham. *The Revolution of 1905: I. Russia in Disarray*. Stanford Univ. Press, 1988.

LeDonne, John P. *Ruling Russia: Politics and Administration in the Age of Absolutism 1762-1796*. Princeton Univ. Press, 1984.

Lincoln, W. B. *In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucracy, 1825-1861*. DeKalb, Northern Illinois Univ. Press, 1982.

Orlovsky, D. T. *The Limits of Reform. The Ministry of Internal Affairs in Imperial Russia. 1801-1881*. Cambridge, Harvard Univ. Press, 1981.

Raeff, M. *Michael Speransky. Statesman of Imperial Russia*. 2d ed. The Hague, Nijhoff, 1961.

Raeff, M., ed. *Plans for Political Reform in Imperial Russia*. Englewood Cliffs, N.J., Prentice-Hall, 1966.

Robbins, Richard G. Jr., *The Tsar's Viceroy: Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire*. Cornell Univ. Press, 1987.

Rogger, Hans. *Russia in the Age of Modernization and Revolution 1881-1917*. London & New York, 1983 (Longman's History of Russia).

Starr, S. F. *Decentralization and Self-Government in Russia*. Princeton Univ. Press, 1972.

Weissman, N. B. *Reform in Tsarist Russia: The State Bureaucracy and Local Government. 1900-1914.* New Brunswick, Rutgers Univ. Press, 1981.

Wortman, R. S. *The Development of a Russian Legal Consciousness.* Univ. of Chicago Press, 1976.

Yaney, G. L. *The Systematization of Russian Government.* Urbana, Univ. of Illinois Press, 1973.

АРМИЯ

Beyrau, Dietrich. *Militär und Gesellschaft im Vorrevolutionären Russland.* Köln-Wien, Bohlau-Verlag, 1984.

Fuller, William C. Jr. *Civil-Military Conflict in Imperial Russia. 1881-1914.* Princeton Univ. Press, 1985.

Keep, John L. H. *Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia. 1462-1874.* Oxford, Clarendon Press, 1985.

КРЕСТЬЯНСТВО

Blum, J. *Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century.* Princeton Univ. Press, 1961.

Confino, M. *Domaines et Seigneurs en Russie vers la fin du XVIIIe siècle.* Paris, 1963.

Systèmes agraires et progrès agricole. Paris-La Haye, 1969.

Emmons, T. *The Russian Landed Gentry and the Peasant Emancipation, 1861.* Cambridge Univ. Press, 1968.

Field, D. *The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855-1861.* Cambridge, Harvard Univ. Press, 1976.

Gerschenkron, A. *Agrarian Policies and Industrialization, Russia, 1861-1917.* In: *The Cambridge History of Europe*, 2(2), pp. 706-800. Cambridge Univ. Press, 1965.

Hoch, Steven L. *Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, a Village in Tambov.* Univ. of Chicago Press, 1986.

Robinson, G. T. *Rural Russia Under the Old Regime.* Berkeley, Univ. of California Press, 1969.

Shanin, T. *The Awkward Class. Political Sociology of Peasantry in a Developing Society, 1910-1925.* Oxford, Clarendon Press, 1972.

ГОРОДА И ГОРОДСКИЕ КЛАССЫ

Coquin, F.-X. *La Grande Commission législative (1767-1768). Les Cahiers de doléance urbains.* Paris-Louvain, 1972.

Hamm, M. F., ed. *The City in Russian History.* Lexington, Univ. Press of Kentucky, 1976.

Hamm, Michael F., ed. *The City in Late Imperial Russia.* Indiana Univ. Press, 1986.

Hildermeier, Manfred. *Bürgertum und Stadt in Russland 1760-1870: Rechtliche und Soziale Lage.* Köln-Wien, Böhlau-Verl., 1986.

Hittle, J. M. *The Service City, State and Townsmen in Russia, 1600-1800.* Cambridge, Harvard Univ. Press, 1979.

Rieber, A. J. *Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia.* Chapel Hill, Univ. of North Carolina Press, 1982.

Zelnik, R. E. *Labor and Society in Tsarist Russia.* Stanford Univ. Press, 1971.

ЭКОНОМИКА

Blackwell, W. L. *The Beginnings of Russian Industrialization, 1800-1860.* Princeton Univ. Press, 1968.

Gerschenkron, A. *Europe in the Russian Mirror.* Cambridge Univ. Press, 1970.

Lyashchenko, P. *History of the National Economy of Russia to 1917.* New York, 1949.

Pintner, W. McK. *Russian Economic Policy Under Nicholas I.* Ithaca, Cornell Univ. Press, 1967.

Portal R. *The Industrialization of Russia.* - In: *The Cambridge Economic History of Europe*, 6 (2), pp. 801-874. Cambridge Univ. Press, 1965.

ДВОРЯНСТВО

Dukes, P. *Catherine the Great and the Russian Nobility.* Cambridge Univ. Press, 1967.

Jones, R. E. *The Emancipation of the Russian Nobility.* Princeton Univ. Press, 1973.

Manning, R. T. *The Crisis of the Old Order in Rus-*

sia: Gentry and Government. Princeton Univ. Press, 1982.

Meehan-Waters, B. *Autocracy and Aristocracy: The Russian Service Elite of 1730*. New Brunswick, Rutgers Univ. Press, 1973.

Raeff, M. *Origins of the Russian Intelligentsia in the Eighteenth Century Nobility*. New York, Harcourt Brace, 1966.

ЦЕРКОВЬ

Ammann, A. M. *Abrisse der Ost-Slawischer Kirchengeschichte*. Wien, 1950.

Freeze, G. L. *The Russian Levites. Parish Clergy in the Eighteenth Century*. Cambridge, Harvard Univ. Press, 1977.

Freeze, G. L. *The Parish Clergy in Nineteenth Century Russia: Crisis, Reform and Counter-Reform*. Princeton Univ. Press, 1983.

Карташев, А. В. *Очерки по истории русской церкви*. В 2-х тт. Париж, 1959.

Pascal, P. *Avvakum et les débuts du Raskol: La crise religieuse au XVIIe siècle*. 2nd éd. Paris-La Haye, 1963.

*

Frieden, N. M. *Physicians in an Era of Revolution and Reform, 1856-1905*. Princeton Univ. Press, 1981.

ИМПЕРИЯ

Allworth, E., ed. *Soviet Nationality Problems*. New York, Columbia Univ. Press, 1971.

Coquin, F.-X. *La Sibérie. Peuplement et immigration paysanne au XIXe siècle*. Paris, 1969.

Geyer, D. *Der russische Imperialismus (Studien über den Zusammenhang von innerer und auswärtiger Politik, 1860-1914)*. Göttingen, 1977.

Nolde, B. *La formation de l'Empire russe*. 2 vols. Paris, 1952-53.

Stanislawski, Michael. *Tsar Nicholas I and the Jews: The Transformation of Jewish Society in Russia 1825-*

1855. Philadelphia, Jewish Publication Society of America, 1983.

Thaden, Edward C. Russia's Western Borderlands, 1710-1870. Princeton Univ. Press, 1984.

ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ

Эта форма истории почти не существует в историографии России. Лучшее общее введение в нее можно найти в образцовых трудах по истории Европы (напр., "Cambridge History of Modern Europe") и классических монографиях по истории европейской дипломатии XVIII-XIX веков.

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ И РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДВИЖЕНИЯ

Здесь лучше всего обращаться к трудам русских общественно-политических мыслителей, главные из которых переведены на западные языки. Серьезное введение в предмет и обширную библиографию можно найти в следующих антологиях:

Edie, J. M., J. P. Scanlan, and M.-B. Zeldin, eds. Russian Philosophy. 3 vols. Chicago, Quadrangle, 1976.

Raeff, M. Russian Intellectual History: An Anthology. New York, Humanities Press, 1978.

Segal, H. B., ed. The Literature of Eighteenth-Century Russia. A History and Anthology. 2 vols. New York, Dutton, 1967.

Zenkovsky S. A. Medieval Russia's Epics. Chronicles and Tales. New York, Dutton, 1974.

Общие обзоры

Besancon, A. Les Origines intellectuelles du léninisme. Paris, 1977.

Brooks, Jeffrey. When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861-1917. Princeton Univ. Press, 1985.

Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1981.

Malia, M. Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism. Cambridge, Harvard Univ. Press, 1961.

Marker, Gary. Publishing, Printing, and the Origins of Intellectual Life in Russia, 1700-1800. Princeton Univ. Press, 1985.

Masaryk, T. G. The Spirit of Russia. Studies in History. Literature and Philosophy. 2 vols. New York, 1955.

Szamuely, T. The Russian Tradition. London, Secker & Warburg, 1974.

Ulam, A. In the Name of the People. Prophets and Conspirators in Prerevolutionary Russia. New York, Viking Press, 1977.

Venturi, F. Roots of Revolution. London, Weidenfeld, 1961.

Vucinich, A. Science in Russian Culture. 2 vols. Stanford Univ. Press, 1963.

Walicki, Andrzej. Legal Philosophies of Russian Liberalism. Oxford, Clarendon Press, 1987.

Walicki, A. The Slavophile Controversy. Oxford Univ. Press, 1975.

Zenkovsky, V. V. History of Russian Philosophy. 2 vols. London, 1953.

Марксизм

По истории русского марксизма, кроме многочисленных биографий Ленина, Сталина и Троцкого, особенно рекомендуются следующие издания:

Ascher, A. Pavel Axelrod and the Development of Menshevism. Cambridge, Harvard Univ. Press, 1972.

Baron, S. H. Plekhanov: The Father of Russian Marxism. Stanford Univ. Press, 1963.

Keep, J. H. L. The Rise of Social Democracy in Russia. Oxford, Clarendon Press, 1963.

Kindersley, R. The First Russian Revisionists: A Study of the Marxism in Russia. Oxford, Clarendon Press, 1962.

Pipes, R. Struve: Liberal on the Left, 1870-1905. Cambridge, Harvard Univ. Press, 1970.

Pipes, R. Struve: Liberal on the Right, 1905-1944. Cambridge, Harvard Univ. Press, 1980.

Walicki, A. The Controversy Over Capitalism: Studies in the Social Philosophy of the Russian Populists. Oxford, Clarendon Press, 1969.

ИМЕННОЙ, ПРЕДМЕТНЫЙ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛИ

- Азия* 177
Академия наук 76, 93, 110, 131, 184
Аксаков С.Т. 273
Александр I 66, 124, 127, 139, 142-147, 149-152, 155-162, 166-167, 171, 175-176, 182, 186, 189, 200, 232-233, 238
Александр II 146, 194, 204-206, 216, 220, 224, 231, 236-237, 240
Александр III 224-225, 227, 231, 240, 249, 263
Алексей Михайлович, царь 11, 16, 33, 73, 269
Английский клуб 167
Англия 30, 42, 58, 147
Анна Иоанновна, имп. 84, 101, 104-105
Аракчеев А. А. 144-145, 157-158, 175
Армяне 87
Ардт Э.-М. 187
Астраханский мятеж 54
Афон 33-34
Африка 177
- Базедов И.-Б. 131
Бакунин М.А. 181, 202-203
Балканская война 223
Балканы 32
Балтийское побережье 66
Барац Г. 273
Батюшков К.Н. 161
Безансон А. 222, 275
Безбородко А.А. 92, 161, 163
Бёме Я. 187
Берлинский университет 193
Библийское общество 172
Библия 65
Бирон Г. 84, 105
- Бисмарк О. фон Шёнхаузен 205
Благородный пансион 131, 160
Богословский 269
Болотников И.И. 21
Болтин И.Н. 108
Большевистская революция 210, 212-213
Боткин В.П. 181
Боярская Дума 14, 23-24, 73
Брюс Я.В. 52
Булавин К.А. 88
Булавинский мятеж 54
Бунге Н.Х. 249
- Ваза, польская королевская династия 34
Валахия 32
Великая Французская революция 210
Великие реформы 204-205, 214, 216-217, 220, 222, 237, 245
Вена 32
Вентури Ф. 222, 275
Версаль 15
Верховный тайный совет 83-84, 105
«Вехи» 264
Виланд К.-М. 131
Виленский университет 161
Вильгельм I, король вюртембургский 235
Витте С.Ю. 226, 249
Воеводы 14, 19
Военная реформа 216
Военное министерство 245
Военно-медицинская академия 161
Война с Наполеоном, вторжение Наполеона см. Отечественная война 1812 года

- Волга 94
 Вольнский А.П. 105
 Вольное экономическое общество 132
 Воскресенский Н.А. 271
 Восстание декабристов 177, 179, 188, 191, 197
 Восток 31-32
 Восточная Польша 34
 Восточная Пруссия 269
 Временщики 63, 84-85, 104-106, 124, 154, 157-158
 «Второе крепостное право» 269
 Вуайе д'Аржансон Р. 272
 Вырубова А.А. 234
 Вышнеградский И.А. 249
 Вяземский А.А. 84, 119, 143
 Вяземский П.А. 174, 195
- Габсбурги 94
 Галилей Г. 42
 Галле 46, 270
 Ганноверская династия 156
 Гапон Г.А. 232
 Гатчина 140
 Гарденберг К. 205
 Гегель Г.-В.-Ф. 201
 Генеральный регламент 60-62
 Германия 58, 60, 120, 166, 171, 181, 270
 Герольдия 58, 154
 Герцен А.И. 181, 200, 202
 Гете И.-В. 37
 Геттинген 161
 Гимназии 184
 Главный Магистрат 69
 Гоголь Н.В. 161, 163, 188
 Голицын Д.М. 105
 Голицыны, род 51
 Голландия 30, 44, 270
 Голод 1891-1892 гг. 226, 248
 Гольштинцы 106
- Гордон П. 52
 Городские думы 125
 Государственная Дума 228-229, 254
 Государственный Совет 143-144
 Гражданский кодекс 152
 Грановский Т.Н. 181, 183
 Греки 94
 Греко-славяно-латинская академия 45
 Грибоедов А.С. 174
 — «Горе от ума» 199
 Грузины 94
 Губернские правления 146
 Губные люди 19
- Дворянские собрания 125
 Декарт Р. 42
 Декабристы 199, 202, 274
 «Декабристы без декабря» 173-174
 Демидов Н. (Антуфьев Н.Д.) 52
 Демидов П.Г. 163
 Демидовский лицей 161, 163, 193
 Департаменты 143, 146, 194
 Дерптский университет 161
 Днепр 30
 Достоевский Ф.М. 163, 248
 Духовная Академия Троице-Сергиевой Лавры 188
 Духовные академии 81, 161, 188-189
 Духовные училища, духовные учебные заведения 78-79, 162
- Евреи 94, 184, 225, 250
 Европа 32, 36-37, 121, 133, 169, 181, 185, 239, 253, 255
 Европейская Россия 192
 Европейцы 107
 Елена Павловна, вел.кн. 195
 Елизавета Петровна, имп. 84, 87, 89, 92, 94, 101, 103-104, 130, 232
 Екатерина II, имп. 62, 66, 84, 89, 92, 94, 100, 106-108, 110, 112-113, 116-

- 121, 123-124, 126-127, 129-132, 134, 136-137, 140-143, 147-148, 151-152, 154, 160, 175, 232, 273-274
- Екатерина Павловна, вел. кн.** 156
- Жалованные грамоты дворянству и городам 121-125
- Жандармский корпус 180, 235
- Завадовский П.В.** 92
- Закавказье* 88
- Законы 1809 года 162-163, 191
- Запад* 14, 16-17, 24, 31-32, 34, 37, 75, 80-81, 166, 177, 181, 183, 201, 255-256
- Западная Европа* 38, 65, 69, 117, 132, 147, 165, 214, 265
- Западная и Центральная Европа* 13, 15, 36-37, 45, 47, 83, 86, 130, 172
- Западники 199
- Запорожская Сечь* 30
- Земгор 258
- Земская реформа 214, 220, 236, 273
- Земства 214, 219, 225, 238, 246, 248
- Золотая Орда* 15
- Зубатов С.В.** 232
- Зубов П.А.** 107
- Ибсен Г.** 227
- Иван IV Грозный** 12, 19
- Императорское Географическое общество 193
- Иностранцы 26, 29, 31, 53, 78, 87, 91-92, 108, 114, 216, 225, 259-260
- Иностранцы (иноземцы) 25, 29-31, 46, 52, 81, 91, 93, 97, 106, 108, 184
- Иоанн Антонович, имп.** 104
- Исихасты 187
- Испания* 42, 176
- Италия* 176
- Кабинет министров 84
- Кавказ* 88, 147, 171, 225
- Каган А.** 101, 273
- Кадетский корпус 77-78, 80, 164
- Казаки 29-30, 53-54, 88, 108-109, 114, 120
- Казанский университет 161
- Казань* 164
- Кайсаров А.С.** 161
- Камералистика 37-38, 42-43, 45-47, 50, 54, 60, 74, 117, 147, 153, 206, 269
- Карамзин Н.М.** 134, 170
- Киев* 30-34
- Киевская митрополия 33
- Киевская славяно-латинская академия 33, 45
- Кимерлинг Э.** 271
- Киреевский И.В.** 50
- Ключевский В.О.** 50
- Кодекс Наполеона 151
- Кокен Ф.-К.** 112, 273
- Коллегии 60, 73, 83, 85
- Кольбер Ж.-Б.** 17, 42
- Комиссия об Уложении 112-113, 115-117, 121, 151
- Константин Павлович, вел.кн.** 195
- Константинополь* 15, 33
- Контрреформы 224-225, 227
- Конфино М.** 95
- Красный Крест 223
- Крекшин** 52
- Кремль* 15-16, 35
- Крестьянские восстания и бунты 21, 28, 108-109
- Кризисы престолонаследия 33, 36, 83, 105
- «Кровавое воскресенье» 231
- Крылов И.А.** 134, 149
- Крымская война 220, 243
- Куницын А.П.** 173
- Куранты 46

- Ладожский канал* 55
Ланкастерские школы 172
Левентер Г. 272
Лейбниц Г.-В. 76
Ленин (Ульянов) В.И. 202
Ливония 66
Линкольн В.Б. 193, 174-175
Лобачевский Н.И. 185
Локк Дж. 131
Луи-Филипп, король французский 235
Лунин М.С. 173
Людовик XIV 16, 42
Людовик XVI 140
- Майер Х. 276
Макаров А. 52
Малия М. 261, 275
Мария Федоровна, имп. 156
Марксисты 226, 252, 256
Масонские ложи 133, 167, 171, 187
Математическая Академия 76
Менделеев Д.И. 185
Меншиков А.Д. 105
Мерзляков А.Ф. 161
Местничество 13, 23
Местр Ж. де 247
Милюков П.Н. 50
Милютин Н.А. 195, 275
Милютин, братья 192
Министерство внутренних дел 173, 190, 194, 225
Министерство государственных имуществ 150
Министерство финансов 190, 194, 249
Министерство юстиции 193
Министерства 60, 143-144, 146, 193
Миних И.-Э. 105
Михаил Павлович, вел. кн. 173
Миэн-Уотерс Б. 105, 271, 273
«Младотурки» 177
- Молдавия* 32
Монтескье Ш.-Л. 53
Мордвинов Н.С. 144
Морская Академия 76
Морское министерство 245
Москва 15, 18-19, 22, 27, 29, 31, 33-34, 46, 77, 97, 104-105, 140, 152, 164, 188, 234, 269, 271
Московская Русь см. *Русь*
Московское барокко 31
Московское государство 11-13, 17, 19, 22-23, 25, 28, 30-32, 45-47, 53-54, 61, 74, 88, 109, 269
Московский университет 76, 78, 93, 131, 160-161, 164, 183
- Наполеон I Бонапарт 123, 151, 157, 167, 169, 171
Народовольцы 224
Народники 226
Нежин 161
Немецкая Слобода 29-30
«Немецкие временщики» 84
Немецкие государства 17
Немецкие университеты 161
Немцы 93-94, 106, 121, 152, 274
Неофициальный комитет 149
Неплюев И.И. 52
Нигилисты 242, 245
Нидерланды см. *Голландия*
Никитенко А.В. 182
Николай I 66, 146, 150, 152, 158, 179-181, 183-184, 186, 188-197, 199, 203-205, 217, 231, 233, 236, 241-242, 247, 249, 274-275
Николай II 224, 227-228, 230-232, 234, 239-240, 249-250, 263
Никон, патриарх 13, 27
Ницше Ф. 227
Новиков Н.И. 108, 132, 134, 136-137, 149, 167, 175
Новороссия 94, 120

- Новоторговый устав 269
Ньютон И. 42
- Огарев Н.П.** 202
 Однодворцы 108
Одоевский В.Ф. 195
Ольденбургский Г., принц 156
 «Органическая работа» 204
Ориу М. 40, 71
Орлов Г.Г. 62, 107
Орлов М.Ф. 174
Остерман А.И. 52
Остзейские (прибалтийские) губернии 115, 150, 225
 Остзейские немцы см. Немцы
 Отечественная война 1812 года 167-169, 171
 Отмена внутренних пошлин 89
 Отмена крепостного права 204-205, 214, 217, 221, 236, 243, 245, 247, 249
 Охранное отделение 235
- Павел I** 127, 139-141, 148, 152, 164, 181, 233, 274
Павленко Н. 271
 Падуанский университет 34
 Палата лордов 155
 Панславизм 223
Папмел К.А. 274
Париж 16
 Парижский парламент 155
 Патриархия 63
 Патриотические союзы 171
 Первая мировая война 100, 211-212, 216, 230, 258
Персия 66
Пестель П.И. 176
Петр I (Петр Великий) 11, 14, 16, 26-27, 31, 34, 36, 45-52, 4-58, 62, 64-69, 71-74, 76-77, 79-80, 82-83, 87-88, 95, 100, 102, 104-106, 109, 112, 116-118, 120, 123, 134, 136-137, 141-143, 145, 153-155, 162, 165, 175, 184, 189, 191, 198, 205, 232, 239, 247, 269-272
- Петр II** 104-105
Петр III 106, 130, 134, 140
 Петровские реформы 11, 47-49, 70, 102
Плеве В.К. 227
 Полное собрание законов российских 12, 118, 152
 Польские старообрядцы 94
 Польское барокко 31
 Польское восстание 1863 года 220-221
Польша 32-33, 50, 88, 204, 225, 269
 Поляки 250
 Портсмутский мир 228
Посошков И.Т. 52
Потемкин Г.А. 62, 94, 107, 110, 120
Прибалтика 88, 121
Пригожин И. 39
 Приказы 18, 23-24, 52, 60, 73
Прокопович Ф. 45, 64-65
 Просвещение (Эпоха Просвещения) 133-134
 Протекционизм 147
 Процессы над ведьмами 24
Пруссия 270
Пугачев Е.И. 109, 247, 273
 Пугачевский бунт 108-109, 120-121, 273
Пушкин А.С. 109, 161, 174, 182, 274
 — «Капитанская дочка» 232
- Радищев А.Н.** 134, 137, 149, 170
 — «Путешествие из Петербурга в Москву» 149
Раев М. 270, 273
Разин С.Т. 21, 28
 Разночинцы 87
 Разумовские, братья 92

- Раскол 13, 27, 32, 34
 Раскольники см. Старообрядцы
 Распутин Г.Е. 234
 Реальные училища 184
 Регулярное государство 37, 42, 47,
 50-51, 54, 56, 74, 109, 117, 120
 Рекрутский набор 55, 58, 108
 Религиозные войны 42
 Ретиф де ла Бретонн Н. 271
 Реформация 39
Рига 88
Рим 15, 27, 34
Римская республика 276
 Ритуал бранного поношения 24
 Ромодановские, род 52
Российская Империя 12, 56, 74, 88,
 93, 103, 131, 152, 209, 231, 235,
 240, 259-260
Россия 28, 37, 46-47, 50-52, 57-58, 62-
 63, 67, 74, 79, 81, 83, 88, 90, 93,
 105, 112, 116-117, 120, 127, 129-
 130, 133, 137, 141, 152-153, 155,
 157-158, 166, 172, 174, 176, 178,
 183-186, 188-189, 196, 199-203, 205,
 208, 210-211, 213, 216-217, 219-220,
 222, 227-231, 239, 241-242, 253-257,
 260, 263, 266, 271, 273
 Румянцев Н.П. 163
 Румянцев-Задунайский П.А. 62, 92
 Румянцевский музей 163
 Русская Православная Церковь 13,
 63, 133
 Русская революция 1905 года 210,
 228, 248, 252
 Русско-Американская компания 173
 Русско-японская война 227-228, 248
 Руссо Ж.-Ж. 131, 272
Русь 25, 31, 34-35, 269
 Рязановский Н.В. 274

 Салтыков Ф.С. 46, 52
 Самарин Ю.Ф. 188

Санкт-Петербург 66, 69, 77, 104,
 139-140, 146, 168, 171, 173, 177,
 188, 193
 Священное Писание 65, 96
 Священный Синод 63, 262
Северная Двина 19, 269
Северная Европа 45
 Северное общество 177
 Сельские общины 18-19, 53, 85, 218-
 219, 252
 Сельскохозяйственный банк 249
 Семенов-Тяньшанский П.П. 275
 Семинарии 79, 161, 186
 Сенат 58, 73, 83-84, 106, 119, 128,
 143, 146, 153-155
 Сенатская канцелярия 84
Сенатская площадь 177
 Сен-Мартен Л.-К. 187
 «Сербы» 94
 Серебряный век 260, 265
Сибирь 103-104, 147, 171, 219
 Сиверс П.И. 121
Скандинавские государства 17
 Сковорода Г.С. 133
 Славяне 94
 Славянофилы 35, 188, 199, 201-202,
 251-252
 Славянское общество 223
 Смит А. 147
 Смольный институт благородных
 девиц 131
 Смутное время 12, 19, 28, 30, 34
 Соборное Уложение 11-12, 19, 26,
 102, 112
 Совестные суды 128-129, 274
 Совет министров 143-144
 Совет объединенного дворянства
 250
*Советская Россия, Советский Со-
 юз* 100, 103, 105
 Солдаты 99
 Софья Алексеевна, царица 20, 54

- Сперанский М.М.** 144-145, 150-152, 162, 193, 198
Средние века 38
Средняя Азия 223
Станкевич Н.В. 181, 201-202
Старообрядцы (староверы, раскольники) 27-28, 49, 53-54, 96-97, 103, 147, 187, 262, 273
Столыпин П.А. 228-229, 250, 252-253, 275
Стрельцы 28, 53-54
Стрелецкий бунт 54
Струве П.Б. 19
Судебная реформа 215
Сумароков А.П. 110
США 100
- Табель о рангах** 56, 62, 114
Тайные общества 176
Тарановский 236
Татищев В.Н. 52, 68, 108
Тетерятников В. 96, 273
Тихон Задонский 133
Торгово-промышленный союз 258
Торке Х.-И. 53, 269, 271
Третье отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии 180, 235, 274
Тридцатилетняя война 42
Трубецкой Н.Ю. 46
Трудовое законодательство 257
Тургенев А.И. 200
Тургенев Н.И. 161, 172, 174
Тургеневы, братья 173
Турция 66, 70, 88
Турки 15, 32
Турнье М. 39
- Уваров С.С.** 180, 274
Указ о вольных хлебопашцах 150
Указ о вольности дворянства 135
Указ о единонаследии 69, 272
Указ от 22 декабря 1697 года 16
- Украина** 26, 30-31, 34, 81, 88, 92, 94-95, 177
Украинцы 31, 88, 92-93, 250
Уложение царя Алексея Михайловича см. **Соборное Уложение**
Университетский устав 182
Уортман Р.С. 193, 275
Устав благочиния 118
Училище правоверия 161, 193
Учреждение для управления губерний 119, 121
- Федор Алексеевич, царь** 20
Фик 52
Филокалия 187
Филарет, митр. 188
Финляндия 147, 170
Финский залив 55-56, 75
Фонвизин Д.И. 108, 110, 134
Франция 42, 50, 58, 123, 136, 149, 257, 270
Французы 93
- Хайек Ф. фон** 39, 116
Харьков 164
Харьковский университет 161
Хаскалла 225
Херасков М.М. 78
Хованский И.А. 25
Хомяков А.С. 188
- Царскосельский лицей** 161
Царство Польское 170
Цветаева М.И. 109
Цензура 132, 140, 181, 196, 204, 244, 266, 274
Центральная Европа 33
Центральная и Западная Европа см. **Западная и Центральная Европа**
Центральная Россия 88, 92

Церковный Собор 13
Цифирные школы 76, 81

Чаадаев П.Я. 167
Черное море 31, 94, 120
Черносошные крестьяне 18
Черта оседлости 225
Чичерин А. 168, 274
Чичерин Б.Н. 269

Шакловитый Ф.Л. 25
Шафиров П.П. 52
Швеция 46, 50, 66, 70
Шеллинг Ф.-В. 201
Шереметьевы, род 51
Шлецер А.-Л. 161
Шуберт Ф. фон 168, 274
Шувалов И.И. 62

Щербатов М.М. 108

Экономический либерализм 147
Эстония 66
Эстрайх Г. 270

Южная Украина 94
Южное общество 177
Юнг-Штиллинг 271

Яворский С. 45
Ягужинский П.И. 52
Япония 227
Ярославль 161

Abel G. 270
Augustine W.R. 273

Balzac H. de 270
Basileum 34

Besaçon A. см. Безансон А.
Bushkovitch P. 271

Cantselie Ordnung 60
Confino M. см. Конфино М.
Coquin F.-X. см. Кокен Ф.-К.
Cross A.G. 273

Dukes P. 273

Forster R. 273

Gerschenkron A. 270
Geyer D. 275
Grandes Ordonnances 17
Greene J.P. 273

Hittle J.B. 271, 273

Kahan A. см. Каган А.
Kantorowitz E.H. 270

LeDonne J.P. 271
Lenoble R. 270
Lincoln W.B. см. Линкольн В.Б.

Madariaga I. de 274
Malia M. см. Маляя М.
McFarlin 274
Meehan-Waters V. см. Миэн-Уотерс
Б.
Meier Ch. см. Майер Х.
Monas S. 274
Mousnier R. 270

Oestreich G. см. Эстрайх Г.

Papmehl K.A. см. Папмел К.А.
Peterson C. 270-271
Pintner W. McK. 271
Polizeiordnungen 17
Portal R. 271, 273

Raeff M. см. Раев М.
Rechtstaat 129

- Regemorter J.-L.** 274
Riasanovski N.V. см. Рязановский
 Н. В.
Ritterakademien 80
Rowney D.K. 271
- Scharf C.** 274
Schubert F. von см. Шуберт Ф. фон
Shanin T. 276
Szeftel M. 275
- Torke H.-J.** см. Торке Х.-И.
- Ulam A.** 275
- Venturi F.** см. Вентури Ф.
Voyer d'Argenson R. см. Вуайе д'Ар-
 жансон Р.
- Webster Ch.** 270
Winter E. 270
Wittram R. 271
Wortman R.S. см. Уортман Р.С.
- Zanta L.** 270

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение.</i> Поиски прошлого	5
<i>Глава 1.</i> Московское государство накануне петровских реформ	11
Симбиоз Церкви и государства	12
Право царя на престол	15
Функции администрации	17
Всеобщая государственная повинность	17
Местная администрация	18
Закабаление общества	20
Опасности, грозящие обществу	25
Факторы крушения московского общества	27
Духовенство	33
Разрыв между верхами общества и народом	35
Западноевропейский образец	37
Восприимчивость московского общества	45
<i>Глава 2.</i> Петровская революция	48
Промежуточный слой	53
Государственная служба	56
Генеральный регламент 1720 года	60
Легитимность власти	64
Преобразование общества	67
Европеизация верхов	69

Глава 3. Система Петра Великого испытывает трудности	73
Политика в области культуры и просвещения	76
Кадетский корпус	77
Образование	79
Духовенство	81
Система управления	82
Социальная мобильность	88
Изоляция народной культуры	96
Ощущение неустойчивости	100
Кризис 1730 года	105
Психологическая неустойчивость	107
Глава 4. На пути преобразования Петровской системы	111
Комиссия об Уложении 1767 года	112
Административная политика Екатерины II	118
Внешняя политика Екатерины II	120
Жалованные грамоты дворянству и городам	121
Судебная власть	127
Культурная жизнь	130
Зарождение интеллигенции	136
Глава 5. На заре XIX века	139
Реформа центральной администрации	142
Преобразование местной администрации	145
Экономические и социальные меры	147
Необходимость свода законов	150
Сопrotивление политике реформ	152

Сенат	153
Двор	156
Развитие гражданского общества	159
Просвещение	160
Литературные и философские кружки	164
Жизнь общества	166
Открытие народа	169
Гражданское общество стремится к активной роли	171
Тайные общества. Мятежи	176
Глава 6. Режим Николая I	179
Отрицательные стороны системы	180
Университеты	182
Профессиональное образование	183
Научная жизнь	184
Религиозная жизнь	187
Профессионализация государственной службы	189
Социальная жизнь	194
Поместное дворянство	196
Интеллигенция	199
Реформы Александра II	205
Глава 7. Преобразования Российской империи?	209
Различные точки зрения на революции 1905 и 1917 гг.	210
Эпоха великих реформ	214
Отрицательные последствия великих реформ	217
Контрреформы	225
	303

Индустриализация	226
Два полюса	230
Поместное дворянство	247
Крестьянство	251
Городской пролетариат	254
Буржуазия	256
Нерусское население	259
Серебряный век	260
<i>Примечания</i>	269
<i>Приложения</i>	277
1. Общественные силы в России во второй половине XIX века	279
2. Краткая хронология	280
3. Основная библиография (западные издания)	283
<i>Именной, предметный и географический указатели</i>	292